

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН**

В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев

**Авторитаризм и демократия
в условиях Афганистана
и Пакистана**

Москва
ИВ РАН
2013

УДК 321.6(581+549.1)
ББК 66.3(5Афг+5Пак)12
Б43
С35

Б43 **Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.**
С35 **Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана.** – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 176 с.
ISBN 978-5-89282-570-2

Данная работа выполнена в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «Нация и государство в мировой истории». Основная цель включенного в программу проекта по Афганистану и Пакистану состоит в изучении особенностей и проблем взаимоотношений между современным государством и традиционным обществом в двух соседних странах Азии. Основное внимание в книге уделено двум разнохарактерным аспектам взаимодействия государства и общества в афгано-пакистанском ареале, а именно, этапам становления и эволюции авторитарной власти в Афганистане и особенностям функционирования своеобразной, отягченной многими элементами авторитаризма, демократии в Пакистане.

УДК 321.6(581+549.1)

ББК 66.3(5Афг+5Пак)12

© Белокреницкий В.Я., 2013

© Сикоев Р.Р., 2013

© Институт востоковедения РАН, 2013

ISBN 978-5-89282-570-2

Оглавление

Введение (<i>В.Я. Белокреницкий</i>)	5
Раздел I. Афганистан. Автократия и конституционализм	
(<i>Р.Р. Сикоев</i>).....	22
Глава 1. Авторитарное правление Абдурахман-хана	22
Глава 2. Конституционный авторитаризм Амануллы и его провал.....	42
Глава 3. Правление Надир-шаха и последнего короля Захир-шаха. Конституция 1964 г.....	63
Раздел II. Пакистан. Особенности авторитарной демократии (<i>В.Я. Белокреницкий</i>)	79
Глава 4. Персоналистский авторитаризм	79
Глава 5. Идеологическое государство	111
Глава 6. Политика исламизации и кризис власти.....	131
Глава 7. Становление и роль гражданского общества.....	152
Contents	173

Данная работа выполнена в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «Нация и государство в мировой истории». Основная цель включенного в программу проекта по Афганистану и Пакистану состоит в изучении особенностей и проблем взаимоотношений между современным государством и традиционным обществом в двух соседних странах Азии. Монография представляет собой промежуточный итог работы над проектом и не претендует на решение всего комплекса задач, поставленных перед собой исполнителями.

Введение

Основное внимание в книге уделено двум разнохарактерным аспектам взаимодействия государства и общества в афгано-пакистанском ареале, а именно, этапам становления и эволюции авторитарной власти в Афганистане и особенностям функционирования своеобразной, отягченной многими элементами авторитаризма, демократии в Пакистане. В первой части монографии рассмотрены наиболее характерные черты автократии как исторического феномена и прослежены этапы становления автократического правления в Афганистане. В первой главе анализу подвергается период абсолютистского правления эмира Кабула Абдуррахман-хана, охвативший два последние десятилетия XIX в. и ослаблению жесткого стиля правления при его сыне эмире Хабибулле. Вторая глава посвящена реформам короля Амануллы-хана, принятию по его инициативе первой конституции в 1923 г. и неудаче его эксперимента с демократией и модернизацией глубоко традиционного общества. В главе третьей очерчены некоторые черты недолгого правления Надир-шаха, в частности, принятие при нем конституции 1931 г. В той же главе рассмотрены шаги, предпринятые в целях развития демократии и конституционализма последним королем Афганистана Захир-шахом, и охарактеризован его личный вклад в сохранение длительного мира и стабильности в стране. Особенностью всего раздела посвященного Афганистану, является внимание к личностям правителей, их социально-психологическим портретам, намерениям и результатам деятельности. Большое внимание уделяется конституциям, разработанным и принятым в монархический период истории Афганистана как централизованного государства.

Во второй части рассмотрены основные черты становления и эволюции авторитарной демократии в Пакистане. Глава четыре посвящена феномену персоналистского (персонифицированного) авторитаризма. В продолжение темы предыдущего раздела в

главе уделено определенное внимание личностным особенностям лидеров страны на разных этапах ее истории. Основное внимание в пятой главе сосредоточено на превращении «нормального» государства, каким Пакистан был в начальные десятилетия своего существования в «идеологическое», исламское по основной направленности своей внутренней и внешней политики. На этом фоне отмечаются и присущие таким идеологическим государствам черты неэффективного, расхитительского управления, связанного с казнокрадством, разгулом произвола и беззакония. Глава шестая развивает тему исламизации и упадка, диффузии власти. Особое внимание в ней уделено роли военного режима середины 1980-х годов как инициатора исламизации «сверху» и триггера негативных процессов, охвативших страну в тот и последующий периоды. В седьмой главе рассмотрены тенденции становления и современной роли гражданского общества, состоящего из различных неправительственных и некоммерческих организаций. Среди них авторы выделяют традиционный и современный сегменты, обращая внимание на наличие промежуточной, гибридной сферы частной и добровольной социальной активности.

Приходится сразу оговорить, что в текстах данной работы, где речь идет об Афганистане и Пакистане, использованы разные принципы написания имен собственных, имеющих элементы «хан», «шах» и «паша».

В предисловии хотелось бы в предварительном порядке обсудить вопрос об особенностях и механизмах взаимодействия государства и общества в Афганистане и Пакистане. Нужно подчеркнуть, что проблема сосуществования государства и общества довольно редко ставится в теоретическом и компаративистском плане, как в отечественной, так и в мировой научной литературе. Она, как нам кажется, распадается на ряд вопросов.

Во-первых, это генезис современных государств и обществ вообще и на Востоке в частности. Такой аспект крайне актуален в связи с появлением в мире в XX веке большого числа новых государственных образований (их количество увеличилось за прошедшее столетие почти вчетверо, приблизительно с 50 до 200). Очевидный вопрос состоит в том, что возникает раньше – государство или общество, и можно ли дать один, подходящий для всех случаев ответ на него.

Во-вторых, это вопрос о факторах, существенных для образования современного территориального государства, страны, и формирования общества и нации в его границах? В.А.Тишков и В.А.Шнирельман отмечают, что национализм как идеология существования нации-государства, иногда апеллирует к языку, иногда к религии, иногда к идейным основам социально-политического строя, и представляет собой, как и нация, подвижную, меняющуюся категорию. В мировой литературе, как подчеркивают они, ныне утвердилось мнение о наличии двух типов наций – этногенеалогических (культурных) и гражданско-территориальных¹. Очевидно, что для целей данной работы наиболее существенным является понимание нации в смысле гражданско-территориальной общности, но одновременно возникает важнейший с точки зрения дальнейшей судьбы рассматриваемых стран вопрос о степени формирования и зрелости этнокультурных наций в их пределах.

В-третьих, в нынешнюю эпоху для Афганистана и Пакистана возникает в качестве значимой и самостоятельной проблема гражданского общества и его отличия от общества в целом, или общества как такового. Как, кстати, соотносятся эти понятия, и можно ли согласиться с определением последнего как «общественно-экономического организма»² или это, прежде всего, политический и социокультурный, а затем уже экономический феномен.

В четвертых, вопрос о государственно-общественном синтезе, полноте совпадения социума (общества) и политики (государства) в рамках национальных, международно признанных границ. Такой вопрос актуален ввиду сложной во многих случаях проблемы окраин, периферийных областей, выпадающих зачастую из общего характерного для данной страны «каркаса».

В-пятых, вопрос о механизмах взаимодействия современного централизованного государства и локальных сообществ традиционного типа. Такие сообщества характерны, в первую очередь, для сельских местностей и промежуточной зоны сельско-городских населенных пунктов, расположенных на значительном расстоянии от крупных многофункциональных городов, административных и

¹ Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С.5, 15; см. также: *Тишков В.А., Шаббаев Ю.П.* Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2011. С. 52–74.

² *Акимов А.В., Яковлев А.И.* Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012. С. 179.

культурных центров, промышленных и инфраструктурных градообразующих объектов.

Обсуждая выделенные вопросы, мы не намерены отделять их жестко друг от друга, но рассмотрим последовательно на примере двух рассматриваемых стран и, по мере возможности, в сравнительном ключе.

Итак, что касается происхождения государства и общества, то Афганистан и Пакистан являют собой яркий пример существенных различий при смежности территории, религиозной схожести и частичном совпадении этнического состава населения. Афганистан возник «стихийно», благодаря стечению благоприятных для пуштунов (афганцев) исторических обстоятельств. Убийство Надир-шаха Афшара, правителя Персидской империи, в 1747 г. и последовавший ее полураспад, на фоне ослабления индийской империи Великих Моголов, а также узбекского Бухарского эмирата, позволило равнинным пуштунам из племенной конфедерации абдали (дуррани) основать свою империю, которая послужила прообразом будущего национального государства. При первом правителе Ахмад-шахе Дуррани (1747–1772) афганская империя распространяла свою власть на большую территорию, которая включала, на более или менее постоянной основе, помимо земель нынешнего Афганистана, иранский Хорасан и весь Пакистан, а также Кашмир³. В дальнейшем зона контроля империи существенно сократилась вследствие потери Хорасана на западе, Туркестана на севере, Синда, Панджаба, большей части Белуджистана и пуштунской области Пешавар на юге и востоке. Былая военная держава во главе с шахом превратилась в эмират (королевство) с центром в Кабуле, и после двух войн с англичанами в 1839–42 и 1878–1881 гг. Афганистан обрел современные очертания. Граница между ним и Персией (Ираном) была установлена англичанами после короткой англо-персидской войны в 1857 г., протяженная восточная граница, известная как «линия Дюранда», была в принципе согласована в 1893 г., а граница на севере, исторически тяготеющая к руслу Аму-

³ См., например: *Ганковский Ю.В.* Империя Дуррани. М., 1958; История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977 / отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1985. Гл. 1; *Арунова М.Р., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М., 2010. С. 76–107; *Barfield T.* Afghanistan. A Cultural and Political History. Princeton, 2010. Ch.2. (Electronic Resource).

Дарьи (Пянджа), оформилась в ходе англо-русского пограничного урегулирования в 1872–73, 1885–87 и 1895 гг.⁴

Хотя обретение национальных границ было лишь предварительным условием для начала формирования нации-государства, оно, безусловно, имело немалое значение. После третьей англо-афганской войны 1919 г. Афганское королевство получило право на суверенитет не только во внутренних, но и во внешних делах.

Таким образом, первичным в случае с Афганистаном нужно считать появление отдельного, обладающего своей территорией государства и лишь вторичным и с большим временным лагом – формирование общества в его рамках и границах. Между тем, что есть общество в данном, да и в других аналогичных случаях? Вряд ли можно согласиться со сравнением общества с организмом. Вместо биологического термина правильнее, на наш взгляд, использовать понятие системы. Ибо общество, как и государство, формируется, как определенное системное и структурное единство. Для общества исключительно важен, кроме того, социопсихологический момент, факт осознания всем или наиболее политически значимой частью населения своей принадлежности к нему. В современном обществе его отличия от государства осознаются главным образом представителями среднего класса, буржуазии, а также, при определенных условиях, широкими городскими слоями, непосредственно не связанными с государством и создаваемой им системой управления.

Для досовременной эпохи представление об обществе, как о чем-то отличном от государства, не является, по-видимому, характерным. Вместе с тем, традиционное (добуржуазное) государство включало в себя разнообразные и часто изолированные друг от друга местные сообщества – племена горцев и скотоводов-полукочевников, соседско-родственные общины земледельцев. Это сосуществование приводило к формированию дихотомии власти и подвластного населения, прототипу современной дуалистичности государства и общества. По мере модернизации страны из традиционной оппозиции государству вырастает новая конфигурация, появляются общественные группы, отличающиеся по своему самосознанию от представителей властной элиты, а также слоев, тесно связанных с ней и обслуживающих её, т.е. выразителей государственного интереса и проводников государственной политики.

⁴ Арунова М.Р., Шумилов О.М. Граница России с Афганистаном. М., 1998.

В рамках такого государства, как Афганистан, предпосылки нации-общества формировались медленно, начиная, пожалуй, лишь с начала XX века, когда после смерти «железного эмира» Абдурахман-хана в 1901 г. королевство приоткрывается для влияний извне. После реформ Амануллы-хана (1919–1929) и консолидации власти при Надир-шахе (1929–1933) процесс становления национального самоосознания усилился, хотя и охватывал главным образом лишь верхние, достаточно образованные и обеспеченные группы населения, сосредоточенные в немногих крупных городах. Вместе с тем, за их пределами продолжало господствовать традиционное мировосприятие, производное от более или менее неизменных условий существования в сельской местности. При этом основная часть афганской территории оставалась малопригодной для проживания сколько-нибудь значительных масс людей, а все население в середине 1940-х годов равнялось, очевидно, 8–9 млн. человек⁵. Карта Афганистана, используя метафору современного американского афганиста Т.Барфильда, напоминала швейцарский сыр с огромными дырами незаселенных, не освоенных человеком высокогорных и гористых, труднодоступных и засушливых территорий.

После Второй мировой войны формирование афганской нации-общества ускорило под влиянием начавшейся индустриализации, изменений в аграрной сфере, а также в социальных областях. Однако современные порядки пустили корни преимущественно в городах и не смогли серьезно потеснить традиционные отношения. Прогресс в экономической сфере, достигнутый в течение сохранявшейся почти полвека политической стабильности, сопровождался формированием в городах современной бюрократии, групп торговой, а затем и промышленной буржуазии, других представителей среднего класса, первых отрядов организованных рабочих. Перемены в сельской местности были минимальны, население за послевоенный период выросло примерно вдвое, но уровень и уклад жизни основной его части остался почти неизменным. В конце 1970-х годов страна оказалась ввергнута в водоворот жестокой и разрушительной междоусобной войны. Растянувшаяся более чем на три десятилетия гражданская смута замедлила консолидацию афганской нации, но не подорвала, как представляется, ее основ,

⁵ Афганистан на переходном этапе / отв.ред В.Г. Коргун, М.Р. Арунова. М., 2002. С. 43.

связанных в частности с глубокой исторической традицией и появлением современных слоев, идентифицирующих себя с национальным государством.

В отличие от Афганистана, Пакистан возник, что называется, «на кончике пера», спустя ровно 200 лет после образования империи Дуррани, в 1947 г. Но, как и в случае с Афганистаном, его появлению способствовал кризис империи, правда, уже не средневековой Персидской, а колониальной Британской. Раздел исторической Индии, сопровождавший отмену ее колониального статуса, привел к «искусственному» вычленению нового государства (на первых порах, независимого доминиона) под названием Пакистан. В течение первой четверти века своего существования страна состояла из двух территорий (провинций) – западной и восточной, отделенных друг от друга массивом индийской земли. В 1971 г. в результате острого политического кризиса в «двукрылом» Пакистане и военного вмешательства Индии восточная часть обрела независимость, став республикой Бангладеш, а западная продолжила существовать под прежним названием, но в урезанном виде.

К середине XX века на территории нынешнего Пакистана уже сложились достаточно развитые общественные структуры современного типа. В колониальный период там утвердились права частной собственности на землю, английская система судопроизводства, элементы представительной демократии, сложились первые когорты современной бюрократии, городские (буржуазные и пролетарские) классы, слой интеллигенции. Осознание их представителями своей принадлежности к пакистанскому обществу пришло, разумеется, лишь после образования страны. До этого они ощущали себя частью Индии, ассоциируясь по преимуществу с ее мусульманской религией, культурой и историей. В то же время в провинциях, составивших новое государство, прежде всего в крупнейших из них – Панджабе и особенно Синде – сложилось осознание принадлежности к поликонфессиональной культуре и уникальной истории этих областей.

Наиболее сильным чувством принадлежности к мусульманскому Пакистану, получившему в 1956 г., по первой конституции, название Исламской республики, обладали представители многочисленной группы переселенцев (беженцев) из Индии. Они прибыли главным образом из северной ее части (Объединенной провинции Агры и Ауда и восточных округов провинции Панджаб), а также из

городов центральных районов (по-преимуществу из полунезависимого княжества Хайдерабад). Переселенцев и их потомков называют в Пакистане *мухаджирами*, тем же почетным именем, что и совершившего *хиджру* (переселение в праведных целях) Пророка Мухаммада. Особые чувства к своей мусульманской родине испытывают мухаджиры, говорящие на языке урду. Они осели в основном в Карачи (первой пакистанской столице) и других городах юга страны. Менее выраженным было чувство избранности и обособленности у мухаджиров – панджабцев, «слившихся» в дальнейшем с коренными (западными) панджабцами.

Образование нового государства разрушительно сказалось на синдской идентичности, хотя ее проявления, в измененном по сравнению с колониальными временами виде, сохраняются до сих пор. Жители провинции Панджаб составляют абсолютное большинство (60%) пакистанского населения. Чтобы не потерять преобладающего положения, панджабцы предпочитают не выделяться на общепакистанском фоне.

Вместе с тем, за годы независимого существования заметно усилилось чувство общности пакистанских (восточных) пуштунов, составляющих большинство жителей северо-запада и запада страны (провинции Хайбер-Пахтунхва, Территории племен федерального управления и северных округов провинции Белуджистан). Укрепился также идентитет белуджей, которые вместе с брагуями, давно и прочно ассоциирующими себя с ними, населяют центральные и южные районы Белуджистана.

Экономическое развитие Пакистана прошло несколько этапов и принесло заметные результаты. На первых порах импульс к развитию получила промышленность по обработке аграрного сырья, а также строительство. Затем пришла очередь «зеленой революции» – увеличения в несколько раз продуктивности земледелия в результате использования улучшенных сортов семян, роста объемов воды для полива, минеральных удобрений и пестицидов. На третьем этапе быстрее других стала расти сфера услуг – торговля, финансы, государственные, муниципальные и частные услуги в области безопасности, образования и здравоохранения. Пакистан добился серьезных успехов в развитии современной капиталистической экономики. Они сопровождалась более чем пятикратным увеличением населения – с 36 млн. в 1951 г. до примерно 200 млн. человек. Национальный доход на душу населения вырос, по неко-

торым оценкам, примерно втрое, что, однако, не решило проблем бедности и нищеты, т.к. сопровождалось усилением неравенства доходов. Примерно треть населения имеет ныне доход ниже национальной черты бедности, и более трех четвертей – бедны по международным меркам.

Не в пример Афганистану, Пакистан избежал гражданской войны. Поступательный процесс в качестве побочного эффекта имел усиление разрыва между более продвинутыми и отсталыми районами. К числу первых относились центральные и восточные округа Панджаба и другие зоны орошаемого земледелия – долина р. Кабул в провинции Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. называлась Северо-Западная пограничная). К более развитой относилась часть провинции Синд (за исключением сельских округов в дельтовой части Инда), а также немногочисленные примыкающие к Инду районы орошаемого земледелия провинции Белуджистан.

Передовыми районами нужно считать также зоны городских агломераций – на севере это столица страны, новый город Исламабад и расположенный рядом Равалпинди, где располагается штаб-квартира пакистанской армии; на юге – Карачи, между ними, очень близко от индийской границы – главный город Панджаба Лахор. Объединяющая их транспортная сеть (железные, шоссейные дороги и трубопроводы), пролегает с юга на север по восточному контуру долины Инда и имеет два западных ответвления – на города Мултан и Пешавар. Она оставляет в стороне пустынные и полупустынные нагорья Белуджистана, невысокие Сулеймановы горы (по одной из точек зрения, это родина пуштунов) и более высокий и суровый горный массив по границе с Афганистаном. К пригодным для обработки землям в Пакистане относится примерно четверть общей территории (200 из 800 тыс. кв.км). При этом орошается около 80 % посевных площадей и некоторая часть полей засеивается дважды.

Земледелие, возможное с помощью искусственного орошения, можно считать наиболее характерной для Пакистана экологической нишей. Горные и пустынные регионы являют собой на первый взгляд чужеродную среду. Но нужно иметь в виду, что исторически относительно недавно весь бассейн Инда был мало заселен вследствие исключительно жаркого климата и небольшого количества осадков. «Человек Инда» как его характеризует пакистанский автор А. Ахсан, обитал в природных условиях, похожих на нынешние

пустынные и полупустынные районы, и потому социокультурно коренные панджабцы и синдхи близки пуштунам и белуджам, с которыми они давно живут в тесном соприкосновении⁶.

Имеются, впрочем, отличия в лингвистическом отношении – панджаби и синдхи принадлежат к индийской семье языков, а пушту и балучи – к иранской, но западные диалекты панджаби (сирайки, хиндко) и диалекты синдхи можно отнести к промежуточной зоне. Ее наличие и роль урду, как общенационального языка, снижают ощущение языковых границ и придают всему пакистанскому региону достаточно гомогенный культурно-лингвистический характер.

Определенным своеобразием отличается, пожалуй, лишь самая северная часть Пакистана, районы, до 1947 г. принадлежавшие полунезависимому княжеству Джамму и Кашмир. Спорный международный статус территории всего бывшего княжества не мешает интеграции северного высокогорного региона в состав Пакистана. Значительная часть коренного населения региона говорит на языках дардской группы и исповедует исмаилитский (шиитский) ислам.

Таким образом, представляется, что «каркас» пакистанского государства сложен довольно прочно, даже окраинные территории культурно не чужды его стержню. Вместе с тем, в силу исторических и политических причин Белуджистан и пуштунские земли, особенно зона племен (горных пуштунов), а также северные территории не могут считаться абсолютно прочно интегрированными в состав страны. Эти периферийные области принадлежат к числу наименее развитых экономически и благополучных в социальном отношении. По причине джихадистского терроризма исключительно острой стала там проблема безопасности. Местное население, особенно представители меньшинств, в первую очередь шииты-имамиты из этнической группы хазарейцев, периодически становятся объектом безжалостных террористических атак. Мирные жители в то же время страдают и от контртеррористических операций правительственных сил – регулярной армии, специальных служб и иррегулярных пограничных войск. По этой причине увеличивается разрыв между государством и подвластным населением, растет отчуждение части местного общества, его неверие в способность центральных властей обеспечить необходимые для

⁶ Ahsan A. The Indus Saga and the Making of Pakistan. Lahore, 2001.

улучшения обстановки условия. Особенно далеко этот процесс зашел в Белуджистане⁷.

В чем-то схожие черты имеет ситуация в Афганистане. Длительное противостояние способствовало усилению различий между отдельными его областями и территориями. Наиболее значимые границы пролегают между населенным в основном пуштунами югом и востоком страны и в целом непуштунским севером, бывшим афганским Туркестаном. Между этими регионами пролегают горы Гиндукуша, вплотную подступающие на востоке к столичному городу Кабул и образующие центральную часть страны, населенную в основном этноконфессиональным меньшинством – шиитами-хазарейцами. Северный Афганистан населяют преимущественно таджики (горные народы, прежде всего, таджики, в исторической литературе известны под названием кохистанцев или кухистанцев) и узбеки, долгое время составлявшие там властвующую прослойку, а также говорящие на персидском (дари) языке аймаки (чар-аймаки). Тюрко-иранское по происхождению дариязычное население преобладает на западе Афганистана в районе Герата, который образует еще один достаточно обособленный регион. Полоса пуштунского расселения протянулась на запад и на север, через Гиндукуш, в район Кундуза. Но пуштуны составляют в Афганистане отличие от панджабцев в Пакистане не абсолютное, а относительное большинство (40–45%). Это обстоятельство, свидетельствующее о меньшей этнолингвистической однородности афганского населения, смягчается исторически сложившимся распределением первенствующих ролей между пуштунской аристократией и городскими таджиками, из числа которых во многом формировалась служебная знать, а позднее бюрократия, интеллигенция и буржуазия.

В целом Афганистан видится как достаточно сложившаяся социокультурная общность. Единству выделенных регионов способствует основная транспортная сеть, имеющая круговую форму. В отличие от Пакистана, в Афганистане до последнего времени не было железных дорог и значимого трубопроводного транспорта, так что связывающая основные города артерия состоит лишь из автомобильных дорог. Кабул соединяется ей с главным городом юго-восточного ареала – Кандагаром (исторически второй столицей Афганского государства), далее дорога идет на Герат, от него на

⁷ *Grare F. Balochistan. The State Versus the Nation. Wash., 2013.*

крупнейший город севера Мазари-Шариф и возвращается пересекая горы Гиндукуша в Кабул.

К востоку от столицы находится наиболее крупная зона орошаемого земледелия с основным городским центром Джалалабадом. От него дорога идет в пакистанский Пешавар. Еще одна связывающая Афганистан с Пакистаном дорога пролегает южнее, соединяя Кандагар со столицей пакистанского Белуджистана Кветтой. Дорога из Герата на запад выводит на иранский (хорасанский) Мешхед, а Мазари-Шариф через порт Хайратон на Аму-Дарье соединяется с узбекским Самаркандом. Таким образом, внутренне замкнутая шоссейная магистраль не только «окольцовывает» основные регионы страны, но и имеет выходы на самые крупные соседние государства.

Наиболее изолированные части страны – это труднодоступное высокогорье близ границы с Пакистаном, представляющее собой во многом единую зону расселения «свободных» пуштунских племен. На афганской стороне они менее изолированы от равнинных жителей, чем на пакистанской, вследствие особенностей рельефа (географии) и политики (истории). Населяющие горные долины афганские племена, принадлежащие по преимуществу к племенной конфедерации гильзаев, после жестокого подавления их восстания эмиром Абдурахманом в конце 1880-х годов, оказались по большей части в подчиненном положении. Между тем как их собратья к востоку от отрогов Гиндукуша, по которому проходит граница (линия Дюранда), сохраняли независимость от правителей Пешавара и властей, которым они подчинялись, начиная с сикхов, завладевших городом в 1834 г., и вплоть, по сути, до последнего времени.

Еще один высокогорный анклав – Хазараджат, страна хазарейцев, чей социальный статус в афганском государстве был традиционно чрезвычайно низок. Перипетии последних десятилетий позволили хазарейцам повысить ранг в негласной социальной иерархии за счет активного участия в междоусобной войне и установления контроля над собственной территорией. Хазарейцы блокировались в основном «с северянами» в ходе многоэтапной кровавой смуты и способствовали ослаблению позиций пуштунов.

В Афганистане этническая (этнолингвистическая) и этноплеменная общность выступает по существу главной единицей социального и политического размежевания, хотя сами афганцы не

любят рассуждать об этом. В то же время в Пакистане глубокие трещины пролегают не только между этническими, но и между кастовыми (эндогамно-клановыми) группами⁸. Каста в мусульманской стране лишена религиозного освящения, но ее социальное значение, особенно в Панджабе, велико.

Произошедшее за годы гражданской войны уменьшение господствующих позиций пуштунов в Афганистане, их элиты, состоящей преимущественно из представителей «королевского» рода племен дуррани (мухаммадзаев) остается важным фактором нынешней обстановки в стране. Афганские пуштуны, видимо, не рассчитывают вернуть себе полностью прежние позиции. Но они не хотели бы растерять те преимущества, которые за ними сохранились после ликвидации режима талибов в 2001 г. Новая пуштунская элита, близкая к президенту Х.Карзаю, представителю верхушки той же дурранийской конфедерации, но другого клана попальзаев, постарается, по-видимому, сохранить свои позиции и после намеченного на конец 2014 г. ухода основной части войск США и НАТО из страны. Она может при этом рассчитывать на определенную поддержку со стороны сложившейся в «смутное» время элиты (военачальников, политиков, бизнесменов) из непуштунских, северных и западных регионов⁹.

Противники нынешней власти – талибы и их союзники – состоят в основном из пуштунов, но принадлежат, как правило, к гильзаям, более «демократической» конфедерации племен, преобладающих не в южных, как дуррани, а в восточных провинциях страны. Соперничество между дуррани и гильзаями уходит корнями глубоко в историю¹⁰. Сохранявшееся свыше двух столетий господство дуррани было прервано в 1978 г. государственным переворотом, совершенным левой партией НДПА, руководство которой состояло в основном из гильзаев. Между тем, к ним принадлежали лидеры не только левого, но и правого, исламистского фланга, стремящиеся ныне к новому реваншу. Следовательно, борьбу за власть в Афганистане можно рассматривать и с позиции противоборства двух традиционных пуштунских блоков.

Но свести дело лишь к этому аспекту было бы, разумеется, неверно. Он остается, как правило, подспудным фактором, подоп-

⁸ Rahman T. The Class Structure of Pakistan. Karachi, 2012. Ch.5.

⁹ Самые влиятельные политики Афганистана: апрель 2013 года. М., 2013.

¹⁰ Barfield T. Afghanistan. A Cultural and Political History. Ch.5.

лёкой разворачивающихся на авансцене событий. К тому же, после 2001 г. Афганистану при содействии США и широкого международного сообщества удалось добиться некоторых экономических успехов. Они, впрочем, носили достаточно поверхностный характер и не затрагивали по большей части сельскую местность. До 40% предоставленной Афганистану многомиллиардной помощи, по оценкам, возвращалась странам-донорам в виде прибылей и платы за консультативные услуги. Тем не менее, в городах наблюдалось жилищное строительство, шло восстановление производственной и социальной инфраструктуры.

На этом фоне в Афганистане усилилось формирование элементов современного гражданского общества, состоящего из неправительственных и некоммерческих организаций. Оно было тесно связано с приходом в страну иностранных, в первую очередь американских, НПО. Через международные неправительственные структуры шла реализация значительного числа проектов экономической и социальной модернизации. Эффективность деятельности гражданского сектора была, по большинству оценок, невысокой, но она позволила вовлечь в него некоторую часть горожан. Возрождение коснулось, прежде всего, Кабула, а также региональных центров, таких как Герат, Мазари-Шариф и др.

Сельская экономика преобразилась в значительно меньшей степени, чем городская. Более того, выращивание опийного мака и после 2001 г. позволяло крестьянам ряда районов сводить концы с концами. Основная часть доходов от производства мака и конопли и переработки его в героин и гашиш достается скупщикам и организаторам подпольного наркобизнеса. «Опийная экономика» охватила главным образом южные и юго-восточные провинции (Кандагар, Гильменд и др.) и превратилась в один из главных источников дохода для талибов, как афганских, скрывающихся на своей и пакистанской территории, так и пакистанских, а также их союзников из числа воинствующих исламистов.

Начало XX1 века в истории Афганистана в целом отмечено увеличением перепада в уровне развития городских и сельских местностей, а также определенным выходом вперед непештунских регионов. Южный и восточный ареалы Афганистана, пограничные с Пакистаном, остаются зоной беспокойства и анархии. Ситуация в сельской местности, как представляется, все более отрывается от положения в городах. Современное городское общество сосуще-

ствует с традиционным, по-преимуществу деревенским. При этом сельское население растет быстрее городского. Оценки численности жителей страны, сделанные косвенным путем международными демографическими организациями, претерпевали изменения. Еще в конце 2000-х годов демографическая служба ООН и Бюро цenzов США придерживалась мнения, что численность афганцев превышает 30 млн. человек на 2-3 миллиона. Произведенная затем коррекция уменьшила оценку до 30 млн., но более или менее точное число жителей без переписи населения невозможно, а она последний раз проводилась в 1979 г., не была завершена и отличалась значительными недостатками.

В целом в нынешнем Афганистане, как и в Пакистане, судя по всему, углубляется пропасть между городской и сельской местностью, между современным обществом в крупных городах и деревенской патриархальностью, своеобразно приспособляющейся к переменам или старающейся отмахнуться от них, замкнуться, изолироваться. Отсюда особое значение проблемы взаимодействия государства и общества на уровне местного самоуправления и контроля государства над локальными сообществами.

В Пакистане при всей нынешней злободневности данной проблематики она стоит в повестке дня с колониальных времен, и получила определенное разрешение еще в 1960-х годах, когда правительством военного президента М.Айюб Хана была широко внедрена система местного самоуправления, получившая название «основ демократии». Она использовалась для введения косвенной, многоступенчатой процедуры выборов парламента и президента, но после ликвидации военно-парламентского режима в 1969 г. вернулась к исполнению роли власти на местах, прежде всего в сельских районах и в рамках деревенских общин¹¹.

Нужно заметить, что сельская земледельческая община в Индии и ее ответвлении на ныне пакистанской территории выполняла центральную роль ответственного за сбор поземельного налога (налога-ренты) в пользу верховной власти. С 1960-х годов фискальное значение поземельного налогообложения ввиду высокой инфляции резко упало, что послужило одной из причин разложения традиционной общины. Другой фактор состоял в качественном изменении сельхозинвентаря, применении современной техники, машин и тракторов, замена архаичных форм возделывания

¹¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. М., 2008. Гл. 3.

почвы и сбора урожая на новые. В первую очередь эти изменения в Пакистане коснулись центральной и восточной части Панджаба, где вслед за повышением урожайности на искусственно орошаемых полях произошло разложение «среднего крестьянства», наиболее заинтересованного в традиционной системе натурального обмена продукцией и услугами с проживающими рядом неземледельцами (членами каст ремесленников и «слуг общины»). Панджабская система *сейти* (вариант индийской *джаджмани*) на более продвинутой в хозяйственной отношении части Индской равнины прекратила по существу свое существование. Представители неземледельческих каст в целом, видимо, выиграли от разрушения традиционных отношений, переместившись в города и заняв там нишу самостоятельных производителей товаров и услуг и мелких капиталистов.

Вместе с тем, деревня или группа деревень продолжают существовать как местное сообщество и одним из скрепляющих ее «обручей» является государственная власть. Государство использует традиционные механизмы деревенской самоорганизации в виде советов (*панчаятов*) и старост (в Панджабе часто называемых *чаудхури. чоудри*), ответственных за соблюдение местными жителями общепринятых норм и правил, а также организацию общинных работ и благотворительных акций.

Несколько иначе обстоит дело вне границ экстенсивной зоны орошаемого земледелия – в Синде и южном Панджабе. Сельские поселения здесь традиционно группировались вокруг поместий крупных землевладельцев. Община состояла в основном из зависимых и безземельных арендаторов (в Синде их называют *хари*, в Панджабе – *музара*). Органы местного самоуправления находились, как правило, под жестким присмотром представителей землевладельческого клана.

Столь же подконтрольной остается обычно ситуация в зоне распространения клано-племенных сообществ, особенно в Белуджистане, где традиционно сильны позиции немногих иерархически построенных племенных объединений. По некоторым сведениям, там сегодня насчитывается всего 28 влиятельных *сардаров* (вождей племен)¹².

Племена пуштунов, особенно горных, преобладающих в полосе независимых племен, отличает существенно более высокая сте-

¹² *Grare F. Balochistan. The State versus the Nation. P. 8.*

пень демократизма. Большинство жителей поселения объединены здесь кровно-родственными узами (племена эндогамны) и имеют общинные земли и пастбища. Вопросы местного порядка решаются обычно на сходках всех взрослых мужчин или старейшин, называемых *джирги*.

Система местного, опосредованного государством, самоуправления налагается на низовые неформальные сети самоорганизации. В сельском хозяйстве Афганистана влиятельны социально-территориальные общности, называемые *мантека*. Они объединяют группу близко расположенных деревень и одиноких поселений. Число мантека в стране оценивается в 3–4 тыс., тогда как количество деревень и хуторов варьируется в границах 20–40 тыс.¹³ Опора на солидарность территориально-общинного типа могла бы содействовать, по мнению ряда исследователей, более эффективному взаимодействию между современным государством и традиционным обществом.

Впрочем, такого рода рекомендации хорошо известны. Попытки соединить нити, тянущиеся «снизу», с инициативами, исходящими «сверху», не раз декларировались и служили одним из главных оправданий реформ местного самоуправления. В Пакистане мантеке соответствует понятие *мауза* (группа деревень). Широко известны в обеих странах и за их пределами, в той же Центральной Азии, городские кварталы – *махалла*. Взаимодействие между государством и обществом на местах имеет много общего в Афганистане и Пакистане и страдает от сходных недостатков – засилья бюрократических методов и подчиненности организуемых государством структур интересам господствующих в данной местности слоев.

¹³ Favre R. Interface between State and Society in Afghanistan. Paris, 2005 (Electronic resource).

Раздел I. Афганистан

Глава 1. Авторитарное правление в предконституционный период

Анализируя различные формы правления, зафиксированные в афганских хрониках, и сравнивая их с известными фактами из мировой истории, целесообразно отметить наиболее характерные черты и атрибуты, присущие двум основным антагонистическим формам правления: автократии и демократии. Их своеобразное отражение находим и в Афганистане.

Обе формы правления с древнейших времен распространены в мире. Еще Л.Г. Морган, описывая государственный строй, навязанный силой каким-нибудь тираном в ранней Греции, подчеркивал: «Враждебное отношение греков вызывалось не столько незаконностью власти, сколько **антагонизмом демократических и монархических идей** (выделено нами – Р.С.), из которых первые были унаследованы от родов»¹.

Личность авторитарного правителя

Начнем с того, что под разнообразными терминами одного синонимического ряда: авторитаризм, авторитарность, автократия, диктатура, тирания, деспотия и т.п. скрывалась одна личность, один человек, сконцентрировавший в своих руках неограниченную власть, который игнорировал законы, и которая основывалась на беспрекословном подчинении этой личности. Единственный полноправный правитель – монарх – мог называться вождем племени, фараоном, императором, королем, царем, падишахом, султаном, эмиром, но под всеми этими титулами всегда скрывался один человек, характер которого складывался под влиянием наследственности, воспитания, убеждений, привычек, степени силы воли,

¹ Морган Л.Г. Древнее общество. Ленинград, 1934. С. 147.

степени образованности, приверженности определенной конфессии, влияния его окружения и многого другого. Всё вышеперечисленное формировало его как личность и его представления о том, какими методами следует управлять государством, во главе которого он оказался то ли по династическому принципу, то ли согласно процедуре свободных выборов или в результате узурпации власти, играло определяющую роль.

И не всегда верховные правители авторитарного типа оказывались личностями, отвечающими этим требованиям. Вот лишь два примера. Если при авторитарной диктаторской форме правления Чингисхана все вопросы решались им единолично, то при его приемника Угедее (1229–1241гг.) единоличное правление было заменено советом из всех представителей правящего клана чингизидов. Особый интерес при этом представляет характеристика личности Угедая (Удея). «Удей – указывал академик В.В. Бартольд – не наследовал ни гениальных способностей, ни могучей воли отца...»².

На роль окружения правителя обращал внимание польский историк К. Валишевский: «Какова бы ни была личность, которую мы пытаемся вызвать из прошлого, историческое значение среды – всегда важное – еще расширяется для первых ролей человеческой драмы: сильных индивидуальностей, энергических характеров»³.

Личность властителя всегда накладывала отпечаток на его правление. Ниже мы попытаемся проиллюстрировать это на афганском историческом материале, но сначала коснемся вопросов наследования власти в монархиях и других видах автократии.

Престолонаследие при авторитаризме

«Наше представление о монархическом правлении по существу, – отмечал Г.Л.Морган, – состоит в том, что царь, окруженный привилегированным титулованным классом собственников и владельцев земли, правит посредством эдиктов и декретов по своей воле, претендуя на свое наследственное право власти, **ибо не может сослаться на согласие тех, кем он правит** (выделено нами – Р.С.). Такие правительства были навязаны народу на основании

² Бартольд В.В. История Туркестана. Ташкент, 1922. С. 33

³ Валишевский К. Вокруг трона. М., 1989. С. 8.

наследственного права, к которому духовенство старалось присоединить еще и божественное право»⁴.

Прежде всего, следует подчеркнуть, разумеется, речь не идет об общепринятой процедуре передачи своей семье, родным и близким, по наследству, например, своих знаний и мастерства, имущества и капиталов, добытых праведным или неправедным путем – это естественное генетическое чувство, заложенное в человеке от природы и обсуждать его бессмысленно.

Но одно дело передать наследникам свои капиталы и имущество, совершенно иное – передать наследнику, достоин ли этого или нет, власть над государством, над миллионами людей, и отвечать за то, как он распорядится этой властью, как все это отразится на жизни каждого человека и всего населения этого государства.

Заметим, что этот принцип, обычно действовавший в эпоху Средневековья в монархиях, дожил до наших дней и был узурпирован современными автократами многих стран, придавших ему силу неписанного закона.

Со времен Священной Римской империи были известны следующие виды передачи власти: выборным путем, или по назначению предшествовавшего правителя. Как подчеркивал К. Валишевский, в России назначение наследника престола осуществлялось на «правах воли монаршей», установленной Петром, по которому монарху предоставлялось неограниченное право назначить себе преемника⁵.

В Европе начала Средневековья был введен в практику так называемый закон «Салическая правда», авторство которого приписывается королю Хлодвигу (конец V или начало VI в.). И хотя Салический закон полностью исключал право женщин на престол, это правило зачастую не соблюдалось. Примеры тому, в частности, английские королевы и российские императрицы. Даже в мусульманском мире, где ислам не допускал правление женщины, были случаи, когда они становились носителями верховной власти. Исламовед Г.Э. Грюнебаум указывает на то, что в середине XIII в., в Египте турки-мамлюки ... провозгласили Шаджар ад-Дурр, жену умершего в 1249 г. эмира Салиха из династии Аййюбидов, правительницей и главой государства⁶.

⁴ Морган Л. Г. Древнее общество. Ленинград, 1934. С. 143.

⁵ Валишевский К. Вокруг трона. С. 11.

⁶ Грюнебаум Г.Э. Классический ислам (600–1258). М., 1998. С.179.

В эпоху Средневековья в христианском мире наиболее распространенной формой престолонаследия считалась наследственная монархия, включавшая в себя такие виды, как сеньорат (по старшинству в роду), майорат (наследует старший сын монарха; эта форма, подчеркнем, чаще всего практиковалась и в Афганистане), и, наконец, примогенитуру (по праву первородства). Однако закон майората, хотя и действовал в исламских странах, соблюдался не всегда. Так, согласно завещанию афганского эмира Дост Мухаммад-хана (1863) эмиром был объявлен не старший сын Мухаммад Афзаль-хан, а его любимец Шер Али-хан, что послужило началом целой череды междоусобных войн.

Бывали и иные случаи. В 1832 г. эмир Мухаммад Азим-хан назначил преемником на престоле своего сына Хабибуллу-хана, которого афганский историк С.К. Риштия характеризует как «бездарного, слабоумного сына»⁷, что повлекло за собой новый виток борьбы между родичами. Чем руководствовался эмир Азим-хан, назначая своим преемником «слабоумного» сына, понять трудно. Возможно, он исходил из того же принципа, который описал Марк Твен в своей знаменитой новелле «Принц и нищий», когда король Англии Генрих VIII говорит придворным: «Сомнения нет, он безумный, но он мой сын и наследник английского престола, и – в здравом ли рассудке, или безумный – он будет царствовать»⁸.

Вопрос о престолонаследии имел еще одну сторону. Путь к трону чаще всего был забрызган кровью, при этом никакие родственные узы не признавались и не учитывались. История знает немало подобных трагедий.

Можно напомнить, например, об убийстве римским императором Нероном (59 г.) своей матери Агриппины, не желавшим делить с ней власть; об отравлении другого императора, Клавдия (41 г.), собственной женой Агриппиной, добивавшейся власти для своего сына. (Здесь уместно указать, что большинство исторических фактов почерпнуты нами из русского издания (1996 г.) широко известного фундаментального труда Б. Харенберга «Хроника человечества», кроме случаев, которые имеют иные выходные данные»⁹).

Древнегреческий создатель эпических поэм («Илиады» и «Одиссея») Гомер (VIII в. до н.э.) в своей «Истории» приводит

⁷ Сейд Касем Риштия. Афганистан в XIX веке. М., 1958. С.93–94.

⁸ Марк Твен. Принц и нищий. С-Пб, 1911. С. 40.

⁹ Харенберг Б. Хроника человечества. Большая энциклопедия. 1996.

весьма любопытную притчу. Перияндр Коринфский, желая укрепить свою единоличную власть, направил своего посланника к милетскому тирану Фрасибулу за советом, что ему сделать для укрепления его власти. Фрасибул дал совет в весьма аллегорической форме: повел посланника на пшеничное поле и стал срезать самые высокие колосья. Перияндр понял совет Фрасибула: ему следовало уничтожить, как колосья, всех выдающихся претендентов на власть¹⁰.

На мусульманском Востоке проблема претендентов на трон решалась еще более радикальным способом. Например, в Османской империи, «порядок наследования престола давно был предметом раздоров внутри династии и привел к двум гражданским войнам, и поэтому султан Мехмед II в 1451г. решил уладить этот вопрос, без промедления приказав убить своего сводного брата. Мехмед считал убийство сводного брата делом вполне оправданным, так как оно соответствовало османскому обычаю братоубийства, который иногда практиковали его предки в целях предотвращения войн за престолонаследие. Позднее Мехмед II официально узаконил этот обычай своим указом, который гласил: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». Большинство знатоков права одобрили эту процедуру»¹¹.

В 1512 г. другой турецкий султан Селим, вскоре после своего восшествия на трон решил разделаться со своими соперниками, претендовавшими на трон. В течение следующего года он нанес поражение войскам своих братьев Ахмеда и Коркута, которые были убиты. После этого он казнил шесть своих племянников. На этом кампания Селима по уничтожению всех соперников, которые могли представлять угрозу его власти, не закончилась, и 20 декабря он казнил трех собственных сыновей, Абдуллу, Махмуда и Мурада¹².

Аналогичным образом действовали и иранские шахи второй половины XVIII в., правда, не с таким размахом, как их турецкие «коллеги». Так, ханы, убившие шаха Надира, объявили в июне 1747г. в Мешхеде шахом его племянника Али Кули-хана. Заняв

¹⁰ Песни о Гильоме Оранжевом. М., 1985. С. 569.

¹¹ Фрим Дж. Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004. с. 16.

¹² Там же. С. 55.

шахский трон, Али Кули-хан приказал перебить всех сыновей и внуков Надира¹³.

Те же примеры дает Индия при мусульманских правителях из династии Великих Моголов. Последний могущественный представитель этой династии Аурангзеб, лишил власти отца, императора Шах Джехана, воспользовавшись его болезнью, и в течение ряда лет боролся за трон со своими братьями, казнив в 1659 г. своего главного соперника старшего брата Дара Шикоха.

Не стал исключением и Афганистан. История этой страны является собой цепь бесконечных заговоров, мятежей, междоусобных братоубийственных войн между претендентами на верховную власть, начавшуюся после смерти основателя империи Дуррани Ахмад-шаха (1747–1772), но особенно с воцарением его внука Заман-шаха (1793–1800). Свое правление последний начал с того, что приказал арестовать всех своих братьев, чтобы пресечь смуту. Когда же ему донесли, что заговорщики из числа племенных вождей собираются его свергнуть, а наследственную власть заменить выборной, он казнил большинство из заговорщиков¹⁴.

Добавим, что тяга к авторитаризму наблюдалась и на более низком уровне. Отметим, что у некоторых пуштунских племен (например, абдали) «ханская власть приобрела наследственный характер и передавалась внутри ханского рода (хан-хель), а значение джирги (племенного собрания – Р.С.) стало все более сводиться к роли совещательного органа при хане»¹⁵.

Кроме казней практиковались ослепления. В 1793 г. по приказу Заман-шаха был ослеплен его старший брат Хумайун. В свою очередь Заман-шах был свергнут и по приказу своего брата Шаха Махмуда (1800–1813) ослеплен и брошен в тюрьму¹⁶.

В заключение добавим, что авторитарные правители обычно кончали плохо (*Nomina sunt odiosa*). Не вдаваясь в иллюстрацию этого положения историческими фактами, достаточно хорошо известными, ограничимся стихами великого персидского поэта Саади, написанными им еще в XIII в. – «Коль подданных сердца их

¹³ История Ирана. МГУ, 1977. С. 210.

¹⁴ Сейд Касем Риштия. Афганистан в XIX веке. М., 1958. С. 37.

¹⁵ Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. М., 1965. С. 117.

¹⁶ Dupree L. Afganistan. Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1980. P. 344–345.

царь насильем ранил//В ненастный день из них могучий враг восстанет».

Идея неотвратимого возмездия авторитарным правителям была высказана в начале XX в. и выдающимся арабским просветителем Абд ар-Рахманом аль-Кавакиби (1849-1902г.). Он предупреждал о грядущей каре абсолютистские правительства, которые безбоязненно вершат «дела подданных по собственному усмотрению, не опасаясь, что придет час заслуженной расплаты и наказания»¹⁷.

Сакрализация как инструмент авторитаризма

Одним из неотъемлемых атрибутов авторитарной власти была тенденция к ее сакрализации. Всякий авторитарный властитель всегда хотел поставить себя выше обычных людей, внушить народу, что власть ему дарована свыше. Божественное происхождение придавало ему большую легитимность, утверждала незыблемость его власти, «данной ему Богом».

Стремясь укрепить свою власть, правители зачастую прибегали к помощи религии, проявляя при этом, когда это отвечало их личным интересам, небывалую конфессиональную толерантность. Отечественный историк Н.В. Пигулевская приводит такой пример: к шахиншаху Ирана Хормизду (конец VI в. н.э.) обратились с жалобой маги-жрецы официальной религии маздеизма на то, что он благосклонно относится к христианским клирикам, но он им ответил, что «как его престол не может стоять только на передних ножках, подобно тому государство не может держаться на одних только исповедующих маздеизм»¹⁸.

Обожествление верховных правителей, уходящее в глубь веков, также имело несколько аспектов. В «Хронике человечества» мы находим такие факты. Во-первых, чаще всего правителей объявляло богами их ближайшее окружение. В Древнем Египте соправители фараон Эхнатон и его прекрасная супруга Нефертити (1361–1347 гг. до н.э.) в годы их царствования были объявлены божествами. В эпоху Ахеменидов (VI–VII вв. до н.э.) правитель, носивший титул шахиншах («царь царей»), считался получившим свою власть от Бога «Ахура-Мазды». В Египте (322 . до н.э.) благодарные жрецы объявили Александра Македонского сыном Зевса,

¹⁷ Цит. по: Степанянц М.Г. Ислам в философской и общественной мысли Зарубежно-го Востока. М., 1947. С. 130–131.

¹⁸ Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.-Л., 1946. С. 86.

(по другим данным – Амона), тем самым узаконив его божественное происхождение.

Иногда обожествление происходило гораздо проще, по прихоти верховного правителя. В Древнем Риме император Нерон приказал считать богами свою жену и дочь. Другой император, Клавдий, провозгласил богиней умершую императрицу.

С первобытных времен отмечена тенденция к объединению в одном лице светских и религиозных функций. Позволим себе сослаться на мнение двух авторитетных ученых, исследовавших эту проблему. Д.Д. Фрэзер в книге «Золотая ветвь» пишет следующее: «Соединение царского титула с отправлением жреческих обязанностей было в Древней Италии и Греции обычным делом». И далее: «...это сочетание жреческих функций с царской властью известно повсеместно...». Одним из мест, где правители «подобно Папам в Риме, держали в своих руках и светскую и духовную власть, была Малая Азия»¹⁹.

Исследовавший этот вопрос на обширном материале российский ученый Н.И. Зибер в «Очерках первобытной экономической культуры» также подтверждал, что «нередко жреческие и административные функции соединялись в одном лице, так что правительству придавался характер истинной теократии. Все должности были наследственными»²⁰.

Тенденция к сакрализации и овладению одним лицом светской и религиозной власти перемежалась нередко ожесточенной борьбой между представителями секулярной и духовной власти. Эта борьба продолжалась на протяжении веков с переменным успехом.

Так, император Константин Великий (324–337), установивший единоличное правление в Римской империи после принятия христианства стал претендовать на то, что его власть распространяется не только на государство, но и на церковь, поскольку называл себя «наместником Христа на земле»²¹.

Но уже во второй половине XI в. возникла другая тенденция. Согласно теократической доктрине, борца со светской инвеститурой папы Григория VII, именно папскому престолу должна была принадлежать не только высшая духовная власть в мире, но и высшая светская власть. По его мнению, короли и императоры могут

¹⁹ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1986. С. 17

²⁰ Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937. С. 384

²¹ Харенберг Б. Хроника человечества. Большая энциклопедия. 1996. С. 209

управлять государствами лишь постольку, поскольку являются «слугами и вассалами папы», который и сам является «рабом рабов божьих». Действительно, например, коронавание правителей считалось неоспоримой прерогативой церкви. Франкский король Карл Великий (747–814) был коронован папой Львом III. И титул нового короля, теперь уже императора, звучал так: «Карл наимилостивейший, величественный, Богом коронованный...»²².

Вообще, формула «Мы, Божьей милостью» король, император и т.п., в титулатуре верховных правителей приобрела вид догмата, который использовался разными церквями и в разных странах. Например, в России самодержец титуловался «помазанником Божьим».

На какое-то время в борьбе между светской и религиозной властью церковь одержала верх. В истории широкую известность приобрел эпизод «хождения в Каноссу», когда в XI в. германский император Священной Римской империи Генрих IV, отлученный от церкви и низложенный с престола по решению папы Григория VII, вымаливал у него прощение, стоя на коленях²³. Но были и иные случаи, когда могущественные европейские монархи способствовали занятию папского престола священнослужителями, пользовавшимися их благосклонностью.

Аналогичные процессы происходили и в мусульманском мире. «...Борьба халифа с султаном в XII–XIII вв. – отмечал В.В. Бартольд – во многом походила на происходившую в то же время борьбу между папой и императором»²⁴.

Существует широко распространенное мнение, что в исламе религия и политика – это одно целое, не подлежащее разделу. Эту позицию отстаивали последователи шиитских воззрений и их религиозно-правовой школы (*мазхаба*). Напомним, что и раскол в исламе на две главные ветви – суннитов и шиитов – произошел из-за разных взглядов на власть в мусульманской общине после кончины Пророка Мухаммада. Действительно, при жизни Пророка вопрос о разделении властных прерогатив не стоял, поскольку Мухаммад обладал духовной, политической и военной властью.

²² Харенберг Б. Хроника человечества. С. 209

²³ Там же. С. 252.

²⁴ Бартольд В.В. История. Мусульманский мир. С-Пб, 1922. С. 25; см. также: Бартольд В.В. Соч. М., 1966. Т. VI. Халиф султан; Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.

Однако при его приемниках – халифах – наметилась тенденция к разделению властных полномочий. Согласно комментарию ведущего отечественного арабиста профессора В.В. Наумкина к работе «Классический ислам», впервые разделение светской и духовной власти в Арабском халифате X–XI вв. произошло в правление династии Буидов, когда они присвоили себе титулы амир-ал-умара («эмир эмиров») и шахиншах («царь царей»). «Позднее этот принцип получил развитие в системе халиф-султан, в частности при Газневидах, Сельджукидах, Аййубидах»²⁵.

И последнее. В раннем исламе выборному наследнику Пророка Мухаммада присваивался титул «халифат (халиф) Расул Аллах» (наместник посланника Аллаха), однако уже во времена правления династии Омейядов титул халифа трансформировался в «халиф Аллах» – т.е. «наместник самого Аллаха»²⁶. Это не было простым упрощением титула, наоборот, это возводило правителя на новую, высшую ступень, утверждало, что свою власть он получил от Бога. Некоторые мусульманские государи, уверовав в свое божественное происхождение, называли себя «тенью Аллаха на Земле». Более того, авторитарные правители мусульманских стран обосновывали свое право на власть, ссылаясь, например, на известный аят из Корана: «Поистине, Аллах дарует Свою власть, кому пожелает»²⁷. Или на суру 3, аят 25 (26): «Скажи: «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь»²⁸.

Еще одним способом укрепления власти верховного правителя были матримониальные связи. Междинастийные браки, распространенные на Западе и Востоке, в основном имели значение в плане военно-политических расчетов, были направлены на приобретение союзников в борьбе за власть и участие в войнах. При этом жен старались брать из семейств могущественных правителей или из числа их потомков. Так, в Афганистане одной из жен эмира Абдулрахман-хана была Биби Халима – внучка эмира Дост Мухаммад-хана. У эмира Хабибуллы одна жена происходила из рода знатных

²⁵ Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. М., 1998. С. 204.

²⁶ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 268.

²⁷ Коран / пер. Крачковского И.Ю. М., 1986. Сура 2, аят 248 (247). С. 55.

²⁸ Там же. Сура 3, аят 25 (26). С. 63.

баракзайских сардаров, а другая приходилась сестрой Надир-шаху, будущему королю Афганистана.

Формирование афганской империи

Появление первого обособленного государственного образования не территории современного Афганистана, большинство историков относят к середине XVIII в., когда пуштун Ахмад-хан из племени абдали (правил в 1747–1772) на совете племенных вождей был избран шахом. Он принял титул «дурри дурран» («жемчужина жемчужин»), а название племени абдали было изменено на дуррани. В результате успешных завоевательных походов Ахмад-шах расширил пределы Афганистана за счет территорий Северной Индии, Восточного Ирана и Южного Туркестана и создал государство, вошедшее в историю под именем империи Дуррани.

Ахмад-шах, желая подчеркнуть, что власть дана ему по божьему благословию, начал чеканить монеты дурранийской империи, на которой была выгравирована следующая стихотворная строфа: *«Всевышний приказал Ахмаду – падишаху, // Чекань монеты из серебра и золота // От спины рыбы до луны»*²⁹.

Действительно, великая империя была создана, но, по справедливому замечанию американского афганиста Л. Дюпре, это образование не было «национальным государством»³⁰. Империя Дуррани была конгломератом разных рас и этносов, в котором пуштуны считались государствообразующей нацией. Империя Дуррани с самого начала, как и любая другая империя, таила в себе зачатки раскола и распада. Тенденция к распаду, начавшаяся уже при сыне Ахмад-Шаха Тимур-шахе (1772–1793), набрала силу при его внуке Заман-шахе (1793–1800)³¹.

На протяжении почти полутора столетий его империю раздирали междоусобные войны, мятежи племен против центральной власти, заговоры, борьба за власть, частая смена правителей и династий и т.п., что не способствовало стабильности государства. За это время сменилось более двух десятков правителей: одни из них были сильными монархами (Дост Мухаммад-хан, Шер Али-хан),

²⁹ Согласно древним мифам Земля плавала в мировых водах и покоилась на спине могучей рыбы.

³⁰ Dupree L. Afghanistan. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1980. P. XIX.

³¹ Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М., 2010. С. 107–115.

другие не оставили особого следа в летописи страны, а некоторые вошли в историю, как «иностранные марионетки» (Якуб-хан, Шах Шуджа).

Утверждение авторитаризма при эмире Абдуррахман-хане

Создателем централизованного афганского государства считается эмира Абдуррахман-хан. Коснемся его прихода к власти, установленных им форм управления и политической организации. Об этом эмире Кабула написано немало книг и статей. Мы предпочли опираться здесь в основном на его автобиографию и доступные нам хроники афганских историков, (М.Г.М. Губара, Ф. М. Катипа, С. Магомеда), а также работы отечественных (И.М.Рейснер, В.А.Ромодин и др.), и западных авторов (Ф.Мартин, С.Виллер, Л.Дюпре, В.Грегориан, П. Сайкс и др.)..

В 1880 г. Абдуррахман-хан, сын эмира Афзаль-хана из рода баракзаев, после ожесточенной борьбы со своими политическими противниками занял кабульский престол. Именно при нем, по определению И.М. Рейснера, Афганистан «принимает облик многонационального лоскутного государства, сдавленного обручем абсолютизма»³².

Авторитарный правитель Абдуррахман-хан был твердо убежден, что все «государи поставлены в своих странах как помощники и соправители Бога»³³. Не случайно он принял титулы «царя ислама» и «светоча народа и нации», тем самым поставив себя выше духовенства и просил своих наследников не разрушать систему, с помощью которой он «упрочил мусульманскую религию»³⁴. Более того, эмир рассматривал *газа* (*джихад*), как войну священную, но оборонительную, а объявление ее считал прерогативой исключительно правителя страны, а не духовенства³⁵.

В современных условиях, когда многие исламские радикалы с легкостью объявляют джихад, важно подчеркнуть, что эмир положил конец своевластию высших духовных лиц, которые зачастую сами объявляли о начале джихада. «Священная война» – заявил

³² Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929. С.74.

³³ Автобиография Абдуррахман-хана эмира Афганистана. С-П., 1901. С. 203.

³⁴ Там же. С. 271.

³⁵ Там же. С. 66

эмир – может быть введена не иначе как по приказанию и под руководством самого правителя страны»³⁶.

Высокую оценку личности Абдурахман-хана дал английский журналист А. Гамильтон. Он побывал в Афганистане уже после его смерти в годы правления его сына и наследника Хабибуллы-хана. Бывшего правителя Абдурахман-хана англичанин охарактеризовал как одного «из самых гениальных, энергичных и деятельных людей на свете»³⁷. Гамильтон подчеркивал, что многие правители страны и до Абдурахман-хана также пытались деспотически править страной «...но только Абдурахман, установив военную автократию, окончательно упрочил абсолютизм эмира»³⁸.

Но чтобы «обруч абсолютизма» не ослаб или не сломался, эмиру приходилось вести постоянную ожесточенную борьбу против сепаратизма племенных вождей и феодальной знати. По его словам, чтобы «образовать одно общество, и подчинить всех одному закону и власти», ему пришлось «низвергнуть существовавшую в стране феодальную власть и племенную рознь»³⁹. Абдурахман также расправился со своевольным духовенством, которое, по его словам, привыкло «раньше смотреть на себя как на подобных пророку...»⁴⁰. Он лишил их экономической базы, отобрав вакуфные земли (освобожденные от уплаты налогов как религиозно-благотворительные) и другие источники доходов. Эмир фактически поставил *улемов* (богословов) в положение государственных чиновников, получающих жалованье. Заметим, что Абдурахман был, видимо, уверен, что покончил с феодальной вольницей и влиянием духовенства. На деле же он только загнал вглубь эти проблемы, которые проявились уже в период правления Амануллы-хана.

Тот же А. Гамильтон указывал, что при харизматичном лидере Абдурахман-хане «воля эмира была законом», а сам он «нисходящим деспотом, каприз которого требовал немедленного исполнения»⁴¹. Он приводил примеры того, как он расправлялся со своими противниками: расстреливал их из пушек, заключал в

³⁶ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. С. 66.

³⁷ Гамильтон А. Афганистан. С-Пб., 1908. С. 23.

³⁸ Там же. С. 115..

³⁹ Там же. С. 233

⁴⁰ Там же. С. 95.

⁴¹ Там же. С. 124.

железные клетки, подвешенные на столбе, наказывал плетьюми и т. п. Все это было обычным делом в годы его царствования⁴².

Однако наиболее ярко, отмечал английский автор, его тиранический характер проявился во время подавления восстания непокорных хазарейских племен в 1890 г. Сила сопротивления хазарейцев была настолько яростной, что эмиру пришлось объявить войну с ними джихадом (священной войной) и издать известный фирман, гласивший: «Возмутившиеся против меня, повелителя ислама, подлежат истреблению; их головы принадлежат мне, а все их имущество, их жен и детей я отдаю вам»⁴³. И действительно, «захваченных в плен хазарейских воинов обезглавили, а головы их предводителей были отправлены в Кандагар, где из них позднее соорудили минарет»⁴⁴.

Принципы государственного устройства при автократическом правлении Абдурахман-хана мало чем отличались от политических систем других мусульманских государств того времени. Эмир Абдурахман, между прочим, был убежден, что он «конституционный правитель», подразумевая при этом выборность правителя, когда народ «властен выбирать своего государя»⁴⁵. Точно так же он считал Ахмад-шаха Дуррани «государем конституционным», так как тот был провозглашен эмиром «начальниками и представителями различных племен...»⁴⁶. Примечательно его высказывание о том, что «те эмиры, которые были навязаны афганцам вопреки их желанию, потеряли не только свое государство, но и лишились своих голов»⁴⁷. Надо сказать, что дальнейшая история Афганистана подтвердила правоту его слов.

В своей биографии эмир утверждал, что он впервые ввел в Афганистане «конституционное правление». Суть его в представлении эмира состояла в том, что в его «палате общин» – прообразе будущего двухпалатного парламента – были представлены представители трех классов: *сердары* (аристократия), *хаванине мульки* (народные представители) и *муллы* (богословы, духовные лица)⁴⁸.

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Темирханов Л. Хазарейцы (очерки новой истории). М., 1972. С.100.

⁴⁴ Там же. С. 102.

⁴⁵ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ Там же. С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 47.

Разумеется, авторитарный правитель не собирался предоставлять своей «палате общин» какую-то реальную власть, ограничив ее деятельность консультативно-совещательными функциями, ибо считал, что этот так называемый конституционный орган еще не достиг ни необходимой правоспособности, ни подготовки, чтобы доверить ему законодательное творчество. Поэтому эмир настоятельно советовал своим наследникам не допускать того, чтобы «сделаться куклами в руках выбранных в конституционные органы представителей народа»⁴⁹. Кредо Абдурахмана было выражено в его наставлении сыну – «Наследник должен выслушивать всех, но поступать по-своему, не следуя ничьим указаниям»⁵⁰.

Эмир, действительно, считал себя реформатором и прогрессивным правителем. Себе в заслугу он ставил такие реформы, как развитие народного образования, в том числе введение женского образования. Особо он отмечал отмену старого обычая, согласно которому после смерти мужа вдова была обязана оставаться в его семье и стать женой его брата или другого родственника. Это, понятно, закабалило женщину, лишая ее свободы. Кстати, талибы приписывают себе приоритет в отмене этого обычая.

Абдурахману удалось во многом преобразовать систему государственного устройства и управления государством. Он реформировал армию, начал развивать военную промышленность, изменил судебную систему, упорядочил ведение финансовых дел. Причем делалось это достаточно жесткими способами. До него поступления в казну фиксировались на отдельных листах и чиновники по своему желанию могли их уничтожить. Абдурахман ввел в практику регистрационные книги, в которых были пронумерованы все страницы. Чиновнику, вырвавшему лист, отрубали пальцы.

По признанию самого эмира, все его реформы наталкивались на яростное сопротивление и доставались ему с великим трудом. Он любил цитировать слова некоего поэта о том, что тот, кто управляет Афганистаном и может укротить афганцев, хотя бы на один день, поистине пребывает в аду, «ибо этот народ признает лишь один закон – силу».

Завершая краткий обзор правления абсолютного монарха Абдурахман-хана, нужно подчеркнуть, что его личность чрезвычайно противоречива. Это нашло отражение в целом ряде работ аф-

⁴⁹ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. С. 250.

⁵⁰ Там же. С. 245.

ганских и зарубежных историков. Так, афганский исследователь Х.К.Какар предлагает определиться: был ли эмир «умеренным» или «деспотическим реформатором». Отмечая его заслуги в деле создания централизованного государства, Какар отдает должное Абдурахману как прозорливому и осторожному политику, опытному дипломату, который в тяжелейших внутренних и внешних условиях сумел создать унитарное государство с централизованным управлением. Тем не менее, по утверждению историка, «несмотря на это, даже его соотечественники ненавидят его больше всех афганских правителей»⁵¹.

Не оспаривая вышеприведенных оценок, отметим, что, на наш взгляд, эмир Абдурахман-хан занял видное место в истории Афганистана. Принимая во внимание те методы, с помощью которых он создал централизованное государство, провел, хотя и не до конца, дефеодализацию (т.е. покончил с феодально-племенной вольницей и междоусобицей), резко ограничил роль духовенства, провел реформирование государственного аппарата, то его, без сомнения, можно причислить к «суперавторитарным» правителям «просвещенного абсолютизма», афганским (а может быть и азиатским) аналогом тех монархов, которые признавались таковыми в Европе.

Автор не одинок в своей оценке. Напомним высказывание российского востоковеда А.Н.Снесарева о том, что он не считает эмира «безграничным деспотом». «Вернее, – писал Снесарев, – считать его абсолютным монархом типа того, что были в конце XVIII в. в Европе»⁵².

Ослабление авторитарной власти при эмире Хабибулле-хане (1901–1919)

Еще при жизни Абдурахман-хан объявил своим наследником старшего сына Хабибуллу-хана. «Совершенно ясно – заявил он – и согласно как с нашей религией, так и нашими обычаями, что престол наследует старший сын, если только он соответствует этому назначению и выбор наследника одобрен народом.»⁵³ Последняя фраза явно носила популистский характер, ибо эмир не собирался прислушиваться к мнению своих подданных.

⁵¹ Hasan Kawun Kakar. Government and Society in Afganistan. Austin University of Texas, 1979. P. 232–233.

⁵² Снесарев А. Афганистан, М., 1921. С. 132.

⁵³ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. Т. II. С. 13.

Примечательно другое. Эмир указывал на то, что в истории Афганистана были случаи, когда правители игнорировали принцип майората и назначали своими преемниками младших сыновей. «Результатом – подчеркивал он – являлись всегда гражданские войны, раздоры и неудачи»⁵⁴.

Абдурахман оставил в наследство своему сыну централизованное государство с упорядоченной вертикалью власти. «Абдурахман – считал А. Гамильтон – сделал так много, что оставил своему наследнику только завершение деталей»⁵⁵.

Позволим далее привести несколько цитат из книги А. Гамильтона, ибо он часто бывал при дворе Хабибуллы-хана, лично общался с ним и в достаточной степени смог оценить черты его характера. Вот что он отмечал: «Несмотря на свою приветливость, Хабибулла-хан не очень прочно сидит на престоле, так как интриги матери-королевы и зависть его братьев расшатывают его положение»⁵⁶. Он не пользуется популярностью в народе и не имеет достаточной силы характера, чтобы стать хозяином положения. Афганистану нужна железная воля человека, который был бы в равной мере работником и правителем людей. Хабибулла слабovolен»⁵⁷. «По характеру он легкомысленен»⁵⁸. «На его лице, как и в деятельности, не отражается жестокой талантливости его предшественника на троне»⁵⁹. «Хабибулла – человек иного склада и после смерти Абдурахмана абсолютизм его правления потерпел существенное сокращение»⁶⁰.

К такой характеристике Хабибуллы-хана можно добавить некоторые черты, отмеченные известным афганским историком М.Г.М. Губаром. Согласно Губару, эмир Хабибулла начал свое правление с того, что «запретил женщинам носить белую чадру с блестящими украшениями. Разрешалось носить чадру серого цвета и без каких-либо украшений. Женщины не должны были без разрешения выходить из дома и появляться на улицах и базарах без надобности, в противном случае их ожидало наказание»⁶¹. Историк указывает также на то, что «эмир распорядился убрать из старых кварталов

⁵⁴ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. С. 14.

⁵⁵ Гамильтон А. Афганистан. С. 177.

⁵⁶ Там же. С. 203

⁵⁷ Там же. С. 180.

⁵⁸ Там же. С. 209–210.

⁵⁹ Там же. С. 203.

⁶⁰ Там же. С. 180.

⁶¹ Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 21.

Кабула всех певцов и танцовщиц и заставить их покаяться и дать обещание, что петь и танцевать они больше не будут»⁶².

Эмир проявил себя не только как борец за чистоту нравственности, но ввел дискриминационный закон, повелевавший индусам, проживающим в Афганистане, носить желтую чалму, а их женам желтую чадру⁶³. Более того, некоей молодой женщине, якобы уличенной в прелюбодеянии, совершенном еще в период правления его отца, приказал выколоть глаза⁶⁴.

Однако, мы не собираемся рисовать портрет авторитарного правителя Хабибуллы-хана одними черными красками. Тот же Губар рассказывает о его благотворительной деятельности. Присвоив себе титул «Светоч нации и религии», он приказал строить школы, в частности лицей «Хабибия», названный так в его честь, и развивать науки. По его приказу были пересмотрены дела всех арестантов, и он многих освободил из страшных тюремных застенков Кабула и Герата, запретил такие практиковавшиеся наказания, как ослепление, отрезание ушей и рук, заменив их на длительные сроки заключения⁶⁵, простил неплательщикам налогов их долги, разрешил эмигрантам, изгнанным в годы царствования его отца, вернуться на родину. Он даже разрешил издавать газету «Сирадж уль-Ахбар» («Светильник новостей»).

Тем не менее, по мнению М.Г.М. Губара, к концу жизни «эмир Хабибулла-хан, имея неограниченную власть и не неся ни перед кем ответственности, постепенно превратился в злого, грубого и деспотичного правителя. Придворные терпели от него притеснения и боялись его». Эмир открыто заявлял: «Шахская власть и власть Пророка – это два драгоценных камня в одном перстне». Дело доходило до того, что, по свидетельству его личного слуги, «эмир, говоря о небесном происхождении эмирской власти, со всей серьезностью произнес следующий стих: «Тот, кто подарил тебе душу, может отнять ее, поскольку он является наместником бога на земле, и действия его есть воля божья»⁶⁶.

Хабибулла-хан все больше времени проводил в своем многочисленном гареме и, пренебрегая управлением страной, пытался прео-

⁶² Там же. С. 21.

⁶³ Там же. С. 22.

⁶⁴ Там же. С. 23.

⁶⁵ Там же. С. 22–23.

⁶⁶ Там же. С. 36.

бразовать свой двор, придав ему пышность и величие западно-европейских дворов.

Это не замедлило сказаться на положении в стране. В 1912–1913 гг. произошли восстания в Пактии и Кандагаре, и хотя они были подавлены, авторитет его, как правителя, падал, чему во многом также способствовало его сближение с Великобританией. В области государственного управления он действовал, исходя из следующих принципов: на первом месте были законы ислама; на втором – законы его отца и его личные сентенции; и на третьем – племенные обычаи и традиции (обычное право).

Как и отец, Хабибулла выступал в роли высшей апелляционной инстанции и лично решал все поступавшие к нему дела: гражданские, уголовные, и даже религиозные, поскольку он, как и его отец, принял титул «царя ислама» и «светоча народа и веры», а во время поездки в Индию пытался представить себя, как верховного правителя мусульман Индии⁶⁷.

Стоит в то же время отметить, что Хабибулла, в отличие от своего предшественника, не провел каких-то радикальных реформ, направленных на улучшение жизни общества, не создал новых институтов власти.

Правда, он открыл лицей «Хабибия», который, вопреки его ожиданиям и желаниям, стал источником зарождения и развития идей конституционализма и демократии. Лицей «Хабибия», по свидетельству М.Г.М. Губара, «превратился в центр политической деятельности», оппозиционной власти. Созданная преподавателями лицея, частью интеллигенции Кабула и некоторыми представителями придворных кругов первая нелегальная партия «Джамиат-е серри-йе мели» («Тайное национальное общество») выступала за замену авторитарной власти эмира конституционным строем с президентской формой правления⁶⁸. Как обычно случается, в рядах партии оказался предатель. По приказу эмира было казнено 45 участников «заговора». «Так – заключает Губар – первое демократическое движение в стране в 1909 г. было подавлено путем казней и тюрем»⁶⁹.

Разгром первых конституционалистов не остановил, однако, распространения их идей. Будущее показало, что из искры, вспыхнувшей при эмире Хабибулле-хане в начале XX в., в последующие времена разгорелось настоящее пламя борьбы за демократию

⁶⁷ Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. С. 43–46.

⁶⁸ Там же. С. 43.

⁶⁹ Там же. С. 46.

и конституционализм. Оно ощущается и ныне, в начале XXI в., и может привести к коренным изменениям политической системы Афганистана.

Пророческими оказались слова одного из членов тайного общества, осужденного на казнь: *«Потеря жизни, души и достояния// Это лишь первый этап на пути к конституции»*⁷⁰.

А сам абсолютный монарх эмир Хабибулла-хан кончил свою жизнь трагически. В ночь на 21 апреля 1919 г. в городе Джалалабаде он был убит выстрелом из пистолета. Убийца так никогда и не был установлен.

Покойный эмир не оставил завещания, в котором бы назвал имя своего приемника. Поэтому, после его гибели, реально оказалось три претендента на власть. Среди них Насрулла-хан – брат погибшего эмира, Инаятулла – старший сын эмира. Оба они находились в Джалалабаде. Насрулла-хан уговорил Инаятуллу отказаться от претензий на престол. 21 февраля 1919 г. на созванном Насруллою-ханом дурбаре он был провозглашен эмиром Афганистана.

Однако такой ход событий не устраивал третьего сына Хабибуллы-хана, принца Амануллу-хана, в тот момент находившегося в столице. Под его командованием находился кабульский гарнизон, арсенал и в его руках находилась государственная казна. В тот же день, 21 февраля, при поддержке военных, придворных и жителей Кабула Амануллу-хан был провозглашен падишахом (королем) Афганистана. Когда джалалабадский гарнизон перешел на сторону Амануллы-хана, Насрулла-хан был вынужден отказаться от претензий на власть и принес новому королю присягу на верность.

Так, третий сын эмира, вопреки традициям и мусульманскому праву оказался во главе страны. Добавим к этому, что афганский (пуштунский) племенной кодекс не признавал принцип примогенитурности (первородства)⁷¹ в качестве права на престол. Однако он признавал право сеньората и майората. Приход к власти младшего сына, традиционалистами из племенных вождей и религиозных авторитетов негласно был расценен как узурпация власти. Возможно, эти настроения сыграли свою роль и в той пропагандистской кампании, организованной впоследствии религиозно-племенной элитой против реформ короля Амануллы-хана.

⁷⁰ Аргандави А. Жвандый хатире / на пушту. Пешавар, 1997. с.7.

⁷¹ См.: Poullada L. B. Reform and Rebellion in Afganistan, 1919–1929. Cornell University Press, 1973. P. 11.

Глава 2. Конституционный период

Правление Амануллы-хана (1919–1929)

Это особый период в истории Афганистана. 28 февраля 1919 г. состоялась коронация Амануллы-хана. В своей тронной речи король (падишах) провозгласил Афганистан свободным и заявил, что отныне его страна должна обладать всеми правами, которыми обладают все суверенные государства мира, тем самым, объявив о своей полной независимости от Англии и отказе от прежних обязательств проводить свою внешнюю политику только с ее согласия. Он призвал народ к джихаду (войне против англичан), который в августе того года увенчался победой. В результате успеха в англо-афганской войне (третьей по счету) Афганистан завоевал полный суверенитет во внутренних и внешних делах, стал независимым.

В области внутренней политики король дал обещание, что отныне эксплуатация человека человеком недопустима, объявил об отмене системы принудительного труда, о прибавке жалования солдатам и других льготах. Это был сильный ход со стороны молодого короля, привлекший на его сторону большую часть населения и обеспечивший поддержку его политики.

В контексте нашей работы важно подчеркнуть, что в своей тронной речи Аманулла сразу определил свои властные полномочия: «С твердой решимостью я возлагаю на себя тяжкое бремя управления страной (*ударат*) и религиозными делами (*имамат*)». Таким образом, он объявил о сосредоточении в своих руках, подобно эмиру Абдулрахман-хану и Хабибулле-хану, всей полноты светской и духовной власти¹.

Вторым важным актом было обнародование в 1923 г. первой афганской Конституции («Ды Афганистан ды лвар доулат асаси незамнама» – Основной закон высокого государства Афганистан).

¹ Текст тронной речи цитируется по вышеуказанному сборнику документов афганского ученого А. Аргандави. Жвандый хатире («Живая память»), С. 427–428.

9 апреля она была опубликована на языке пушту, а на следующий день, 10 апреля, на языке дари (таджикском).

Надо заметить, что не все с восторгом восприняли намерение короля ввести первую Конституцию. Особенно жестко отреагировали религиозные круги, увидевшие в ней ущемление своих прав и льгот.

В связи с этим напомним о ситуации, царившей среди элиты мусульманских богословов (улемов) задолго до появления Основного закона. За три года до ее опубликования тогдашний премьер-министр в правительстве Аммануллы-хана Сардар Абдул Кудус, человек крайне реакционных взглядов, ярый соперник Махмуд Бека Тарзи – министра иностранных дел и сторонника прогрессивных реформ и конституционного правления – решил заручиться поддержкой высших религиозных авторитетов. Он обратился к братьям Муджадди, возглавлявшим влиятельный суфийский орден накшбандийа, призвав их к борьбе со сторонниками конституционализма, и просил их высказаться относительно политического устройства Афганистана.

Благодаря документам, приведенным в книге М.Г.М. Губара, мы имеем и текст запроса премьер-министра, и ответ улемов. В письме от 17 июля 1920 г., премьер указал на то, что враги мусульман действуют против них «мечом, пером и обманом». Абдул Куддус далее подчеркивал, что, не имея возможности покорить силой Афганистан, враги ислама пустились на обман, сутью которого является конституционализм. И здесь, видимо вдохновленный жестокими репрессиями, которые обрушил в 1909 г. отец Амануллы-хана эмир Хабибулла на первых сторонников конституционализма, премьер-министр продолжал: «Лечение этой болезни возможно лишь путем введения смертной казни для сторонников конституции, как то следует из законов шариата; лишь после этого можно приступить к обучению современным наукам..., но в полном соответствии с требованием шариата следует уничтожить микроб конституционализма»².

Консервативные улемы дали такой ответ. Все известные в мире им (*т. е. – улемам – Р.С.*) формы управления государством, как-то: «деспотия, конституционализм, республика и большевистский режим», – отмечали они, – «бесполезны для управления, ...ибо не заключают в себе общей для мира справедливости, ...рядясь в оде-

² Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 150.

жды реформаторов и прикрываясь цивилизацией, они вызывают страх и ненависть...»³. Единственно полезной и разумной формой устройства государства улемы признавали только халифат, при котором соблюдаются божественные законы. Осудив все остальные формы, они заявили, что «... шариат не приемлет их, и разум не одобряет...»⁴.

По словам М.Г.М. Губара, хотя улемы однозначно высказались против конституционного строя, они так и не решились издать *фетву* (решение, приговор согласно шариату) о ликвидации конституционалистов, а именно этого добивался от них премьер-министр.

Несмотря на сопротивление противников конституции, она была введена в действие, как указывалось выше, в апреле 1923 г.

Конституция 1923 г., начало реформ

Основной Закон афганского государства, равно как и другие реформы Амануллы-хана, их успехи и провал были предметом тщательного исследования многих отечественных, зарубежных и афганских ученых. (см. о них в частности, книгу В.Г. Коргуна «История Афганистана XX век» М., 2004, С. 53–218). Мы коснемся этих тем лишь в той степени, в которой они помогут понять характер власти при новом короле.

Итак, начиная с апреля 1923 г., Афганистан объявляется конституционной монархией. Однако, скажем сразу, конституционная монархия Амануллы не походила на ту форму, при которой государь царствует, но не правит. Согласно ст. 5 Основного Закона, Его Высочайшее Превосходительство король по традиции объявлялся служителем и хранителем священной религии ислам, правителем и государем всех подданных Афганистана. В компетенцию монарха входило верховное управление исполнительной, законодательной, судебной властью, а также внешней политикой и военными делами, которые он осуществлял через своих помощников. Ст. 6 гласила, что король вверяет своим министрам практическое управление всеми ветвями власти, и каждый из них несет полную ответственность перед королем за исполнение своих служебных обязанностей.

³ Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 151.

⁴ Там же. С. 151.

И здесь мы подходим к главному положению Конституции, по существу, определившему характер власти, гласившему согласно пункту 6: «...августейшая же особа эмира безответственна»⁵. Несколько иная формулировка приводится у афганского историка А. Аргандави. «Его Величество ни перед кем не несет ответственности»⁶. Таким образом, номинальная конституционная монархия, на деле являлась прикрытием для авторитарной власти короля.

После принятия Конституции, Аманулла-хан сделал еще один, беспрецедентный в истории Афганистана, шаг. В приложении к Конституции это событие было зафиксировано следующим образом: «На Лойа Джирга Его Величество Гази Аманулла-хан представил принца Рахматуллу, как сына королевы Сорайи и наследника престола, а Сорайю в качестве законной королевы, что и было одобрено Лойа Джиргой»⁷.

Добавим, что в самом тексте Конституции был юридически закреплён принцип династийности. Так, в ст. 4 объявлялось, что «эмирская власть в Афганистане будет переходить к потомкам ныне правящего падишаха, сторонника прогресса афганского народа, по принципу наследования, причем престолонаследник будет избираться его величеством и народом...»⁸.

К сказанному прибавим, что все демократические принципы, доселе неслыханные в официальных документах афганского государства, были сосредоточены в главе «Публичные права подданных Афганистана (ст. 8-24)⁹. В частности, они декларировали: гарантию свободы личности, равноправие и равенство всех перед законом; отмену института рабства; отмену любых пыток и мучений арестованных; возможность жаловаться на незаконные действия чиновников; свободу печати; свободу обучения, в том числе обязательное начальное обучение; неприкосновенность жилища и собственности и т.п. Сюда следует добавить закрепление свободы судопроизводства (ст. 53) и разработанное при личном участии короля «Положение о судах» (*тамассук уль-куззат-ал-амани*), серье-

⁵ Дурденевский В.Н., Лундшувейт Е.Ф. Конституции Востока. Ленинград, 1976. С. 73;

⁶ Аргандави А.А. Жвандай хатире / на пушту. Пешавар, 1997. С. 452.

⁷ Там же. С. 465.

⁸ Дурденевский В.Н., Лундшувейт Е.Ф. Конституции Востока. С. 73.

⁹ Там же. С. 73-74.

езно ограничившее полномочия шариатских судов, и отделившее дела «подсудные Богу» от дел «подсудных человеку».

Все остальные статьи Конституции, по сути дела, определяли структуру и принцип работы органов административного управления страной. В качестве примера назовем такие статьи, как «Министры», «Чиновники», «Суды», «Дела финансовые», «Местное управление» и т.п.

Конечно, король понимал, что без контроля над практическим внедрением в жизнь общества конституционных принципов, не удастся провести реформы и изменить государственное устройство. Поэтому по его указанию были изданы десятки уложений (*низам-наме* или *осуль-наме*) – конституционных актов, которые охватывали почти все сферы жизнедеятельности общества и индивида – административную, социально-экономическую, культурную, юридическую, религиозную и др. Были приняты, например: «Основы государственной организации Афганистана», «Закон о торговых агентствах», «Закон о деятельности госказны», а также законы «О муниципальных городских властях», «О гражданстве и паспортах», «Об иммигрантах», «О частных школах», «О судах и тюрьмах», «Об административном делении страны», «О госбюджете», «О пенсии», «О создании женских и мужских колледжей», «О почте», «О тренировочных базах для военных», «О женитьбе и обрезании» и т. п.¹⁰

Разумеется, по замыслу Амануллы-хана новая Конституция и реформы должны были ограничить независимость племенных вождей, сузить влияние шариатских судов, подчинить Кабулу органы самоуправления в провинциях, и, в конечном счете, укрепить вертикаль центральной власти и новый политический режим. Отметим, что такие меры, как замена прежнего *дурбара* (собрание знати при правителе), на Государственный Совет, формирование Совета министров, на заседаниях которого обычно присутствовал король (ст. 25, с. 74)¹¹ на деле носили половинчатый, паллиативный характер. И Госссовет, и Совет министров являлись совещательно-консультативными органами, а окончательное решение принимал лично король, видимо, хорошо запомнивший наставления своего

¹⁰ Pullada L. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929, Cornell University Press, Ithaca, London, 1973. P. 38, 46, 70–79; Имомов Ш. История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX–первой половине XX века, М.–Душанбе, 2001. С. 363–367.

¹¹ Дурденевский В.Н., Лундшвейт Е.Ф. Конституции Востока. С. 70–79.

деда – эмира Абдуррахман-хана «выслушивать всех, но поступать по-своему».

Следует подчеркнуть, что в реформаторской деятельности Амануллы-хана четко просматриваются два этапа, на что указывали многие исследователи. Первый (1919–1924 гг.) начался с провозглашения им независимости Афганистана и успешной войны с англичанами до обнародования первой Конституции и начала реформ. Важно, что, несмотря на противодействие внутренней оппозиции и внешнему давлению со стороны Англии, шаги короля, по утверждению М.Г.М.Губара, получили «всенародную поддержку»¹².

Однако такая поддержка длилась недолго. Реформаторская и независимая политика Амануллы-хана, вызывавшая раздражение внутренней реакции и внешнего противника, вылилась в ряд инспирированных восстаний племен горной области Хост – шинвари, мангал, дзадран и др. Впрочем, к концу 1924 г. оппозиционные выступления были подавлены. Второй этап правления Амануллы приходится на конец 1924–начало 1928 г. Он закончился провалом реформаторской деятельности и стоил престола первому конституционному монарху.

В декабре 1927 г. королевская чета, уже как правители суверенного Афганистана, отправилась в первое зарубежное турне по столицам государств мира, где их повсюду ожидал торжественный прием. Увиденное произвело на Аманулла большое впечатление, особенно технический и культурный прогресс, достигнутый многими странами. Сопровождавший короля в поездке А.В.Попальзай в книге «Путешествие короля Амануллы-хана в двенадцать стран Азии и Европы (декабрь 1927–июль 1928 г.)»¹³ отмечает полный успех длительного вояжа. Книга по существу представляла собой подробный дневник всех встреч, выступлений королевской четы и принимающих их глав государств, а также различные политические и торгово-культурные договоры, заключенные между Афганистаном и некоторыми зарубежными государствами. Автор книги отмечает то обстоятельство, что европейская пресса, в частности, английская и французская, не скупилась на комплименты и одобрительные высказывания, сравнивая Аманулла-хана с

¹² Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 130.

¹³ Попальзай А. В. Сафархайе Гази Аманулла-Шах дар даваздах кешваре Асийа ва Орупа, Кабул, 1985. С. 319–320.

российским императором-реформатором Петром Первым. Главы соседних мусульманских государств, также следовавшие путем конституционных реформ, президент Турции Кемаль Ататюрк и новый шах Персии Реза-шах Пехлеви всячески ободряли его и давали советы молодому реформатору¹⁴. Аманулла побывал с визитом и в Советской России, где ему была оказан теплый прием¹⁵.

Возвратившись на родину в июле 1928г., Аманулла-хан, под воздействием увиденного им в мире материального прогресса, особенно в европейских странах, действительно, попытался, «железной рукой вздыбить» свою страну, и «сеять ростки просвещения», чтобы вырвать Афганистан из мрака невежества и поскорее осуществить планы его модернизации.

Однако новые его проекты носили скоропалительный и чисто имитационный характер, нарушали устоявшиеся веками традиции, и поэтому были отторгнуты афганским обществом. Обратимся вновь к работе М.Г.М. Губара, который следующим образом описывает этот период. «После возвращения из зарубежного турне – отмечал М.Г.М. Губар – король заметно изменился. Он сделался чрезвычайно заносчив и эгоистичен»¹⁶. «Его политика стала отличаться поспешностью и непродуманностью». В качестве иллюстрации Губар приводит примеры «вредных и наивных затей эмира», таких как: перенос традиционного выходного дня с пятницы на четверг; запрет женщинам проходить по некоторым кабульским улицам без чадры; приказание мужчинам носить европейские костюмы и шляпы; запрещение здороваться, подавая друг другу руку, – вместо этого полагалось снимать шляпу и раскланиваться. В загородной резиденции короля устраивались балы-маскарады. И все это на фоне усиления взяточничества, nepотизма и своеволия высших чиновников и в условиях нищеты и беспорядка, царивших в стране.

В 1928 г. на традиционной племенной Лойа Джирге (Великом собрании) депутаты вынужденно приняли программу новых реформ, ибо «ни одному из депутатов, – замечает Губар, – не было позволено выступить от имени народа с критикой порочной сис-

¹⁴ Pullada L. Reform and Rebellion in Afganistan, 1919–1929, P. 167.

¹⁵ Коргун В.Г. История Афганистана XX век. М., 2004. С. 142–144.

¹⁶ Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 162.

темы управления...»¹⁷. «В целом система управления страной, -заключал он, – приобрела форму абсолютизма»¹⁸.

Все эти промахи короля умело использовались его врагами, в первую очередь элитой афганского духовенства. Реакционные улемы вели активную пропаганду, стремясь опорочить короля и королеву Сорайю, объявляя их безбожниками¹⁹.

Более того, по свидетельству М.Г.М. Губара, «Каждое нововведение улемы преподносили народу в самой отвратительной и неприглядной форме, так что эмир и его сторонники лишились, в конце концов, народной поддержки и оказались в изоляции»²⁰.

Вскоре началась цепь восстаний в провинциях страны (Пактии и Нангархаре) и, наконец, образовалось самое мощное из них, восстание Бачаи Сакао (декабрь 1928 г.), приведшее к падению режима Амануллы и его эмиграции из страны.

Аманулла-хан как личность

Чтобы более точно определить форму правления короля и направление его реформ, нелишне обратиться к формированию его характера и образа мышления, которые, как нам представляется, сыграли ключевую роль в его судьбе. К сожалению, в отличие от деда эмира Абдурахман-хана, оставившего потомкам два тома своей «Автобиографии», сведения о личностных качествах Амануллы-хана крайне скудны и противоречивы, а между тем, по нашему убеждению, они сыграли определяющую роль в формировании его политической идеологии и реформаторского курса, направленного на модернизацию страны.

С раннего детства на формирование его характера сильное влияние оказала его мать, женщина властная, амбициозная и антибритански настроенная. Этническая пуштунка из семейства племенных вождей дурранийского клана баракзаев, она была сильной личностью при дворе сына. Нет сомнений, что мать познакомила Амануллу с искусством политических интриг и методами управления государством и внимательно следила за его деятельностью. Так, во время его путешествия в Европу, королева-мать вела с ним

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 164.

¹⁹ Там же. С. 166.

²⁰ Там же. С. 131.

переписку. Одно из писем, которое в стихотворной форме изложено в упомянутой выше книге А.В. Попользай полно слов материнской любви к сыну и похвалы Аманулле, как королю. Она называет его «честью и достоинством родины», «жизнью моей и всего народа», который «от разлуки с тобой испытывает боль и страдание»²¹.

Добавим, что на поведение и поступки короля очень сильно влиял также его тесть Махмуд Бек Тарзи – интеллектуал, либерал и его идейный наставник, министр иностранных дел в правительстве короля и издатель журнала «Сирадж-уль-Ахбар», ставшего важным инструментом пропаганды реформ Амануллы-хана.

Пытаясь создать психологический портрет Амануллы-хана надо иметь в виду, что многие современники, оставившие свои впечатления от личного общения с ним, были не всегда объективны, что заставляет нас с определенной долей осторожности воспринимать их оценки.

Одним из тех, кто лично встречался с королем, был английский дипломат сэр Генри Доббс. В 1921г. он вел переговоры с Амануллой-ханом о заключении договора с Британской Индией после окончания англо-афганской войны 1919 г. Доббс отмечал, что король популярен среди народа, много и напряженно работает. Между тем, это сказывается на его нервном состоянии; он амбициозен и экспансивен и часто ведет себя, как «капризный тиран». Хотя он ведет переговоры вежливо и корректно, но «под бархатной перчаткой чувствуется железная рука»²².

Если верить Г. Доббсу, Аманулла порой даже допускал высказывания, граничащие с агностицизмом, но, как правоверный мусульманин, он точно выполнял все религиозные предписания. По утверждению английского дипломата, характер короля полон противоречий – с одной стороны, он крайне экономичен, с другой, щедро тратит деньги на помпезные социально-культурные цели: сооружение парков, фонтанов, общественных зданий и т.п. В целом, Г. Доббс считал короля «сложной и в достаточной степени загадочной личностью»²³.

Еще один иностранец, оставивший воспоминания об Аманулле – М. Фуше, французский министр, сотрудничавший с королем

²¹ Попользай А. В. Сафархайе Гази Аманулла-Шах дар даваздах кешваре Асияа ва Орупа, С. 83.

²² Pullada L. Reform and Reblion in Afganistan, 1919–1929, P. 60–61.

²³ Ibid. P. 61.

в деле составления культурных и образовательных программ на 1922–1924 гг. Он следующим образом отзывается о нем: «Нынешний эмир с удивительным политическим чутьем... направляет свои усилия на достижение своих смелых целей... Обычное состояние Афганистана – есть анархия, и только гений Амануллы так или иначе может навязать свою волю племенам, которые являются подлинными хозяевами на большей части страны»²⁴.

У.К. Фрейзер-Тайтлер, служивший в годы правления Амануллы в британской дипломатической миссии, считал короля «трудной и загадочной персоной...». Король был патриотом, воодушевляемым преданностью своей стране; обладал трудоспособностью и энтузиазмом, ставя своей задачей обеспечить интересы государства и вывести Афганистан в ряды передовых стран мира²⁵. Обращает на себя внимание одно обстоятельство, на которое указывает Фрейзер-Тайтлер: «слабость его в том, что он не способен выбирать себе хороших советников»²⁶.

Известная своей пламенной революционной деятельностью Лариса Рейснер, находившаяся в Кабуле в составе советского посольства в то же время, когда там пребывал выше упомянутый Г. Доббс, оставила настоящий панегирик Аманулле-хану. Она называла его «большим человеком, настоящим героем азиатского возрождения, обладавшим огромным природным умом, волей и политическим инстинктом», а его реформы сравнивала с «первой розовой зарей просвещенного абсолютизма»²⁷. Вместе с тем, сравнивая короля с Петром, она, как и У. К. Фрейзер-Тайтлер, подчеркивала, что, в отличие от русского царя, он не умел выбирать себе преданных и опытных помощников²⁸.

Американский афганист Л. Пуллада, специалист по этому периоду в афганской истории, дает Аманулле весьма интересную оценку. «Он не был Иваном Грозным, разрушавшим феодальную систему огнем и мечом. Скорее он был Петром Великим, пытавшимся внести свет и просвещение в темное и отсталое общество... Одно несомненно. Аманулла не был ни скрытым, ни явным тираном». Для его характеристики Л. Пуллада изобрел даже политический

²⁴ Ibid. P. 62.

²⁵ Ibid. P. 62.

²⁶ Ibid. P. 63.

²⁷ Рейснер Л. Афганистан. М., 1925. С. 62.

²⁸ Там же. С. 62.

неологизм, назвав его «демократическим тираном»²⁹. Наверное, и такое определение столь сложной и противоречивой фигуры, как афганский король, возможно, имеет право на существование.

Были и другие исследователи, которые подчеркивали, что «хотя Аманулла-хан называл себя конституционным монархом, на практике он действовал, как диктатор...»³⁰.

На наш взгляд, более объективная и справедливая оценка содержится в заключительном выводе Л. Пуллады, написавшего: «...если бы Аманулла не сделал больше того, что он сделал для реорганизации управления страной, не дал бы народу новую конституционную хартию и свод законов, которые сохранились и возродились в афганском государстве, то и тогда его заслуги заслуживают того, чтобы быть отмеченными как усилия первооткрывателя»³¹.

М. Икбал, виднейший поэт современник – Амануллы, живший в (тогда еще британской) Индии, так подытожил в стихах деятельность короля :

«С Божьей помощью – победитель чужеземцев.
Да будет имя твое славиться в исламской *хутбе*
Как творит величие во веки веков»³².

Завершая портрет Амануллы-хана, следует подчеркнуть, что он был личностью незаурядной, навсегда вошедшей в историю Афганистана, как истинный патриот, борец за независимость своей родины, как создатель первой афганской конституции, как реформатор, пытавшийся вывести Афганистан из мрака невежества и поставить его в один ряд с передовыми странами мира.

При этом, не надо забывать, в какое время и в какой стране он жил и правил. «Афганское общество – отмечал историк С.К.Риштия – было полуфеодальным, отсталым, бедным и неграмотным обществом, находившимся в состоянии смуты и склонным к распаду. По этой причине реформы оказались поверхностными и не смогли проникнуть в глубинные слои населения»³³.

²⁹ Pullada L. Pullada L. Reform and Rebellion in Afganistan, 1919–1929, С. 65.

³⁰ Afganistan / ed. By Donald N. Wilber, New Haven, Connecticut, 1956. С. 76.

³¹ Pullada L. Pullada L. Reform and Rebellion in Afganistan, 1919–1929, С. 105.

³² Попользай А. В. Сафархайе Гази Аманулла-Шах дар даваздах кешваре Асияа ва Орупа, С. 23.

³³ Танин Риштия С.К. Афганистан. С. 53.

Вся беда Амануллы-хана состояла в том, что он обогнал свой век. Консерваторы и реакционеры, желавшие сохранить неизбежность своих традиционных привилегий, Англия, не простившая ему восстановления суверенитета, сделали все, чтобы лишить его власти и изгнать из страны. В трудный для себя момент король остался один, без преданных сторонников, без поддержки армии, без политической партии единомышленников. План создания прокоролевской партии «Истикляль ва таджаддо» («Независимость и возрождение») так и не был воплощен в жизнь. Он проиграл битву, но выиграл историческое сражение. В день восстановления независимости Афганистана (18 августа) каждый год при всех последующих режимах, кроме талибского, ему воздавали должное: его портреты публиковались на первых страницах газет и журналов, и пресса отмечала его заслуги перед родиной. Да, он был абсолютным монархом, чья власть не была ограничена конституцией, но монархом-просветителем и таким остался в летописи Афганистана.

Смутное время. Правление эмира Хабибуллы II Калакани (январь 1929– октябрь 1929 г.)

«История, как известно, всем выносит беспристрастный приговор, и ее суд, как и суд народа, справедлив и безжалостен», отмечал упоминавшийся уже не раз М.Г.М. Губар³⁴.

В январе 1929 г. Хабибулла Калакани, вошедший в афганскую историю под прозвищем «Бачаи Сакао» («Сын водоноса»), торжественно вступил в королевский дворец Арк, покинутый королем Амануллой-ханом. Это было знаменательное событие. Впервые в истории страны этнический таджик из местечка Калакан, что на севере Афганистана, захватил афганский престол, прервав вековую традицию господства пуштунов, считавших верховную власть в Афганистане своей неотъемлемой привилегией, доставшейся им по наследству от основателя империи Дуррани пуштуна Ахмад-шаха.

Новый эмир, занявший трон под именем Хабибуллы II Гази «победитель» и называвший себя «слугой ислама посланника Аллаха» («хадеме дине расуле Аллах»), процарствовал всего девять месяцев. Однако этот краткий период, как возможность прихода к власти непуштуна, оставил в жизни афганского общества такой глубокий след, что влияние этого прецедента сказывается и поныне.

³⁴ Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 183.

Недоучившийся ученик медресе, дезертир из армии, грабитель, арестант, чайханщик в Пешаваре (Британская Индия) по возвращении на родину приобретает популярность как глава всех мятежных сил, выступивших против короля Амануллы-хана.

Кто же он был, этот выходец из местечка Калакан? Личность первого таджикского эмира в афганской истории оценивалась по-разному. Одни считали его бандитом, разбойником с большой дороги, неграмотным невеждой, «не способным – по мнению М.Г.М. Губара – не только управлять страной, но даже какой-нибудь деревушкой»³⁵. Губар считал «установление его режима трагедией в истории страны»³⁶. Другие восхваляли его, называя человеком преданным и верным слову, правоверным мусульманином, справедливым, щедрым и храбрым. А известный дариязычный поэт Х.Халили в поэме «Аяри аз Хорасан» («Удалец из Хорасана») изобразил его подобным таджикскому Робин Гуду. Короче, каждый видел в нем то, что хотел видеть. Даже М.Г.М. Губар, крайне негативно относившийся к Хабибулле II, был вынужден признать, что эмир и его ближайшее окружение, выходцы из простого народа, «питали отвращение к обману, коварству и демагогии, и при внешне выраженном стяжательстве, не были скрягами. Все, что попадало им в руки, они расходовали на других..., они не копили золото и серебро, чтобы пустить его в торговлю»³⁷.

Что же представляла собой новая власть во главе с эмиром Хабибуллой II, кто входил в круг его ближайших сподвижников и советников? В его ближайшее окружение входили товарищи по мятежу, а также прежние сановники свергнутого короля Амануллы-хана, переметнувшиеся к новому эмиру и, конечно, духовенство – главный организатор мятежа против Амануллы – хана. По данным, приведенным в работе В.С. Бойко, среди перебежчиков в лагерь нового эмира оказалась часть аристократии, в том числе принцы Хайат-хан, Мухаммад Кабир, Серадж Азизулла-хан, Аминулла-хан – потомки эмиров Абдурахман-хана и Хабибуллы-хана³⁸.

³⁵ Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 194.

³⁶ Там же. С. 183.

³⁷ Там же. С. 183

³⁸ Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М–Барнаул, 2010. С. 150.

В описании М.Г.М. Губаром нового правительства эмира есть одна весьма образная, и в то же время весьма показательная фраза: «Усы и бороды у них с каждым днем становились короче, а официальная одежда все шире...»³⁹. Британская газета «Таймс» от 9.08.1929 также сообщала, что «эмир медленно модернизируется, что в настоящее время он пользуется автомобилем, носит европейскую одежду и каракулеву шапочку, вместо *пагри (чалмы – Р.С.)*». Эмир отменил запрещение фотографий⁴⁰. Действительно, сохранилось несколько фотоснимков, запечатлевших эмира в новом облике. Один из них опубликован в журнале «Азад Афганистан» за 1999 год. На нем эмир Хабибулла II, одетый в черный фрак, белую манишку и каракулеву шапочку, с аккуратно подстриженной бородкой и усами сидит за столиком; рядом с ним его брат Хамидулла, также во фраке целится из винтовки в невидимую мишень. Оба они в окружении своих соратников, облаченных во фраки, и группы военных. Рядом с эмиром сидит его духовный наставник пир Саид Аббас Ишан Пиян⁴¹.

Похожая фотография опубликована в книге В.С.Бойко – на ней Хабибулла II, одетый во фрак, сидит за столом в окружении своих соратников и военных. Более того, по информации автора, сославшегося на афганского ученого А.Гани, для одной из жен эмира было приготовлено европейское платье, чтобы в случае необходимости появиться в нем, скорее всего, перед иностранными представителями⁴².

О чем говорят эти снимки? Новый эмир, по-видимому, хотел поскорее придать цивилизованный вид своему правлению, легитимизировать себя в качестве прогрессивного монарха перед иностранными державами, особенно соседними, которые не спешили признавать новую власть. Между тем, окружение Хабибуллы II всячески возносило его, пропагандируя как нового халифа, наместника Пророка на земле. Газета «Хабиб уль-ислам» опубликовала следующую речь представителя горожан Кабула: «О государь, виновник нашего процветания! Упоминание имени твоего да будет

³⁹ Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 183.

⁴⁰ БПСВ (Бюлетень прессы Среднего Востока). Ташкент, Сентябрь 1929 г. № 1 (9). С. 91.

⁴¹ Afghanistan Mirror (Айнейе Афганистан). Montclair, CA, June 1999. № 77, Vol. 10, P. 69.

⁴² Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. С. 157, 158.

радостным напевом ислама. О, государь, тень Бога и защитник шариата, пророка Божьего!». «О, эмир Ислама! Ныне мы можем рекомендовать Вас вселенной эмиром Афганистана, но общество людей вокруг от души признает Вас халифом Ислама!»⁴³.

Известный впоследствии историк А. Хабиби вспоминает эпизод, когда он при правлении Хабибуллы был издателем кандагарской газеты «Тулуйе Афган». Его вызвал губернатор и приказал ему: «В своей газете очень хорошо отзывайся только об эмире. О русских и англичанах ничего не пиши»⁴⁴.

За девять месяцев правления трудно составить достоверную характеристику его личности. Однако, судя по его поступкам, Бачаи Сакао обладал сильным характером, был человеком не падким на лесть. Он, видимо, понимал, что в окружении своих некомпетентных сподвижников по оружию, он является исполнителем замысла внутренней реакции и внешних сил, служит игрушкой в руках его собственных сановников и реакционного духовенства, где главную роль играла семья руководителей суфийского ордена накшбандийа хазраты Муджаддиди. Понимал он, возможно, что обошлось не без тайных интриг администрации Британской Индии, не простившей Аманулле-хану поражения в англо-афганской войне 1919 г.

Показателен для характеристики личности Бачаи Сакао следующий эпизод. В очередную годовщину празднования Дня Независимости Афганистана, по сообщению афганского историка А. Джавида, новый эмир прискакал на коне к месту традиционных торжеств – площади «Чамане Хозури» и, оттолкнув заранее приготовленный ему текст выступления, обратился к народу с речью: «О народ! Да здравствует праздник независимости! Этот праздник не наследие моего отца или матери Амануллы-хана. Это Ваш праздник, Вы проливали кровь за свободу. **Я сегодня послал телеграмму Гази Аманулле-хану и поздравил его с праздником (выделено нами – Р.С.).** Идите и радуйтесь!»

Что это? Выходка парвеню, желание проявить уважение к поверженному, но равному сопернику, или стремление сравняться с ним в качестве законного короля. Да, он вполне мог считать себя равным королю, ибо руководствовался кораническим аятom «Поистине, Аллах дарует Свою власть, Кому пожелает»⁴⁵.

⁴³ БПСВ. Ташкент, Сентябрь 1929 г. № 1 (9). С. 87

⁴⁴ Танин З. Афганистан дар карне бистом 1900–1996 / на перс. яз. Тегеран. С. 63.

⁴⁵ Коран. Сура 2, аят 248 (247).

Посмотрим, какими событиями в области государственного строительства характеризовалось 9-месячное правление эмира Хабибуллы II. Сведения о них частично сохранились в фирманах эмира и его должностных лиц и публикациях официоза «Хабибуль-ислам», выходившего с позволения эмира.

Разумеется, о создании какого-нибудь основополагающего документа, наподобие Основного закона, речь даже не шла. Эмир и его окружение благоразумно отказались от затеи подготовки нового проекта Конституции, они только убрали из текста Конституции 1924 г. ряд положений, по их мнению, противоречащих шариату. Новый эмир предпочитал руководить страной путем издания фирманов.

Обратимся к первому фирману Хабибуллы II, состоявшему из 19 пунктов. Вот его основные положения. В преамбуле говорилось, что эмир Хабибулла II по милости Божьей и при помощи Пророка ислама победил и взошел на трон. Этим фирманом он отменяет все неподобающие исламу законы, о чем и доводит до сведения своих правоверных подданных.

В частности это относилось к следующему: отменялась европейская форма приветствия, восстанавливался традиционный обычай приветствия; вводился запрет на ношение европейской одежды; женщинам вменялось обязательное ношение чадры; для мужчин отменялись стрижка бороды и усов; использование чалмы объявлялось обязательным; замена лунного летоисчисления отменялась и заменялась на солнечное; выходным днем вновь объявлялась пятница. Наряду с этим указом закрывались женские школы, отменялось изучение математики и европейских языков; направленных за границу на учебу девушек обязывали возвратиться на родину. Одновременно согласно шариату предпочтение отдавалось религиозным наукам, и подданным вменялось в обязанность уважение к улемам и следование суннитскому ханафитскому толку ислама. Отменялся запрет на публичные выступления мулл и муэдзинов, возобновлялась деятельность органов «амр бе мааруф ва нахи аз мунакр» (*полиция нравов – Р.С.*). Распитие вина, ранее имевшее место в обществе, было совершенно запрещено. И, наконец, указом эмира из тюрьмы освобождались «наставники мусульман хазраты Муджаддиди, чтобы они наставляли народ на путь религии». В заключительной части фирмана, чтобы задобрить ар-

мию, объявлялось об увеличении месячного жалования солдатам, выдаче им зерна и форменной одежды и обуви. Указом эмира для гражданских лиц отменялись дополнительные налоги на дороги, мосты, оставлялись лишь налоги, которые мусульмане обязаны выплачивать согласно законам шариата⁴⁶. Резко усиливалась роль духовенства и сардарства (феодалной элиты) в системе управления страной. Так, в одном из указов, изданных гератским наиб-саларом (командующим военным округом) утверждался «Совет сановников, сайидов, улемов, шейхов, ханов и других почетных граждан Герата» с целью уничтожения насилия и деспотизма, и усиление влияния религии ислама⁴⁷.

Среди первых декретов были также фирман об организации «Информационного управления» (политический сыск), которому вменялось в обязательство информировать эмира о положении дел в любом уголке страны. В фирмане подчеркивалось: «согласно велениям священного шариата, заботясь о положении моих братьев, кои находятся на службе, так и всего населения, я должен быть хорошо осведомлен о том, что происходит»⁴⁸.

Между тем, положение в «Кабулистане» (одно из древнейших названий Афганистана, восстановленное новым эмиром) было весьма сложным. Таджикские «военные и гражданские лица», спустившиеся с расположенных к северу от столицы областей Кухи-стана (Кохистана) и Кухдамана, стали вести себя как мародеры и захватчики. Эмиру пришлось издать два фирмана (от 22.03.1929), в которых, отмечая, что солдаты ведут себя «вызывающе» и разговаривают с жителями Кабула «совершенно недопустимым образом». Делают они это, отмечалось в фирмане, вместо того, чтобы, «как братья-мусульмане», относиться друг к другу «приветливо»⁴⁹. Более того, в другом фирмане солдат предупреждали о недопустимости платить лавочникам только половину стоимости «купленного», и грозили им за это суровым «возмездием»⁵⁰.

⁴⁶ Аргандави А.А. Жвандай хатире. С. 429–430.

⁴⁷ БПСВ. Ташкент, Сентябрь 1929 г. № 1(9). С. 82.

⁴⁸ Там же. С. 79.

⁴⁹ Там же. С. 80.

⁵⁰ Там же. С. 80.

Интересен фирман от 17 июля 1929 г., призывавший к борьбе со взяточничеством, подписанный наиб-саларом Абдуррахимом, председателем «Комиссии по упорядочению дел Гератской провинции», в котором подчеркивалось, что ответственность ложится как на дающего, так и на берущего взятку. Взятчиков предупреждали о применении к ним самых строгих наказаний «дабы остальным чиновникам это послужило хорошим назиданием»⁵¹. (С тех пор прошло более 80 лет, однако никакие указы до сих пор не искоренили коррупцию).

Во внутренней политике эмира все отчетливее стала превалировать таджикская направленность. Это, в частности, нашло отражение в одном из его фирманов от марта 1929 г., где давалось указание всю государственную переписку вести только на дарифарси. «Все объявления и приказы пишутся только на персидском языке и так, чтобы было понятно всему народу.»⁵² На деле это означало признание фарси-кабули (дари) единственным официальным языком Кабулистана.

Более того, эмир приступил к реформе армии. По свидетельству К.И. Соколова-Страхова, «весь офицерский корпус прежней армии, состоявший почти исключительно из представителей королевского рода баракзаев (*пуштунов* – Р.С.), был уволен и заменен на таджиков»⁵³.

Что касается внешнеполитической линии нового правительства, то в основном она была рассчитана на одобрение зарубежных стран, в первую очередь соседних. В целом она сводилась к громким декларациям и лозунгам. Наиболее воинственные из них, о которых упоминает М.Г.М. Губар, например, такие, как «Освободим Бухару!», «Привезем из Индии сандаловые ворота»⁵⁴, постепенно сошли на нет, поскольку эмиру Хабибулле, столкнувшемуся с внутренними проблемами, в том числе и мятежами ряда племен против новой власти, было уже не до «освобождения Бухары».

⁵¹ Там же. С. 82–83.

⁵² Соколов-Страхов К.И. Гражданская война в Афганистане 1928–1929 гг. М., 1931. С. 50.

⁵³ Там же. С. 50.

⁵⁴ Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. С. 183. Сандаловые ворота искусной резьбы украшали храм индийского дворца в Сомнатхе. Были вывезены в Афганистан султаном Махмудом Газневи в начале XI в. н. э. В 1842 г. британская армия возвратила их в Индию в форт Агра. См.: *Pristeley H. Afghanistan and its inhabitants. Lahore, 1981. P. 12.*

Тем не менее, воинственные заявления эмира периодически повторялись. Так, выступая на одном из митингов перед населением Кабула, он, в частности, сказал: «Мы не трогаем Англию и Россию и пусть они нас не трогают. Но, если допустить, что они нас тронут, то тогда будем их гнать до Лондона и Москвы. Мы афганцы, а афганцы подобны осам из осинового гнезда, если они придут в движение, от них не укроешься»⁵⁵.

Следует особо остановиться на политике Хабибуллы II и его окружения, особенно духовенства, в отношении женщин – проблеме, из-за которой по существу лишился трона Аманулла. Вот некоторые изречения нового эмира относительно женщин: «Женщина – светильник разгоняющий тьму в доме, цветок, аромат которого может вдыхать только муж. Женщине следует знать только молитвы. Необходимости в изучении письма и других наук нет»⁵⁶. В таком же духе был выдержан и один из первых фирманов эмира от 22 марта 1929г., опубликованный в официозе «Хабиб уль-ислам» под заголовком: «Ношение чадры обязательно». Вот этот текст: «Еще ранее объявлялось правительством, чтобы молодые женщины и взрослые девушки не выходили без всякой нужды из дому и не бродили бы по базарам без покрывала и без сопровождающего их слуги. Им всегда следует быть закрытыми. Губернатор Кабульской провинции получает сведения, что, несмотря на вышеприведенное объявление, женщины и девушки продолжают ходить по базарам. Поэтому губернатор предложил городскому управлению принять меры к тому, чтобы молодые женщины и девушки не появлялись бы на базарах иначе, как в соответствующем одеянии и с соблюдением всех правил гарема.

Если этим молодым женщинам и девушкам понадобится быть на базаре, они могут это делать или рано утром, или же вечером, когда не бывает на улицах и базарах много мужчин. Но и при этом условии они должны быть закрыты. Настоящим объявлением предупреждаются все граждане, что несоблюдение указанных в объявлении условий повлечет за собой строгое наказание»⁵⁷.

⁵⁵ Afghanistan Mirror (Айнейе Афганистан). Montclair, CA, August 1999. № 78, Vol. 10. P. 50.

⁵⁶ Ibid. P. 50.

⁵⁷ БПСВ. Ташкент, Сентябрь 1929 г. № 1 (9). С. 78.

Примерно месяц спустя, 26 апреля 1929г. та же «Хабиб уль-ислам», развивая женскую тему, акцентировала внимание на праве мусульман на многоженство. «Наш божественный закон дает указание на то, что каждый мусульманин имеет право брать себе до четырех жен. Отдавая такое веление Аллах, конечно, знал, что он делает, и, очевидно, считал такое положение лучшим для мусульман. Это действительно правильно. Посмотрите на западные страны. Там мужчины имеют право брать только одну жену, но зато насколько там развито прелюбодеяние. Почти все мужчины, кроме своей жены, имеют тайную, а часто даже открытую связь с одной – двумя посторонними женщинами. Как очевидный результат этого, в больших европейских городах мы видим тысячи незаконнорожденных детей. Понятно для каждого мусульманина, что при таких условиях пренебрегать великими законами ислама и подражать Европе – дело позорное и гибельное»⁵⁸.

Итак, резюмируя основные направления внутренней политики эмира Хабибуллы II, то они сводятся к следующему:

- укрепление роли духовенства, внедрение норм шариата во все сферы жизни личности и общества, стремление к полной его исламизации;
- раздувание ксенофобии;
- тенденция к таджикизации государственного аппарата и армии.

Конечно, по девяти месяцам правления эмира трудно составить достоверное представление о его характере, как правителя, и методах управления государством. Однако, судя по его заявлениям о решимости придерживаться норм шариата, льстивая пропаганда окружавших его придворных, внушавших ему мысль о том, что он новый «халиф исламского мира», в конечном счете, привели бы к тому, что на кабульском троне оказался авторитарный властитель исламского толка с замашками деспота.

Конец таджикского эмира был трагическим. 1 ноября генерал Надир-хан, которому сдался Бачаи Сакао, надеясь на милость победителя, издал фирман, который гласил: «Когда волею божьей Хабибулла и большая часть его помощников были захвачены, я обязался, что не нанесу вреда им и их чиновникам и прощаю все преступления против королевской фамилии. В отношении же прав

⁵⁸ Там же. С. 90.

народа я подчиняюсь воле священного шариата. Теперь же вы, весь народ Афганистана, сами являетесь ответственными за спокойствие и безопасность своей страны. Я предлагаю вам выразить ваше мнение в отношении вышеуказанных лиц»⁵⁹.

Таким образом, Надир-хан, слагал с себя ответственность, отдавая судьбу бывшего эмира Хабибуллы II на решение своего правительства, которое единогласно потребовало смертной казни Хабибуллы и всего его ближайшего окружения.

По решению новых властей бывший эмир и его одиннадцать сотрудников были повешены на аэродроме на окраине города Кабул утром 2 ноября 1929 г. Так окончилась дерзкая попытка создания таджикской власти в Афганистане⁶⁰.

⁵⁹ Соколов-Страхов К.И. Гражданская война в Афганистане 1928–1929 гг. С. 6.

⁶⁰ Соколов-Страхов К.И. Гражданская война в Афганистане 1928–1929 гг. С. 644.

Добавим, что по некоторым данным жена бывшего эмира Биби Сарви, более известная под именем Биби Сангари, после казни мужа была арестована и провела в тюрьме Дех Мазанг в Кабуле 20 лет, утверждая, что муж ее погиб во имя ислама (Танин З. Афганистан дар карне бистом 1900–1996. С. 59).

Глава 3. Правление Надир-шаха и последнего короля Захир-шаха. Конституция 1964 г.¹

Надир-шах у власти (1929–1933 гг.)

Основатель новой династии, Надир-шах, был сложной и трагической личностью. Чтобы разобраться в стиле и форме его правления, начнем с краткой предыстории восшествия Надира на Кабульский трон. 11 октября 1929 г. первый таджикский эмир Хабибулла II с остатками своих войск бежал из Кабула, и победители во главе с братом Надир-хана Шах Вали-ханом заняли столицу. Пуштунские ополчения в основном состоявшие из южных и восточных племен (моманды, мангалы, дзадзи, дзадраны, вазиры и др.) на правах победителей начали грабеж. «И грабеж Кабула был произведен весьма тщательно и аккуратно»² и прекратился лишь со вступлением Надир-хана в столицу 15 (по другим данным 16) октября 1929 г.

Из событий тех дней хотелось обратить внимание на следующие обстоятельства, свидетельствующие о характере и дипломатических способностях будущего короля. Как выше упоминалось, решение о судьбе плененного Бачаи Сакао и его сторонников своим фирманом от 1 ноября 1929 г. Надир-хан предоставил своему окружению. «...Я обаялся Бачаи Сакао и Сеид-Хусейну, – говорилось в нем – что я лично ни им, ни их чиновникам не нанесу вреда и про-

¹ О периоде Надир-шаха см. в частности: V. Cregorian. *The Emergence of Modern Afghanistan*. Stanford, 1969. С. 338–339; Dupree L. *Afghanistan*. P. 476; Poullada. *Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929*. С. 24–25; История Афганистана / отв. ред. Ю.В. Ганковский. С. 239–248; Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. С. 237–239, 241; Ш. Имомов. История общественной жизни Афганистана во второй половине XIX–первой половине XX века. С. 299, и др.; Коргун В.Г. История Афганистана XX век. С. 219–250.

² БПСВ, Ташкент, октябрь 1929 г. № 2 (10),

щаю им все их преступления против шахской семьи... «Я предлагаю вам выразить свое мнение в отношении вышеуказанных лиц»³.

Собрание, состоявшее из военных племенных вождей, новых властей Кабула, чиновников и духовенства, несмотря на проявленную Надир-ханом снисходительность, вынесла вердикт о казне. Надир-шах, как бы, вынужденно согласился с «мнением народа»⁴. Таким образом, формально руки Надир-хана оказались незапятнанными в крови. Ранее, в ходе победоносного движения сил Надир-хана в сторону столицы многие сторонники бывшего короля Амануллы-хана, рассчитывали на то, что Надир-хан своей победой намеревается расчистить путь для возвращения Амануллы-хана на афганский престол. «Многие сторонники Амануллы-хана – отмечал, например, Л. Дюпре, – верили, что Надир-хан вернет свергнутого короля в Кабул»⁵.

Определенные надежды в амануллистов вселяла и пропаганда Надир-хана, которая усиленно популяризировала тезис о том, что Надир-хан воюет исключительно с целью изгнать «узурпатора из Кухистана» и восстановить традиционное господство пуштунской нации.

Однако, ожидания сторонников Амануллы-хана очень скоро рассеялись. Надир-хан вступив в Королевский дворец, заявил, что он лично не претендует на шахский трон, и просит племенную джиргу, состоявшую из его военачальников, совета старейшин, элиты духовенства, самим определиться с выбором короля. Однако присутствующие единогласно заявили, что падишахом страны никого другого, кроме Надира, народ Афганистана не признает. И тут же возложили на его голову шахскую корону⁶.

Созванная Надир-шахом в сентябре 1930 г. всеафганская Лойа Джирга признала вступление на престол Надир-шаха легитимным актом и официально объявила его королем Афганистана⁷. Так закончилась эпоха правления одной ветви баракзаев – в лице Амануллы-хана и его предков, и началось время правления, про-

³ БПСВ Ташкент, ноябрь 1929. № 3 (II), С. 105..

⁴ Там же. С. 108–109.

⁵ Dupree L. Afghanistan, С. 459.

⁶ См.: Мир Мухаммад Сиддик Фарханг. Афганистан за последние 5 веков. Т.1. Ч. 2. Цит. по: Танин З. Афганистан в XX веке. 1900–1996, С. 69.

⁷ См.: Dupree L. Afghanistan. P. 460.

длившееся всего 4 года (1929–1933), Надир-шаха из клана мухаммадзаев, также относившегося к племени баракзаев.

Согласно афганской историографии будущий король Надир-шах родился 9 апреля 1883 г. в городе Дехрадуне на территории Британской Индии, где семейство его отца (Яхья-хель) проживало в изгнании до тех пор, пока эмир Абдурахман-хан и администрация Британской Индии не разрешили им вернуться в Афганистан. Семейство Яхья-хель возводила свою родословную к правителю Пешавара Султану Мухаммад-хану, брату прославленного эмира Дост Мухаммад Хана дважды правившему Афганистаном (1826–1838, 1842–1863).

Позднейшие летописцы постарались привести новые доказательства легитимности прав Надир-шаха на престол. По утверждению М.Сели, министра двора при сыне Надир-шаха короле Мухаммаде Захир-шахе и автора ряда путеводителей по Афганистану, в лице Надир-шаха соединились два королевских дома мухаммадзаев (баракзаев) и садозаев.

«Со стороны отца – писал М. Али – он был правнуком Сардара Султан Мухаммад-хана, со стороны матери он был потомком Ахмад-шаха Абдали (*Дуррани – Р.С.*) (1747–1773)»⁸.

Эту версию поддерживает и известный американский афганист В. Грегориан, утверждая что Надир-хан был родственником Дост Мухаммада и троюродным братом Амануллы-хана после женитьбы на его сестре, а вторая жена отца Амануллы-хана была сестрой Надира⁹.

И тем не менее, право Надир-хана на трон сторонниками Амануллы не признавалось. Щепетильность вопроса заключалась в том, что в Основном законе 1923 года Амануллы-хана было юридически закреплено и принято на Лойа Джирге положение о том, что законным наследником короля является только принц Рахматулла, рожденный от его супруги Сорайи, а сама Сорайя была представлена Лойе Джирге как официальная королева Афганистана¹⁰. Таким образом, сторонники Амануллы не без основания считали воцарение Надир-шаха государственным переворотом и узурпацией власти. Но победителей не судят, а восточная поговорка гласит: «Кровь царская родства не знает». Здесь полагали уместным не-

⁸ См.: *Ali M. A New Guide to Afghanistan. Kabul, 1958. С. 166.*

⁹ *Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. P. 281.*

¹⁰ *Аргандави А.А. «Жвандай Хатири».. С. 465.*

сколько отвлечься от генеалогической темы и коснуться еще одного вопроса.

В научной литературе некоторые авторы ассоциируют семейство Надир-хана с названием «мусахибан». Согласно персидско-русским словарям слово мусахиб – означает «собеседник», товарищ, множественное число – «мусахибан». В Грегорян считает мусахибан семейно-родовым названием¹¹. Л. Дюпре также считает мусахибан названием семейного клана¹². Как нам представляется, название мусахибан, закрепившееся за пятью братьями, представителями рода Яхья-хеля (Надир-ханом, Мухаммадом Азизом, Хашим – ханом, Шах Вали-ханом и Шах Махмуд-ханом) является скорее придворной должностью, которую они получили как собеседники короля, в свое время входившие в ближайшее окружение эмиров Хабибуллы-хана и Амануллы-хана. При афганском дворе существовала должность мусахиба, «собеседника» короля. В доказательство нашей версии сошлемся на фирман Надир-шаха, опубликованный в газете «Анис» от 20.12.1929, в котором король жаловал некоему Мухаммаду Наваб-хану за доблестную службу и как патриоту и деятельному человеку должность «мусахиба» (собеседника падишаха)¹³.

По возвращении в Кабул из Индии члены семьи Яхья-хель (Надир-хан и его братья) были приняты в ближайшее окружение Хабибуллы-хана и Амануллы-хана. Так, отец Надира Мухаммад Юсуф-хан стал военным министром при Хабибулле. Сам Надир-хан в последнюю англо-афганскую войну был назначен (амиром) Амануллом-ханом главнокомандующим афганской армии, и военным министром, должность которую он исполнял до 1924 г. до времени Хостинского восстания (подробнее об этом см.: *В.Г. Коргул. История Афганистана XX век. М., 2004, с. 203–214*).

Существует версия, согласно которой генерал Надир-хан отказался участвовать в подавлении Хостинского восстания 1924 г. – в котором наиболее агрессивную роль играло пуштунское племя мангал, якобы из-за своих личных связей с этим племенем¹⁴.

Что послужило подлинной причиной отказа Надир-хана, сказать трудно. Скорее всего, сказались политические разногласия

¹¹ Аргандави А.А. «Жвандай Хатири». С. 465.

¹² См.: Dupree L. Afghanistan. P. 458.

¹³ БПСВ. Ташкент, декабрь-январь 1929–1930. № 4–5 (12–13). С. 35.

¹⁴ БПСВ. Ташкент, октябрь 1929. № 2 (10), С. 100.

между Амануллой и кланом мусахибан. Опальный министр был отправлен послом в Париж, однако через два года он подал в отставку и поехал в Швейцарию под предлогом необходимости лечения.

Для понимания будущей политики Надир-шаха обратимся к характеристике начального этапа его правления, во время которого ему предстояло рассчитаться с «долгами». Во-первых, королевские милости были оказаны племенам числом более 20, завоевавшим ему афганский трон. Так, подарки племенам делались как путем предоставления им земельных наделов, так и выплат денежных средств. По сообщениям тогдашней прессы, например, племени мангал было даровано 1 500 джерибов (1 джериб = 1 акру) земли и 150 000 рупий; племени джаджи – отменялись налоги и вознаграждались 220 000 ружьями, 300 джерибов земли¹⁵. Более того, согласно Конституции 1931 г. Лойа Джирга получил право вносить поправки в Основной закон. Однако в наибольшем выигрыше все-таки оказалась элита духовенства.

Эмиры Абдурахман и Аманулла нанесли сильнейший удар по экономическим позициям и социально-политическому влиянию духовенства, а правление короля Надир-шаха стало для духовных лидеров подлинным триумфом. Целью Надир-шаха было намерение поскорее умиротворить религиозную верхушку, не только аннулированием реформаторских мер Амануллы-хана, но и раздачей высоких государственных должностей и крупных денежных вознаграждений. Особенно преуспел клан моджаддиди-хазратов Шур базара, которые поддерживали Надир-хана в ходе войны с «таджикским эмиром». Так, глава семейства Ага Туль Хазрате Шур Базар – был направлен посланником в Египет, брат его Шер Ага был назначен министром юстиции, другом из братьев Мухаммад Сайид стал госминистром¹⁶. На этом щедрые вознаграждения богословам не ограничивались. Газета «Анис» от 4.11.1929 г. сообщала, что Накиб Сахибу – видному духовному авторитету Восточной провинции – правительство Надир-шаха установило годовое жалованье в 3 000 рупий¹⁷.

¹⁵ БПСВ. Ташкент, декабрь-январь 1929–1930. № 4–5 (12–13).

¹⁶ БПСВ. Ташкент, 1929–1930. № 4–5 (12–13). С. 33. По другим данным эта сумма составляла 30.000 ружей в год, См.: БПСВ. Ташкент, ноябрь 1929 г. №3 (II). С. 100.

¹⁷ БПСВ. Ташкент, 1929–1930, декабрь-январь, № 4–5 (12–13). С. 28.

Раздавая привилегии племенам и религиозной верхушке, Надир-шах не забывал о собственных интересах. Весь состав его первого кабинета министров состоял из его братьев и близких родственников. Так, Хашим-хан был премьер-министром, Шах Вали-хан – военным министром и главнокомандующим, Шах Махмуд – министром внутренних дел, Шер Ага – госминистром.

Точно также все ключевые посты в дипломатической службе заняли братья короля: Мухаммад Азиз-хан был назначен послом в Москву; Шах Вали-хан – главой афганской миссии в Лондоне.

Уступая муллам, указом короля была учреждена новая религиозная организация Совет высших улемов («Джамиате уламайе али»), который работал под наблюдением министров юстиции, Шир-Ага Хазрате Шур Базар. В состав Совета, помимо авторитетных улемов, вошли также представители новых провинциальных властей. В королевском фирмане, опубликованном официозом «Ислах» (22.12.1929) в частности говорилось: «Я хочу воспользоваться ценными исламскими мыслями и мнениями этих почтенных и доброжелательных к Афганистану людей для достижения прогресса, как в материальном, так и моральном отношении прогресса, который необходим, как для счастья, процветания и спокойствия страны, так и для того, чтобы в память добрых первых веков мусульманства, выявить все добро, красоту и общность ислама»¹⁸. Помимо этого по указу Надир-шаха была воссоздана исламская «полиция нравов» (ихтисаб), служащие которой – мухтасибы – были обязаны строго следить за нравственностью мусульман и исполнением ими шариата.

Были предприняты и другие меры, которые укрепляли положение улемов и мулл в обществе. Так, впервые в стране был отпечатан текст Корана и открыта специальная школа чтецов священной книги. Еще до принятия новой Конституции указом короля от 1929 г. была составлена «Программа правительства», полностью проникнутая религиозным духом. Так, пункт 1 Программы сразу же определял, что «правительство будет управлять делами государства согласно велению священной религии ислама/ханафитского толка, «а за постоянным и неукоснительным соблюдением законов шариата будут следить президиум Совета улемов и Министрство юстиции. Далее в указе новый орган «Ихтисаб» объяв-

¹⁸ БПСВ. Ташкент, ноябрь. 1929. № 3 (II). С. 103–104.

лялся частью правительства страны, а обязательное ношение женщинами чадры устанавливалось в соответствии с религией ислам.

В Программе повторялся указ короля, обязывавший всех чиновников любого ранга присягать на Коране в том, что они не будут брать взятки. В связи с вышесказанным позволим здесь процитировать отрывок из одного из первых указов Надир-шаха от 27.10.1929 г.: «Всем известно – говорилось в нем – что основной причиной только что закончившейся революции и гибели 150-летней афганской монархии было единственно взяточничество... Настоящим фирманом я приказываю объявить всем чиновникам о категорическом запрещении взяточничества»¹⁹.

Программа восстанавливала отмененную Амануллой систему набора в армию по племенному принципу. Осталась без изменения и налоговая система, несмотря на заявления о некотором «снижении» при сборе недоимок. В то же время Министерству финансов предписывалось строго следить за сбором налогов и пошлин.

Отметим еще один важный факт. Ни в Программе правительства, ни в Конституции 1931 г. ничего не говорилось о правах женщин, что всегда являлось индикатором их приниженного положения в афганском обществе, сохраняющего свою актуальность и поныне.

То, о чем умолчал Основной закон 1931 г., открыто говорили представители реакционной религиозной элиты. Один из братьев моджадиди – Мухаммад Садже – будучи посланником в Египте в интервью египетском «Аль-Могадам» заявил: «В Афганистане женщины пользуются правами, предоставленными исламом. Что касается дополнительных привилегий, теперешнее правительство (*Надир-шаха – Р.С.*) не разделяет современных взглядов о женском образовании, не поощряет снятия женщинами чадры и не представляет **женщинам равных прав с мужчинами**. Правительство не разрешает женщинам ни получать современное образование, ни заниматься профессией преподавателей или лекторов. Религия ислама совершенно запрещает это и разрешает женщинам получать образование в четырех стенах их домов», женщина не может появляться без чадры в каком-либо месте»²⁰.

Исходя из темы нашего исследования обратимся лишь к тем статьям Основного закона, которые помогут с определением харак-

¹⁹ БПСВ. Ташкент, декабрь-январь, 1929–1930. № 4–5 (12–13), С. 103–104.

²⁰ БПСВ. Ташкент, 1930. № 14–15, С. 81.

тера власти Надир-шаха. Прежде всего заметим, что идя навстречу требованиям религиозной элиты и племенной верхушки, король отнюдь не собирался превращать Афганистан ни в теократическое государство, ни в конфедерацию автономных племен, а самому играть при этом роль конституционного монарха, царствующего, но не управляющего страной. Уступки, на которые пошел Надир-шах были ему нужны для достижения главной цели – под прикрытием декларируемой конституционной монархии, установить свою ничем не ограниченную авторитарную власть, и создать олигархическую династию мухаммадузаев, как ему виделось, на века.

Такая же роль отводилась монархом паллиативным институтам: парламенту и Лойя Джирге, которые должны были имитировать демократический характер его правления.

Суть режима определялась уже в преамбуле «Права короля» (статья 5), основного Закона которых гласил, что «весь афганский народ, принимая во внимание заслуги Его Величества Победителя Мухаммад Надир-шаха, отстоявшего независимость родины и спасшего ее от деспотии и угнетения, с величайшим почетом и уважением, выражают желание и волю всех афганцев, чтобы Его Величество занял независимый трон султана. Весь афганский народ, депутаты и представители благородного сословия клянутся перед Всевышним, и благородным шариатом, и ханафитским исламом ради сохранения независимости нашей родины признают достойным Надир-шаха – прогрессивного монарха – занять султанский трон, и дают согласие, чтобы афганская корона переходила в его семье по наследству». В примечание к этому тексту уточнялось, что «семья короля состоит из наследников мужского пола и его братьев»²¹.

Статьи 6 и 37 содержали необычные для Конституций тексты двух клятв. Первая – клятва короля, в которой он «Именем Великого Бога и благородным Кораном» гарантировал соблюдение Закона и сохранение священного ислама и независимости страны. Он также обещал соблюдать права народа, вести страну по пути прогресса и счастья и править согласно шариату и Основному закону и «просил в этом деле помощи благородного духовенства»²². В ответ члены парламента (статья 27) в разделе под заголовком «Клятва» (*соуганд*) «клялись перед Великим Богом и благород-

²¹ Аргандави А.А. Жвандай Хатире. С. 467.

²² Там же. С. 467.

ным Кораном» верой и правдой служить народу и королевскому правительству. В статье 51 депутаты давали обещание, что ни один государственный закон не будет одобрен без предварительного согласия короля²³.

Итак, подводя итоги правления Надир-шаха и пытаясь определить характер его режима, можно сказать следующее. Человек, получивший начальное и среднее образование в условиях Британской Индии и высшее военное образование в Париже, не был ретроградом и понимал необходимость модернизации страны. Он сохранил в своей Конституции те положения Основного закона Амануллы-хана, которые соответствовали его плану, убрав те, что утверждали право Амануллы на трон.

За короткий срок своего правления Надир-шах провел определенные реформы. Так в культурной сфере он восстановил музеи, спортивные клубы, увеличил число газет. Определенные успехи были достигнуты в области здравоохранения. Надир-шах открыл первую женскую школу «Малалай», которая стала готовить медсестер и т.п. В финансово-экономической области при нем был образован Афганский национальный банк, увеличился экспорт традиционных афганских товаров, приняты многие другие меры, направленные на развитие частного предпринимательства.

Подчеркнем, что во внешней политике Надир-шах сохранил курс Амануллы-хана. В своей программе 1929 г. он заявил, что «настоящее правительство желает и просит, чтобы дружественные государства в отношении его имели бы дружбу и наилучшие отношения»²⁴ (среди таковых Надир-шах считал Персию, Италию, Францию, СССР, Британию, Америку, Бельгию, Германию, Японию и др.) Однако установление власти Надир-шаха и начало реформ не означало установления мира и спокойствия в стране. Продолжались выступления этнических меньшинств на севере страны (таджики) и в ее центральных районах (хазарейцы). Волнения не обошли и некоторые пуштунские племена (шинвари); не прекращались столкновения между племенами, причем такими крупными, как сулейманхель и вазиры); сторонники Амануллы продолжали организовывать заговоры и подстрекать население к мятежам. В ответ правительство Надир-шаха беспощадно и жестоко расправлялось с любой оппозицией. Выступавших против вла-

²³ Там же. С. 472, 474.

²⁴ БПСВ. С. 95.

стей казнили, бросали в тюрьмы, подвергали репрессиям их семьи. Газета «Ислах» от 5.12.1929 г. приводила списки сотен арестованных и казненных мятежников. Заканчивался их перечень фразой: «В Кабул привезено семь голов, отрезанных у убитых»²⁵.

Особую жестокость Надир-шах проявлял в отношении сторонников Амануллы-хана, выступавших за реставрацию его правления, что в конечном счете привело к трагической гибели основателя династии мухаммадзаев. 8 ноября 1933 г. он был убит выстрелом из пистолета одним из родственников семьи Чархи.

Роковому выстрелу предшествовали следующие обстоятельства. Отметим, что в окружении короля Амануллы-хана наиболее влиятельными были кланы Мухаммада Бек Тарзи – отца королевы Сорайи; семейство Чархи во главе с Гулям Наби и Гулям Сиддиком а также клан братьев мусахибан. Между этими группами отмечались соперничество и скрытая вражда. Существует несколько версий, якобы послуживших толчком к перерастанию вражды в кровавую вендетту уже в правление Надир-шаха.

По одной из них, поводом для смертельной вражды послужило неудачное сватовство Хашим-хана одного из братьев мусахибан к дочери Тарзи, Сорайе, которая предпочла выйти замуж за короля Амануллу-хана²⁶. Согласно другой версии, причиной вендетты послужил отказ семьи Чархи выдать одну из своих дочерей замуж за одного из братьев Надир-шаха, что было расценено кланом мусахибан, как оскорбление²⁷.

Возможно, женский фактор мог сыграть провокационную роль, послужить толчком к началу кровной мести между Надир-шахом и семейством Чархи. Ведь и Троянская война, согласно Гомеру, началась из-за Елены Прекрасной. Подобный романтический подход к рассматриваемой трагедии, конечно, несколько приукрашивает драматизм вендетты, но вряд ли он по своей сути отражал реальную действительность. Автор, вслед за В. Григоряном и Л. Дюпре, М. Р. Тараки и другими исследователями, склонен признать более достоверным политический аспект вендетты. Надир-шах, ставший к 1932 году подлинным автократом и деспотом, не терпел оппозицию в лице сторонников Амануллы, среди которых наиболее ак-

²⁵ БПСВ. Ташкент, декабрь-январь 1929–1930. 4–5 (12–13). С. 45.

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ *Pullada L.B. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929. С. 24–25.*

тивным было семейство Чархи (заметим, что Чархи – название рядового имения).

Началом последовавшей драмы послужило убийство 7 ноября 1932 г. главы семейства Чархи Гулям Наби, которого Надир-шах обвинил в государственной измене, видимо, не забыв о его роли и участии в проамануллистской операции, известной в истории Афганистана как экспедиция В. Примакова – Г.Н. Чархи. Вслед за этим репрессии обрушились на все семейство Чархи: одних казнили, других бросили в тюрьму. Но на этом кровная месть не завершилась. В ответ амануллисты и сторонники Чархи убили старшего брата Надир-шаха Мухаммада Азиза, который был тогда афганским посланником в Германии. Надир-шах не замедлил расправиться с семейством Чархи, фактически истребив всех его членов. Однако, выстрел в ноябре 1933 г. завершил вендетту, оборвав жизненный путь Надир-шаха. Начинаясь новый этап династии мухаммадзаев.

В заключение следует указать, что при оценке характера власти Надир-шаха мы учитывали не только его реальную политику, но и отзывы его противников и сторонников. При Надир-шахе, как указывал один из его современников, наступило время «когда мысль удущалась, на рты накладывались цепи, уста запечатывались»²⁸.

Журнал «Афганистан», издававшийся оппозицией в г. Лахоре (Британская Индия) подчеркивал, что «абсолютистский характер правления (Надир-шаха – Р.С.) не соответствует ни характеру, ни природе афганского народа, а... «неограниченная власть и бразды правления в руках одного человека делают его деспотом»²⁹. Примечательно, что даже такой придворный летописец как Мухаммад Али, не пытался скрыть его авторитарное правление: «Конституционная реформа, – утверждал автор, – должна оцениваться выше всех похвал, так как он (Надир-шах – Р.С.) передал часть своей **автократической власти** (выделено нами – Р.С.) представителям народа»³⁰.

Мухаммад Захир-шах

8 ноября 1933 г., в день гибели короля Мухаммада Надир-шаха, его единственный сын, 19 летний Мухаммад Захир-шах был незамедлительно провозглашен новым афганским королем. Столь бы-

²⁸ Танин З. Афганистан дар карне бистом. 1900–1996. Тегеран, 2005. С. 77.

²⁹ БПСВ Ташкент, декабрь-январь 1929–1930. 4–5 (12–13). С. 31.

³⁰ Ali M. A new Guide to Afghanistan. P. 167.

строе объявление имени нового монарха напоминала французский ритуал «Король умер, да здравствует король!».

Существует несколько версий столь поспешной коронации. По одной из них, члены королевской семьи, в условиях когда сторонники свергнутого короля Амануллы-хана не оставляли попыток реставрации, а в окрестностях столицы все еще бродили недобитые шайки казненного эмира Хабибуллы II Калакани, спешили посадить на опустевший престол своего ставленника.

Существовала и иная точка зрения. Причины ее, якобы, можно обнаружить в документе под названием «Официальное извещение о гибели короля-шахида и воцарении его Величества Мухаммада Захир-шаха».

Документ этот, в частности, оповещал нацию о том, что в четверг (8 ноября 1933 г.) во дворце Дилькуша на короля Надир-шаха подлым предателем было совершено покушение, приведшее к его гибели.

Одновременно в этом же документе всем подданным короля объявлялось, что священнослужители (шейхи и улемы), а также военные, чиновники и население Кабула единодушно присягнули на верность принцу Захир-хану и просили его принять на себя высокие обязанности короля. Его Величество согласился с просьбой своих подданных и в тот же день был объявлен падишахом Афганистана. В обращении призывали всех присягнувших на верность новому королю объединиться вокруг него во время трехдневного траура. Подписал обращение исполняющий обязанности премьер-министра, военный министр Шах Махмуд-хан .

Привлекало внимание то, что объявление не было подписано тогдашним премьер-министром Мухаммадом Хашим-ханом, который в это время находился в северных районах страны. По мнению издателя журнала, С.Хашемияна, подобная спешка с объявлением Захир-шаха королем была вызвана также тем, что королевская семья опасалась, как бы Хашим-хан не объявил себя падишахом, поскольку имел на это законное право как брат покойного монарха. При этом Хашим-хан за годы премьерства зарекомендовал себя жестким авторитарным правителем с замашками диктатора. По оценке С. Хашемияна, был он человеком амбициозным, считал, что только он один руководит страной, а другие члены королевской семьи проводят свои дни в праздности. Поэтому возможно

претензии его на кабульский трон не вызывали восторга у членов королевского семейства.

Новый афганский монарх Мухаммад Захир-шах, согласно официальной биографии, родился в Кабуле 15 октября 1914 года. Начальное образование получил в кабульских привилегированных лицеях «Хабибия» и «Истикляль», высшее военное образование получил во Франции, где его отец Надир-хан в то время (1924–1926 гг.) был афганским послом.

Отметим, что Захир-шах был единственным афганским правителем, получившим образование за рубежом и владевшим несколькими иностранными языками. По возвращении на родину, Захир-шах завершил свое военное образование в кабульском военном училище. Чтобы молодой принц набрался управленческого опыта, в возрасте 18 лет его назначили на высокие посты в министерстве обороны, а затем высшего образования.

Мухаммад Захир-шах царствовал 40 лет (1933–1973). Бытовало мнение, что он только царствовал, но не правил. С этим мнением трудно согласиться. Хотя, действительно, на протяжении почти 30 лет в качестве регентов страной управляли члены королевской семьи, его дяди Мухаммад Хашим-хан (1933–1946), Шах Махмуд-хан (1946–1953) и его кузен Мухаммад Дауд (1953–1963).

Тем не менее, король сохранял в своих руках всю полноту верховной власти, наблюдал и корректировал деятельность своих родичей, прежде всего исходя из интересов династии.

В предыдущих главах мы привлекали при характеристике формы и методов правления того или иного афганского монарха оценки их современников, в том числе и иностранных. Автору довелось несколько раз сопровождать Захир-шаха в качестве переводчика во время его инспекционных поездок по трассе, строившейся в 60-е годы прошлого века дороги через перевал Саланг.

О Захир-шахе написано и отечественными и зарубежными авторами немало воспоминаний, характеризующих его как политического деятеля и содержащих самые противоречивые оценки. Тем не менее, полагаем полезным добавить несколько штрихов к портрету этого незаурядного человека.

Знакомство автора с королем началось в 1959–60 гг. с того, что придворные предупредили автора, что к нему следует обращаться согласно установленной формуле, а именно: «Бе хозуре Алихазрате хомайуни падешахе Афганистан арз мишавад» (примерно это

означало следующее: «В присутствии Его Величества благословенного падишаха Афганистана докладывается»).

Король при последующих встречах отменил такое пышное обращение, сказав, что это лишняя трата времени. Захир-шах был прост в общении, благожелателен. Он не производил впечатление ни сибарита, ни легкомысленного созерцателя жизни афганского общества, каким его пытались представить его политические противники. Обращало на себе внимание, что король был чужд всяческого чиновничества. Он не допускал подданных к целованию руки, что пытались делать многочисленные посетители, удостоившиеся аудиенции.

Захир-шах действительно был харизматической личностью, обладавший способностью привлекать к себе собеседников и добиваться своих политических целей, что ощущалось во время его переговоров на самом высоком уровне.

Посещая стройку, король не был просто любознательным туристом. Он подробнейшим образом вникал во все проблемы строившейся дороги через перевал Саланг, рассматривая ее как важный путь, который свяжет центр страны с ее северными районами. В памяти сохранились два эпизода, которые на взгляд автора, как нельзя лучше характеризуют атмосферу спокойствия и мирной жизни, царившей в 1960-е годы в стране. Однажды пришлось видеть, как король за рулем открытой машины, без всякой охраны ехал по кабульским дорогам. Другой случай – в одном из кабульских магазинчиков, которых к тому времени появилось достаточно много, автор повстречался с двумя дочерьми монарха, Билкис и Марьям, с которыми познакомился раньше во время их приезда вместе с отцом на автомагистраль Саланг. Удивляло то, что девушек, занятых покупками, никто из охраны не сопровождал.

Разумеется, эти частные эпизоды мирной жизни невозможно экстраполировать на всю обстановку в стране. Но 40 лет мирной и спокойной жизни для Афганистана – это подвиг, который стал возможен, в том числе и благодаря мудрой, взвешенной политике М.Захир-шаха. Конечно, в недрах многонационального афганского общества постоянно происходили турбулентные процессы: то поднимались мятежные племена, как правило, инспирируемые муллами, то радикальные муллы организовывали антиправительственные выступления своих приверженцев, то начинались племенные столкновения, то левые и правые силы готовили заговоры против правящей династии.

Основной закон 1964 г.

Но перейдем к главному документу, как нельзя лучше характеризующему Захир-шаха как историческую личность, как правителя, положившего начало прогрессу и модернизации страны, и начавшему процесс практической реализации декларируемых Основным законом демократических ценностей. Здесь нет необходимости в подробном анализе текста Конституции 1964 г., который проанализирован в трудах отечественных и зарубежных ученых (Р.Т. Ахрамович, Л.Я. Дадиани, Л. Дюпре и др.). Если бы потребовался эпиграф к этому документу, мы предпочли бы начальную фразу статьи 26 «Свобода – естественное право человека».

В рамках заданной темы стоит акцентировать внимание на нескольких, поистине революционных положениях Основного закона, характеризующих стиль правления Захир-шаха.

Первое – Захир-шах своим решением (статья 24) навсегда лишил членов королевской семьи возможности возглавлять все три ветви власти и принимать участие в партийно-политической жизни афганского общества.

Забегая вперед отметим, что король пошел на еще один неслыханный шаг. Он прервал неписанное наследственное право пуштунов возглавлять правительство, назначив в 1963 г. премьер-министром этнического таджика Мухаммада Юсуфа. Заметим, что и в дальнейшем в состав правительств входили и хазарейцы, и узбеки, и таджики.

Второе – Конституция провозгласила свободу слова и мысли, открыла простор для создания политических партий и издания бесцензурной частной прессы (статья 31).

Третье – в отличие от конституции 1931 г. Надир-шаха, вынужденного пойти на значительные уступки духовенству, Конституция 1964 г., фактически реорганизовала сферу судопроизводства и образования, ограничила влияние духовенства на эти две области, которые муллы привыкли считать своей наследственной вотчиной.

Четвертое – глава 4 (статья 26) активно включала парламент в политическую жизнь страны и расширяла его контрольные функции и превратила в рупор общественной мысли.

Наконец, Основной закон и политика правительств короля обеспечили медленный, но неуклонный прогресс, движение Афганистана в сторону цивилизованных государств. В годы правления

Захир-шаха была заложена экономическая инфраструктура страны, началось развитие традиционных и новых отраслей хозяйства, появились ростки женского равноправия. Культура и просвещение получили новый импульс. Если бы поступательное движение афганской конституционной монархии не было бы прервано трагическим июльским переворотом 1973 г., то, скорее всего, сегодня Афганистан ушел бы далеко вперед, а не оказался бы в замкнутом круге несчастий.

Говорят, большое видится на расстоянии. За годы правления, и даже после отставки Захир-шаха, он подвергался критике как справа, так и слева. Но, годы шли, и большинство афганцев начало признавать, что правление конституционного монарха и демократа Мухаммада Захир-шаха было поистине «золотым веком» в истории Афганистана.

Показательна в этом плане статья, опубликованная в 2004 г. в журнале «Аинейи Афганистан», посвященная 90-летию экс-короля. «За 40 лет своего честного и благородного правления – пишет журнал – он никому не причинил зла, он не творил зло и насилие, он никого не убил, он не присвоил чужого имущества, не посягнул на чью-либо честь и достоинство, не запускал руку в государственную казну».

В заключение журнал отмечает, что Захир-шах – настоящий афганец, которому благодарный народ присвоил самое высокое звание «отца нации» – Захир-баба.

На этом можно было бы поставить точку, но целесообразно добавить несколько слов. После падения монархии в 1973 г. в Афганистане сменилось несколько форм управления страной. Слова демократия, равноправие, благо народа муссировались многими режимами. Однако, вместо этих прекрасных слов, не говоря уже о делах, афганский народ оказался втянутым в многолетие междоусобных войн, усугубленных иностранной интервенцией; разруха и голод, бесправие и дискриминация – опять стали проклятием афганского народа.

Раздел II. Пакистан

Глава 4. Персоналистский авторитаризм

Персоналистский (или персонифицированный) авторитаризм – это авторитарный режим власти, при котором персона правителя играет исключительно важную роль. Он олицетворяет символическую, законодательную и исполнительную власть, а в своих действиях опирается на помощь и содействие ближайшего окружения. Персоналистский авторитаризм отличается от элитистского, при котором властные функции осуществляются правящей элитой, кругом лиц, представляющих различные по основанию группы интересов. В определенном смысле это лишь разные аспекты рассмотрения авторитаризма: при одном акцентируется внимание на персональном вкладе автократа, при другом – на роли корпорации (части, группы общества), на которую тот опирается.

В мире существует значительное число режимов власти, которые можно охарактеризовать как персоналистско-авторитарные, и Пакистан в этом отношении – не исключение. Авторитарные режимы обычно характеризуют со сравнительной точки зрения, по отношению к «крайностям» тоталитаризма и демократии, или с позиции господствующих институциональных групп – монархический, бюрократический, военный, партийный и т.п. Признавая, разумеется, значение таких подходов, хотелось бы подчеркнуть, что для ряда политических систем именно личность в отправлении функций власти играет особую роль. При этом система рассматривается как порождение определенной политической традиции, политической культуры, как носитель исторически унаследованных и достаточно неизменных, с позиции ограниченного во времени наблюдения, свойств и базовых характеристик.

В задачи главы входит анализ политической системы Пакистана с точки зрения встроенности в нее авторитарно-персоналистского

элемента. Предпринята попытка кратко охарактеризовать историческую обусловленность такого системного состояния и его стержневую роль на различных этапах функционирования системы.

«Отец-основатель», юрист и политик

Американскому историку С. Волперту, автору детальной биографии «отца-основателя» Пакистана Мухаммада Али Джинны, принадлежат часто цитируемые слова о нем: «Редкие личности существенно меняют ход истории. Еще меньшему числу дано преобразить карту мира. И уж совсем мало тех, кому можно поставить в заслугу создание национального государства»¹. При некотором преувеличении роли одного человека (есть много других видных участников движения за образование страны мусульман на территории колониальной Индии) это наблюдение в целом верно. Не будь Джинны, скорее всего не было бы и Пакистана, во всяком случае, в тот исторический момент и в том виде, как он сложился. А то, что у истоков пакистанской государственности возвышается одна фигура, уже в какой-то мере предопределяет последующее развитие государственной власти.

После М. Вебера принято выделять три типа политического господства по характеру внутреннего обоснования, а именно: рационально-легальный, традиционный и харизматический. Если первый из них типичен для парламентских демократий современного типа, то два последних, выступая нередко в смешанном виде, сочетаются с иными по времени существования политическими режимами и современными незападными политическими культурами². Среди 17 закономерностей, которые определяют специфику политического процесса в незападном, в частности восточном, обществе, Л. Пай также выделяет харизматический тип лидерства как главенствующий³. Тем не менее, персоналистский авторитаризм не есть синоним харизматического характера власти, хотя он исторически и логически, как правило, связан с ним. Персоналистский тип автократии может осуществляться, во-первых, личностью, не обладающей ярко выраженной харизмой, т.е. авторитетом, притя-

¹ Волперт С. Джинна – творец Пакистана. М., 1998. С.7.

² Категории политической науки / отв. ред. А.Ю.Мельвил. М., 2002. С. 109–112.

³ Цит по: Воскресенский А.Д. Политическая компаративистика как часть мирового комплексного религиоведения: общие закономерности и специфика ее трансформации на Востоке // Восток (Oriens). 2005, № 2. С. 99.

гательностью для масс, «даром свыше». Во-вторых, он совсем не обязательно, в отличие от подчеркнуто харизматического правления, связан с резкими поворотами и переменами, с прорывами и революциями. Иными словами, это может быть консервативный, закрепляющий статус-кво, инерционный режим.

Персоналистский авторитаризм укореняется, повторим, на определенной политико-культурной основе, которая формируется главным образом вне западноевропейской (западной) традиции⁴. Об особенностях этой политической традиции писали и пишут многие, вплоть до последнего времени⁵. Можно согласиться с Ф. Закария, который вслед за другими авторами делает акцент на раздвоении источников власти, наличии в Западной Европе нескольких центров силы и влияния (церкви и империи, реформации и контрреформации). Это обстоятельство, по-видимому, действительно уникально и отличает западную традицию от любой другой. Вместе с тем, в новое время по мере распространения западной политической культуры (через механизм колонизации, политического и экономического господства) на ее (этой культуры) периферии складываются безусловно новые политико-культурные модели, и среди них вполне различимы те, которые ближе и дальше отстоят от западного канона и которые, следовательно, в большей или меньшей степени благоприятны для проявления феномена персоналистско-авторитарной власти. Различия таких моделей обусловлены, по-видимому, двумя обстоятельствами. Во-первых, разнообразными особенностями традиционных, сложившихся до соприкосновения с западным миром нового времени политических культур и, во-вторых, с национальным типом колониализма (английским, французским, голландским, португальским и т.д.), а также и глубиной (часто определяемой длительностью) колониального воздействия.

Что касается мусульманского сообщества в Индостане, то предпосылки для формирования политической культуры, весьма благоприятной для проявлений персоналистского авторитаризма, складывались, вероятно, из особенностей ислама как религии с его монотеизмом, одним источником истины (Кораном) и ее провозвестником (Пророком), а также из характерной для мусульман-

⁴ Там же. С. 104.

⁵ См: Закариа Ф. Будущее свободы: нелиберальные демократии в США и за их пределами. М., 2004. С. 23–36.

ских сообществ слитности общественного (общинного) и политического (иерархического и организующего) начал, неотделимости и нераздельности согласительных и принудительных элементов.

Кроме того, сказывались два конкретных обстоятельства – мусульмане в Индии составляли хоть и крупное, но меньшинство населения (не более четверти жителей) и в то же время были на протяжении почти девяти веков (с XI по XIX в.) политически господствующей силой, хотя и не везде и не всегда, а с последней трети XVIII в. (с установлением преобладающего влияния англичан) по большей части лишь формально. Два этих условия способствовали формированию в элитных слоях мусульман психологии (комплекса) превосходства, которое необходимо постоянно доказывать и отстаивать. К тому же мусульмане не переставали ощущать себя до определенной степени чужими на просторах Индии. Их помыслы и побуждения были устремлены на запад от нее, к духовному и историческому центру ислама. Индия и(или) отдельные ее области воспринималась как окраина мусульманской ойкумены, страна, завоеванная и нуждающаяся в удержании господства над ней.

Речь, конечно, идет не о рядовых членах мусульманской общины, а лишь о меньшинстве, поднимающемся в своем мировоззрении до обобщений духовного (религиозно-поэтического) и исторического (идейно-политического) плана. Именно в этой среде имеет распространение поклонение авторитету (харизме) личности, персоне духовного лидера, мистика-суфия, мыслителя и поэта, знатока и интерпретатора священных для мусульман знаний и текстов, политика-военачальника, завоевателя и правителя, а также реформатора, преобразователя традиции в рамках традиции.

Такой персоналистский взгляд вряд ли характерен лишь для мусульманского сообщества Индии, но для него он весьма типичен. В конце XIX в. положение безусловного лидера общины индийских мусульман занял Сайид Ахмад Хан. После поражения широкого антиколониального восстания в 1857–1859 гг. он призвал мусульман отказаться от пренебрежительного отношения к европейской культуре, в том числе к языку утвердивших свое господство в Индии англичан, к науке и технике, получившей развитие в Европе, к ее позитивистской философии. Вместе с тем он постарался дать такую интерпретацию достижениям немусульманских стран, которая была бы приемлема для мусульман, давала им надежду на сокращение дистанции между ними и европейцами,

надежду на реванш и конечное торжество ислама⁶. Англичане отметили заслуги Ахмад Хана, возведя его в рыцарское достоинство, а мусульмане почитают его как идеолога исламского модернизма в Индии, основателя первого мусульманского колледжа в Алигархе (недалеко от Дели), превратившегося позднее в Алигархский мусульманский университет.

Сэр Сайид стоит у истоков как наиболее влиятельного политического движения мусульман Индии, так и теории двух наций – мусульман и индусов. Именно его сначала скептическое, а затем и негативное отношение к возникшему в конце 1885 г. Индийскому национальному конгрессу (на первых порах верхушечной созданной под патронажем англичан организации типа аристократического клуба) привело к образованию в 1906 г., спустя 10 лет после смерти Ахмад Хана, аналогичной во многом по форме, хотя и с поправками на растущее участие масс и средних слоев в политике, Всеиндийской мусульманской лиги. Отсутствие бесспорного лидера долгое время отражалось на силе и сплоченности организации. Только в конце 1930-х гг. она обрела авторитетного и талантливого руководителя – М. А. Джинну, и с тех пор началось неукротимое движение к созданию Пакистана.

Разумеется, примеров исторически обусловленного соединения организации и лидера, движения и руководящей им личности очень много. Скорее всего это правило достаточно массового и успешного оппозиционного движения, можно сказать, любой революции, будь то политической (торжество оппозиции), национальной (замена одного по национальному самосознанию правящего слоя другим) или социально-идеологической (перемена господствующей идеологии и структуры общества). При этом в западной политической культуре этот феномен ослаблен конкуренцией среди главных персон, соревновательностью, не приводящей (или редко приводящей) к расколу. В незападных (восточных, в частности мусульманских) политических сообществах (политиях) конкуренция также имеет место, но их обычно более жесткая иерархичность (стреловидность) дает больший простор для выявления одного и только одного лидера с подчинением остальных его диктату. Понятно, что персонализм руководства укрепляет единство движения, предохраняет от расколов внутри элиты и разброда

⁶ Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., 1963. С. 137–143.

в массах. В то же время каждый случай персоналистского авторитета – особый.

Харизма М.А. Джинны складывалась постепенно, что объясняется как индивидуальными его качествами, так и особенностями исторической среды. Хотя о склонности мусульманского сообщества в Индии к почитанию того или иного выдающегося своего представителя выше уже говорилось, к Джинне долгое время это вроде не могло иметь прямого отношения. Свою не только профессиональную, но и общественную карьеру он начинал в 1900-х гг. как адвокат, выступая на процессах в Бомбее, одном из самых космополитических городов Индии. Язык и манеры английского джентльмена, которые он приобрел, получая высшее юридическое образование в Англии (окончил престижный колледж Линкольнз-Инн в Лондоне), казалось бы, мало подходили для роли лидера малограмотных масс.

В отличие от своего современника и визави, апостола широких индусских масс Махатмы Ганди, он редко апеллировал к массовому сознанию и почти не изменял правилам ведения борьбы легальными методами. Только летом 1946 г. он одобрил призыв к прямому, т.е. уличным, митинговым методам борьбы за Пакистан. К тому времени такие инструменты достижения политических целей превратились в широко распространенные, и Джинна не мог не учитывать и не использовать (хотя, думается, с сожалением) это обстоятельство. Вместе с тем уже с конца 1930-х гг., решив вопрос о цели и сути своей политической деятельности, он сменил внешний облик, отказался от появления на публике в костюмах английского покроя, стал носить национальную одежду (длинный френч) и ставшую скоро знаменитой шапку из каракуля (шапку Джинны)⁷.

Едва ли не решающее влияние в этом отношении оказал ведущий мусульманский поэт и философ Мухаммад Икбал⁸. После смерти М. Икбала в 1938 г. Джинна остался единственной заметной фигурой среди мусульман на общеиндийской политической арене. Были лидеры провинциального масштаба – в Панджабе сэр Сикандар Хаят Хан, в Бенгалии – «Шер-и бангла» (Тигр Бенгалии) А.К. Фазлul Хак, а позднее Х.Ш. Сухраварди, но все они про-

⁷ Jinnah A.A.S. Pakistan and Islamic Identity. The Search for Saladin. L., 1907.

⁸ Ibid. P. 71–76. О роли М.Икбала в истории борьбы за создание Пакистана см. книгу современного пакистанского автора А.К.Паджа: *Raja A.Q. Iqbal and the Division of India*. Islamabad. 2010.

игрывали Джинне из-за своего «провинциализма». Всеиндийская мусульманская лига, которую он возглавлял, была именно общеиндийской, и с этим считались как политически активные мусульмане Индии, так и колониальная администрация.

Особое внимание на Джинну англичанам пришлось обратить после отказа руководства Индийского национального конгресса осенью 1939 г. поддержать военные усилия Великобритании и его решения о самороспуске конгрессистских правительств в восьми тогдашних провинциях из одиннадцати. Джинна с удовлетворением воспринял это решение Конгресса и организовал в декабре 1939 г. празднование «дня избавления» от господства индусов⁹.

Вице-королям Индии в дальнейшем приходилось иметь дело с Джинной (часто преодолевая раздражение из-за его трудного характера) как с лидером единственной крупной общеиндийской партии, которая, не отказываясь от требований национальной независимости, соглашалась сотрудничать с центральными властями. В течение ряда лет Второй мировой войны в пяти провинциях находились у власти правительства, возглавлявшиеся мусульманами из Лиги или ассоциированных с ней политических партий. С одной стороны, считаясь, а с другой – поощряя «дробность» индийского общества, его деление на представителей больших религиозных общин (индусов, мусульман и сикхов), английские власти способствовали возведению Джинны на пьедестал единственного выразителя интересов мусульманской общины¹⁰. Социальная психология, самосознание мусульман, а также другие обстоятельства, в том числе, разумеется, и незаурядные личные качества Джинны, были в числе условий, достаточных для того, чтобы он до конца сыграл роль основателя новой нации-государства.

От политиков к бюрократам

М.А. Джинна умер спустя год с небольшим после того, как 14 августа 1947 г. стал первым генерал-губернатором независимого доминиона в составе Содружества наций, возглавлявшегося английским королем. Его смерть 11 сентября 1948 г. была хотя и ожидаемым, но тяжелым ударом для молодого государства. В течение года Джинна, несмотря на тяжелую болезнь, концентрировал в

⁹ Wolpert S. Jinnah of Pakistan. 3-d edition. N.Y., 1989. P. 176.

¹⁰ См: Jalal A. The Sole Spokesman: Jinnah, the Muslim League and the Dilemma for Pakistan. Cambridge. 1985.

своих руках все нити власти. Он был главой государства и исполнительной власти, председателем Мусульманской лиги, а также Учредительного собрания, состоящего в основном из членов его партии. Премьер-министр Лиакат Али Хан держался в тени Джинны. Будучи на двадцать лет его моложе, он был ближайшим соратником и помощником, доверенным лицом и умелым исполнителем. Никто из политиков в первый год существования Пакистана не помышлял о том, чтобы оспорить авторитет Джинны, которого еще в начале 1940-х гг. стали называть в печати и на митингах «великий вождь» (*каид-и-азам*). А позднее, 12 августа 1947 г. Учредительное собрание накануне создания доминиона Пакистан приняло специальное постановление о присвоении М.А. Джинне этого титула¹¹.

Смерть Джинны не изменила персоналистско-авторитарного характера власти в стране. Мантию бесспорного лидера унаследовал Лиакат Али Хан. Как и Джинна, он был юристом по образованию, политиком по профессии и тоже шиитом¹². Последнее существенно, так как верхушка шиитов в Британской Индии постоянно чувствовала себя как бы в двойном окружении со стороны немусульманского и мусульманского большинства.

Лиакат Али Хан предпочел остаться премьер-министром, уступив должность генерал-губернатора Ходже Назимуддину, своему ровеснику из Восточной Бенгалии, занимавшему пост главного министра этой провинции. В этом решении просматривается и личный, и сугубо политический расчет. Ходжа был представителем рода навабов (князей) Дакки, главного города восточной, мусульманской части Бенгалии. Не обладая твердым характером, Ходжа не мог быть соперником Лиаката по влиянию. А как представитель провинции, где проживало большинство населения, он был идеальной фигурой для демонстрации политического единства страны. Лиакат Али, видимо, еще более отчетливо, чем Джинна, понимал сложность проблемы самоутверждения Пакистана как государства и единой нации.

Помимо расстояния до Восточной Бенгалии (минимальное – по воздуху составляло 1.5 тыс. км, по морю – свыше 4.5 тыс. км, а сухопутные пути пролегали по территории Индии), препятствием служили культурные и этно-расовые различия населения двух ча-

¹¹ Ali S.M. The Emergence of Pakistan. N.Y., 1967. P. 173–178; Wolpert S. Jinnah of Pakistan. P. 340–342.

¹² Talbot I. Pakistan. A Modern History. N.Y., 1998. P.393.

стей страны. Имеются в виду как отличия физического типа и темперамента бенгальцев от жителей западной части Пакистана, так и разница в языке и самосознании.

Первым объединяющим фактором для молодой страны был ислам, вторым можно считать наследие колониальных порядков, которые были авторитарно-демократическими, сочетающими в себе, особенно на последнем этапе, авторитарность центральной власти с элементами демократии на местах, в провинциях. Такая иерархия ценностей нашла отражение во внесенной правительством на рассмотрение Учредительного собрания Пакистана в начале 1949 г. Резолюции о целях конституционного устройства страны. После непродолжительных, хотя и бурных, дебатов (сказывалось наличие в его составе представлявших Восточную Бенгалию немусульман, где их доля равнялась почти 20%) она была одобрена собранием. В ней нашли отражение основные принципы демократического устройства, но не упоминалось о секуляризме. И в то же время провозглашалось, что власть опирается на предначертания Аллаха, а уже во вторую очередь зависит от волеизъявления народа¹³.

Умеренно происламские взгляды Лиаката Али наложили отпечаток на внутреннюю и особенно внешнюю политику государства. При нем наблюдается пик активности Карачи на исламском направлении. Пакистан организует ряд международных мусульманских конференций, пытается добиться доверия и поддержки со стороны арабских государств, в частности королевского Египта, и т. д. При этом он видит себя в качестве лидера исламского мира, пытается за счет этого «переиграть» Индию.

В октябре 1951 г. страна неожиданно теряет второго лидера – Лиаката убивают на публичном митинге, причем мотивы убийства остаются невыясненными: то ли это реакция религиозных фанатиков на недостаточно происламский курс, то ли попытка определенных сил скрыться за религиозной ширмой¹⁴. Как бы то ни было, смерть соратника Джинны со временем отразилась как на демократическом облике государства, так и на самостоятельной роли страны в международных делах. Она также способствовала нара-

¹³ Callard K. Pakistan. A Political Study. L., 1957. P. 132; Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана. М., 1975. С. 21.

¹⁴ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана. М., 1961 С. 198; Talbot I. Pakstan. A Modern History. P. 139.

станию авторитарно-бюрократических тенденций, подготовив почву для перехода власти от политиков к корпорации бюрократов.

После смерти Лиаката исламские мотивы в политике пакистанского государства стали менее явными, усилился однозначно прозападный крен. На первых порах, впрочем, это нивелировалось выдвижением на роль премьер-министра и лидера правящей партии Ходжи Назимуддина. Он был известен как глубоко верующий человек. В то же время политическое кредо Назимуддина формировалось в условиях колониальной Индии, и он был, по существу, последним представителем профессиональных политиков, претендовавших на главенствующую роль в государстве. Недолгое его правление ознаменовалось обострением конфликта на религиозной почве. В феврале-марте 1953 г. в Панджабе, прежде всего столичном городе Лахоре, произошли массовые выступления против представителей обвиненной в ереси секты ахмадия. За беспорядками стояли суннитско-фундаменталистские организации, прежде всего «Джамаат-и-ислами» (ДИ), а также «Маджлис-е-ахрар» (Собрание свободных). Для наведения порядка в городе ввели военное положение и использовали регулярные войска. Этот первый опыт применения армии для обеспечения внутренней безопасности оказался знаковым. Столь же знаменательным было и неожиданно принятое в апреле решение генерал-губернатора отправить кабинет министров во главе с Назимуддином в отставку¹⁵.

Первым бюрократом, олицетворяющим господство персоналистского авторитаризма в стране, был Гулам Мухаммад, назначенный на пост генерал-губернатора в 1951 г. сразу после убийства Лиакат Али Хана. Полтора года он держался в тени Назимуддина, который возглавлял как кабинет министров, так и партию, от лица которой она осуществлялась. То, что Мусульманская лига была лишь де-юре правящей силой, представлялось очевидным уже для ранних исследователей процесса политического развития страны¹⁶.

Характерная для британской традиции решающая роль правительства, опирающегося на парламентское большинство, признавалась абстрактно, скорее по инерции, поскольку в Учредительном

¹⁵ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. М., 2008 С. 103–104; *Belokrenitsky V.Y. and Moskalenko V.N. A Political History of Pakistan. 1947–2007.* Karachi, 2013. P. 79–80; Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003 С. 126–130.

¹⁶ *Callard K. Pakistan. A Political Study.* P. 123–125; *Sayeed K.B. The Political system of Pakistan.* Boston, 1967. P. 73–77.

собрании, выполнявшем одновременно и законодательные функции, не было реальной оппозиции, а без нее парламентская демократия английского образца невозможна по определению¹⁷.

Задержка с принятием новой конституции привела к тому, что режим правления по форме в основных чертах оставался колониальным – главным действующим кодексом был Закон об управлении Индией 1935 г., согласно которому реальная власть в центре принадлежала генерал-губернатору. Пока им при Лиакат Али Хане был Ходжа Назимуддин, эта норма, по существу, не действовала. К тому же сама ситуация, как тогда казалось, должна была скоро измениться – Учредительное собрание готовилось к принятию новой конституции парламентского типа.

Однако и к 1953 г. она не была принята, чем и воспользовалась бюрократия во главе с Гулам Мухаммадом, человеком властным и решительным. Если бы не тяжелая болезнь, он, вероятно, значительно дольше оставался бы главой авторитарно-бюрократического режима. Учредительное собрание покорно согласилось с его решением об отставке кабинета Назимуддина, хотя буквально за несколько недель до того оно одобрило представленный им бюджет, тем самым, выразив вотум доверия. Новым премьером назначили посла Пакистана в Вашингтоне Мохаммада Али Богра, выходца из Восточной Бенгалии. При нем ориентация на США стала еще более явной, и страна вступила в военно-политические блоки, создаваемые по их инициативе – СЕАТО в сентябре 1954 г. и Багдадский пакт (февраль 1955 г.). До того, в мае 1954 года, Карачи подписал с Вашингтоном Договор о взаимной обороне, и Пакистан начал получать значительную американскую военную помощь¹⁸.

Правительство М.А. Богра действовало при этом в полном соответствии со стремлением всей политической верхушки. Помимо Г. Мухаммада ведущие позиции в ней заняли два человека, тесно связанные с армией. Первым был отставной генерал-майор Искандер Мирза, член колониальной бюрократической службы, секретарь (глава административного аппарата) министерства обороны Пакистана, а затем внутренних дел, вторым – первый пакистанец, ставший во главе армии (сухопутных сил) генерал Мохаммад Айюб Хан.

¹⁷ Callard K. Paksian. A Political Study. P. 126–130.

¹⁸ Подробнее о ней см: *Cheema P.I. Pakistan's Defence Policy 1947–1958. L., 1990.*

В октябре 1954 г., желая предотвратить утверждение Учредительным собранием проекта конституции, который не устраивал правящую элиту, генерал-губернатор объявил о его роспуске и введении чрезвычайного положения. Богра согласился остаться премьер-министром, но в его надпартийном правительстве, названном «кабинетом талантов», появились новые люди – Мирза занял пост министра внутренних дел, а Айюб Хан – министра обороны.

Это событие завершило период неясности с судьбой парламентского строя в Пакистане. Он был похоронен усилиями небольшой группы людей, которые составляли тогда реальную правящую (управляющую) элиту. По подсчетам ведущего исследователя-современника событий, канадца К. Коллара, число лиц, занимавших в течение 1947–1954 гг. крупные посты на всех уровнях власти, чередуясь как в колоде карт, не превышало 20 человек¹⁹. Помимо политиков из Мусульманской лиги, состоявших членами Учредительного собрания и служивших министрами, а также гражданских и военных бюрократов, которые происходили в основном из среды земельно-феодалной аристократии, в состав элиты вошли и некоторые ведущие представители третьей ветви власти – судебной. Именно она придала видимость законности указу генерал-губернатора о роспуске первого Учредительного собрания. Решением главы Верховного суда судьи М.Мунира оно было оправдано применением «концепции необходимости», в соответствии с которой к непредусмотренным юридическими рамками относятся меры, обусловленные необходимостью спасения государства²⁰.

Доведя до конца процесс замены одного Учредительного собрания другим, которое летом 1954 г. было избрано тем же косвенным путем, провинциальными законодательными собраниями, Гулам Мухаммад подал в отставку. Новым генерал-губернатором стал Искандер Мирза. В марте 1956 г., когда была наконец принята конституция, его избрали первым президентом Исламской Республики Пакистан.

Замена одного лидера из среды бюрократов другим мало что меняла в авторитарной структуре власти. Хотя конституция и содержала некоторые положения, характерные для парламентской демократии, такие как выборность парламента и ответственность правительства перед ним, функции президента, избираемого кос-

¹⁹ Callard K. Paksiatan. A Political Study. P. 25–26.

²⁰ Pakistan's Founder's Aspirations and Today's Realities / ed. H.Malik. N.Y., 2001. P. 64–71.

венным путем, голосами членов центрального и провинциального законодательных собраний, были шире, чем обычно в конституциях, скроенных по образцу, принятому в Содружестве²¹. По существу, он наделялся многими из тех полномочий, которыми обладал в колониальный период вице-король Индии²².

Образцом автократических действий можно считать осуществленное еще в 1955 г. и закрепленное в конституции слияние всех провинций западной части страны в одну – Западный Пакистан, а также переименование Восточной Бенгалии в Восточный Пакистан. В конституции устанавливалось также равное представительство в однопалатном парламенте от двух провинций, хотя доля Восточного Пакистана в населении страны превышала 55%.

Несмотря на существующие амортизаторы, президент не спешил с выборами, полагая, что малограмотный народ нуждается в «контролируемой демократии»²³. Как и другие представители бюрократии, Мирза считал, что знает цену политикам, подверженным коррупции. Недаром одним из первых законов, принятых Учредительным собранием Пакистана еще в 1949 г., был Акт о дисквалификации лиц, выполняющих общественные и представительские функции, за неподобающие действия, в первую очередь взяточничество и nepotизм. Инициатором своего рода импичмента министрам-политикам в соответствии с актом выступал, генерал-губернатор или губернатор провинции (с принятием конституции – президент и губернаторы), т.е. бюрократия, охраняющая нравственные устои государства и сама находящаяся, как бы, вне подозрений.

Углублявшийся из-за откладывания предусмотренных конституцией выборов перманентный политический кризис, особенно острый в Восточном Пакистане, завершился в октябре 1958 г. «выходом из тени» президента. Он объявил о введении военного положения и назначил главным его администратором командующего армией. Гражданская бюрократия попыталась править по-прежнему, имея военную верхушку в качестве младшего своего партнера. Но времена изменились. За 1954–1958 гг. армия в Пакистане окрепла и в количественном, и в качественном отношении. Между ее

²¹ Callard K. Pakistan. A Political Study. P. 150–152.

²² Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана С. 283.

²³ Такие слова привела карачинская газета «Доон», цит. по: Callard R. Pakistyan. A Political Study. P. 81.

представителями и покровителями из США установились тесные контакты. Именно там стало получать специальное образование новое поколение военных. Заручившись согласием Вашингтона, генерал Айюб Хан меньше чем через месяц после первого совершил второй переворот. Бесцеремонно отправив в отставку И. Мирзу и выслав его из страны, он сам стал президентом.

Фельдмаршал из низов

Из трех претендентов на роль возможного главы персоналистско-авторитарного режима Айюб Хан был самым молодым (51 год) и наиболее скромным по происхождению. Он родился в деревне, в небогатой семье отставного военного, пуштуна из самого панджабизированного в СЗПП округа Хазара, получил общее образование в Алигархе, затем отправился в Англию, где по окончании широко известного военного колледжа в Сандхерсте был произведен в офицеры. Во время Второй мировой войны Айюб служил в войсках, воевавших с японцами в Бирме, а вскоре после образования Пакистана в звании генерал-майора был назначен командующим армией в Восточной Бенгалии. Подлинной удачей для него была отставка английского генерала Д. Грейси с поста главнокомандующего армией. С одобрения премьера Лиаката Али, Айюб Хан в начале 1951 г. занял вакантный пост. Как выше отмечалось, он входил в узкий круг доверенных лиц при генерал-губернаторе Гулам Мухаммаде (умер вскоре после отставки в начале 1956 г.), а затем Искандере Мирзе, бесспорно разделяя взгляды последнего на сущность возможной в Пакистане демократии. В качестве президента он постарался осуществить планы введения в стране модели «направляемой демократии»²⁴.

Деятельность авторитарного режима Айюб Хана дает яркое представление о возможностях и ограничителях осуществлявшейся сверху политики трансформации общества. Опираясь на мощественную поддержку со стороны двух сил – армии и бюрократии внутри страны, США, и Запада в целом, извне, Айюб правил исходя субъективно из благих побуждений и по-военному четко и последовательно²⁵.

²⁴ Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 393–394.

²⁵ См. его автобиографию: *Khan A.M. Friends Not Masters*. L., 1967, и взгляд на его личность и правление ближайшего советника А.Гаухара – Gauhar A. Ayub Khan. *Pakistan's First Military Ruler*. Karachi, 1996.

Уже в январе 1959 г. он издал указ об аграрной реформе, которая при всей своей ограниченности стала небольшим реальным шагом по пути модернизации отношений в деревне. В 1961 г. другим указом о реформе мусульманского семейного права он попытался повысить статус женщин в семье, расширить их права на наследование. Встреченный с одобрением женскими и прогрессивно-демократическими организациями, указ вызвал негативную реакцию улемов (богословов и служителей культа) и подтолкнул к мобилизации религиозные силы²⁶.

В политической сфере Айюб ввел институт «базовых демократий» путем преобразования системы местного самоуправления из общественной в государственную и предоставления избранным населением «базовым демократам» прав выборщиков президента и парламента. Сам он дважды избирался таким непрямым путем на пост президента (в 1960 и 1965 гг.), а после принятия новой конституции в 1962 г. состоялись и не прямые выборы в парламент. Конституция была явно президентской, не оставлявшей места для кабинета министров. Хотя деятельность партий возобновилась, выборы проводились на непартийной основе, а парламентарии, занимаясь законодательной деятельностью, не могли призвать министров к ответу.

Несмотря на то что экономические успехи первого военно-парламентского режима в 1960–1965 гг. были бесспорны (национальный доход прирастал более чем на 5% в год, крупная промышленность – в среднем на 12%), в обществе усиливались критические настроения. Оно все сильнее ощущало отчуждение от держателей власти. Официальные славословия в адрес Айюба, уже в 1959 г. ставшего фельдмаршалом, лишь раздражали оттесненную от рычагов власти политическую элиту и молодую интеллигенцию. Появление в результате государственной политики поощрения частных инвестиций группы предпринимателей-монополистов, обладавших экономической независимостью, привело к возникновению альтернативных центров влияния. Последние располагали органами печати, материально поддерживали различного рода оппозиционные группы, партии и течения. Ускорились темпы формирования гражданского общества, но оно происходило еще на очень узкой базе и в условиях, когда власть не готова была мириться с ростом эффективной оппозиции, ибо та угрожала ее основам.

²⁶ Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 167–169.

Особенно серьезными стали опасения властвующей верхушки после неудачной для Пакистана войны с Индией в августе-сентябре 1965 г. Хотя последствия начатой по пакистанской инициативе войны сказались не сразу, они были чрезвычайными для режима и персонально Айюб Хана. Мало того, что попытка поднять восстание в индийском Кашмире ни к чему не привела, она обострила никогда не исчезавшую проблему «двух Пакистанов». Во время пакистано-индийской войны Восточный Пакистан оказался полностью незащищенным, военные стратеги пренебрегли им. Это не осталось незамеченным в провинции, и она стала средоточием глухого раздражения властями. На западе страны накал борьбы нарастал по мере ухудшения экономической ситуации, во многом связанного с отказом США поддержать Пакистан в его противостоянии с Индией и невозможностью для них оказывать столь же масштабную, как раньше, экономическую помощь Исламабаду.

По иронии судьбы массовые выступления, спровоцировавшие фатальный для режима политический кризис, начались в ноябре 1968 г., именно тогда, когда официальный Пакистан торжественно отмечал «Десятилетие развития», как называли эпоху Айюб Хана. В конце марта следующего года, исчерпав ресурсы для сохранения конституционного порядка, Айюб ушел в отставку, передав бразды правления другому генералу, главнокомандующему армией А.М. Яхье Хану. При этом во второй раз в стране было введено военное положение, отменена конституция, приостановлена всякая политическая деятельность. Таков был скомканный итог правления одной из самых благонамеренных персон, возглавлявших авторитарный режим в Пакистане. Даже накануне его падения ничто, казалось, не предвещало такого финала. Недаром в вышедшей в 1968 г. книге молодого тогда, а впоследствии очень известного американского политолога С. Хантингтона Айюб Хана сравнивали с Солоном или Ликургом, «великими законодателями в платоновском стиле»²⁷.

Определенную роль в политической судьбе Айюба сыграла и тяжелая болезнь в начале 1968 г. Она подкосила его силы и энергию, чем воспользовались генералы, оттеснив его во многом от рычагов управления государством. Между тем Яхья Хан оказался персоной иного разряда, менее скромным в личных притязаниях и более озабоченным сохранением власти, чем ее применением для

²⁷ Cohen S.P. The Idea of Pakistan. Lahore, 2005. P. 74.

общественно значимых целей. Можно допустить, что Айюб Хану удалось бы дольше сохранять корабль пакистанской государственности на плаву, но вряд ли авторитарный режим даже при нем смог распутать погубивший его клубок сложнейших проблем.

Запрет на политическую деятельность не мог продолжаться долго, так как этого не позволяла международная и внутренняя обстановка. Режим Яхья Хана оказался также не в состоянии вернуться к айюбовской модели непрямой демократии, поскольку подорвал бы тем свою легитимность. Единственный выход – возврат к общепринятой практике и проведение давно откладывавшихся всеобщих выборов – оказался дорогой к катастрофе.

Выборы конца 1970 г. принесли победу восточнопакистанской партии «Авами лиг» и ее яркому лидеру Шейху Муджибур Рахману. Так как равенство мест от двух частей Пакистана, согласно введенным военными властями правилам временного конституционного устройства, отменялось, полная победа Шейха в Восточном Пакистане давала ему необходимое большинство для формирования общенационального правительства. Тем самым сбывались худшие опасения всех руководителей, правивших страной в течение четверти века, – власть ускользала из рук представителей западной части государства к лидерам восточной, переходила к бенгальцам, которые в культурном и социальном отношении считались на западе страны стоящими на ступень ниже.

Политик-лендлорд – националист и популист

Роль «спасителя» западного «крыла» Пакистана от притязаний восточного сыграл Зульфикар Али Бхутто, лидер созданной по его инициативе в 1967 г. Пакистанской народной партии (ПНП). Партия Бхутто получила наибольшее число голосов по итогам выборов в западной части страны (указом Яхья Хана провинцию Западный Пакистан расформировали и учредили четыре новые/старые провинции – Панджаб, Синд, СЗПП и Белуджистан). В ходе переговоров о судьбе федерального правительства, проходивших в Дакке в феврале-марте 1971 г., З.А. Бхутто занял жесткую позицию, не соглашаясь пойти на компромисс с Муджибур Рахманом²⁸. Это подтолкнуло военных к расправе над сторонниками последнего, которые 26 марта провозгласили создание Бангла Деш (страны бенгальцев). Гуманитарная катастрофа, сопровождавшая попытки па-

²⁸ Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 205–206.

кистанских властей навести порядок в своей восточной провинции, потоки беженцев, устремившихся в Индию, дали ее правительству возможность вмешаться в развитие событий. На индийской территории действовало правительство «самопровозглашенной» республики Бангладеш, а в лагерях беженцев с помощью индийских военных инструкторов готовились отряды освободительной армии (мукти бахини). Необъявленная война между двумя государствами растянулась на девять месяцев и завершилась открытым и острым столкновением в декабре 1971 г. Несмотря на все попытки защитить Восточный Пакистан путем переброски туда регулярных частей и усиленным их снабжением, сделать это военному режиму Яхья Хана не удалось²⁹.

В критические моменты З.А. Бхутто неизменно оказывался вместе с военными. Так, накануне войны он ездил в КНР, уговаривая Мао Цзэдуна совместно выступить против Индии, а во время наступательных действий индийцев Бхутто в качестве вице-преьера и главы пакистанской делегации в ООН эмоционально защищал перед своей и мировой общественностью попираемую целостность страны. После того как находящаяся в Восточном Пакистане армейская группировка 16 декабря капитулировала в Дакке, а на следующий день пакистанская армия прекратила сопротивление на западном фронте, правящая военная верхушка решила пожертвовать своим незадачливым лидером и согласиться с тем, что для спасения страны нужен авторитет Бхутто. Ему предложили занять оба вакантных поста – главного администратора военного положения и президента.

Персона З.А.Бхутто выделяется на фоне других авторитарных правителей страны своей колоритностью. Он был, по существу, первым представителем местных лендлордов, вставшим во главе государства. Род Бхутто владел огромными участками земли в Верхнем Синде еще в период установления власти англичан в середине XIX в. Его дед прославился как романтический авантюрист, долгое время скрывавшийся от закона, а отец, Шахнаваз Бхутто, стал известным политическим и общественным деятелем Синда, одним из сподвижников Джинны³⁰. Мать Бхутто, индусская танцовщица из Бомбея, приняла ислам, чтобы выйти замуж. В семье сохранялась традиционная для индуистов вера в гороскопы, которые предска-

²⁹ См: Jackson R. South Asian Crisis. India-Pakistan-Bangladesh. L., 1975; Sisson R., Rose L. War and Secession: Pakistan, India and the creation of Bangladesh. Berkeley, 1990.

³⁰ См: Taseer S. Bhutto. A Political Biography. L., 1979.

ли Зульфикару Али небывалый успех, пока он не перешагнет порог в 50 лет³¹.

Получив высшее образование в США и диплом адвоката в Англии, Бхутто вернулся на родину в период, предшествующий установлению режима Айюб Хана. Таланты хорошо образованного человека из известной семьи оказались востребованными. В 1959 г. он становится самым молодым (31 год) министром в военном правительстве, в 1963-1966 гг. занимает пост министра иностранных дел, входит в ближний круг советников президента. Размолвка с ним происходит после подписания Ташкентской декларации в январе 1966 г. Как министр иностранных дел, Бхутто участвовал в переговорах, но сумел зарекомендовать себя в общественном мнении как противник соглашения с Индией. Уйдя из правительства, он обвинил Айюба в предательстве интересов страны и присвоил себе заслугу разворота пакистанской внешней политики в сторону Китая³².

Заняв пост президента в критический для Пакистана момент, З.А. Бхутто проявил огромную энергию и мобильность. Первые сто дней правления были, безусловно, самыми успешными. Один из немногих, он умел увлечь за собой массы. Надо учитывать, что политическая жизнь того периода отличалась широкими массовыми выступлениями студентов, рабочих, торговцев и крестьян. Лишь с учетом тогдашних реалий можно понять эффект, который имели речи Бхутто на многотысячных митингах его сторонников в Карачи и других городах, его реформы популистского социалистического характера³³.

В период правления Бхутто Пакистан обрел ныне действующую конституцию. Будучи автократом по натуре, он склонялся к президентской ее модели, но предыдущий опыт военного авторитаризма мешал этому. Согласно принятой в 1973 г. конституции, основные властные полномочия получал премьер-министр, опирающийся на большинство в парламенте. Однако в отличие от конституций британского типа она давала премьеру (кабинету министров) дополнительные гарантии сохранения власти, усложняя процедуру вынесения вотума недоверия³⁴. Президенту отводились лишь це-

³¹ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times. N.Y., 1993. P. 19.*

³² *Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 381-382.*

³³ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto 1971-1977. L., 1980. P. 72.*

³⁴ *Ibid. P. 95.*

ремониальные функции. С превращением Бхутто из президента в премьер-министра характер режима не изменился. За формально демократическим фасадом стояла авторитарная власть, не готовая согласиться с голосом народа, выражаемым через вердикт избирателя.

Персоналистская власть Бхутто длилась недолго, всего пять с половиной лет, но она подготовила почву для дальнейшего политического развития Пакистана. С потерей восточного «крыла» страна стала географически компактной, в конфессиональном плане более мусульманской, а в социальном и политическом – более аграрной и «феодальной». К последнему Бхутто приложил личные усилия.

Как выше отмечалось, в Пакистане к началу 1970-х гг. сложился слой крупных городских предпринимателей, получивших в обиходе название «монополистов». На беду этого слоя он состоял главным образом из «инонационалов», приехавших в Пакистан после 1947 г. членов преимущественно гуджаратских торгово-купеческих общин³⁵. Некоторые из них оказали большие услуги первым руководителям нового государства, сами стояли его истоков и пользовались значительным политическим влиянием, особенно при Айюб Хане³⁶.

Между тем массовые движения конца 1960-х – начала 1970-х годов проходили под левопопулистскими лозунгами чрезмерной концентрации богатства у горстки «неправедно» наживших его людей. Таковы были в то время настроения не только в Пакистане, но и во многих других развивающихся странах, где прокатилась волна национализаций. Придя к власти, З.А. Бхутто в полной мере использовал эти настроения.

Уже в первых числах января 1972 г. он объявил о национализации более трех десятков наиболее крупных предприятий в 10 базовых отраслях промышленности. За этим решением последовали другие меры по расширению государственного сектора, в частности национализация крупнейших банков. Серьезные последствия имела также почти полная ликвидация сети частных школ и колледжей, а также больниц и клиник. Если к этому добавить потери, которые пакистанский крупный капитал понес в связи с конфискацией его имущества властями Народной Республики Бангладеш, то очевидным становится реальное и резкое ослабление позиций

³⁵ Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970. С.14–17.

³⁶ Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 171; Cohen S.P. The Idea of Pakistan. P. 49.

частного сектора и экономической мощи монополистов или используя более современное слово магнатов бизнеса, «олигархов». Бхутто нанес удар и по статусу последних. Ряд наиболее активных бизнесменов был им арестован, причем арест показывали по получившему тогда распространение телевидению, почти у всех отобрали заграничные паспорта³⁷.

Острая фаза кризиса в отношениях государства и бизнеса продолжалась, впрочем, недолго. Арестованные были выпущены на свободу, а члены осуждаемых олигархических семейств получили возможность выезда за рубеж³⁸. Однако последствия кризиса доверия к представителям крупной городской буржуазии были значительными. Государство, взявшее на себя руководство национализированными предприятиями, явно не справилось с обязанностями умелого хозяина. Производительность труда в промышленности упала, капиталовложения снизились, а темпы экономического роста сократились в среднем на два процентных пункта, едва в первой половине 1970-х гг. превосходя прирост населения. Иностраный капитал перестал интересоваться Пакистаном, а местные предприниматели, причем не только «инонациональные», но прежде всего они, перенесли весь или часть своего бизнеса за границу. Сферы образования и здравоохранения, на которые и ранее не обращали должного внимания, пришли в еще больший упадок, что подготовило почву для исламизации впоследствии системы образования.

Политические последствия атаки на «монополистов» были не менее долгосрочными. Если до нее неформальная элитная группа, объединенная общим пониманием предназначения и идеологии Пакистана, имела в своем составе представителей финансово-промышленной олигархии, то в дальнейшем их там почти не осталось. Главной социальной прослойкой в закулисном «истеблишменте»³⁹

³⁷ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. С. 247–248.

³⁸ Cohen S.P. The Idea of Pakistan. P. 81–82; Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 233–234.

³⁹ Характеристику пакистанского истеблишмента как «осязаемой», но невидимой правящей элиты дал в 1996 г. видный пакистанский журналист, министр информации во втором правительстве Наваз Шарифа, сенатор Мушахид Хусейн. Его анализ активно использовал ведущий американский политолог и историк Стивен П. Козн, автор книги «Идея Пакистана». Именно с истеблишментом Козн связывает разработку «идеи» Пакистана и его идеологии, причем, как он отмечает, незримая правящая элита могла по персональному составу меняться с течением времени. В целом она была небольшой – (в середине 1990-х годов в нее входило примерно 500 чел. Интересно, что членство в ней не зависело напрямую от должности, т.е. в истеблишмент могли не входить иные премьер-министры, но

оказались потомственные землевладельцы, «феодалы» нового типа, сочетающие качества традиционных хозяев в деревне и современных господ в городе и во внешнем для Пакистана мире.

З.А. Бхутто – поистине трагическая фигура в истории Пакистана. Выстроенная им система персоналистской авторитарной власти рухнула под напором различных и разнонаправленных факторов. Причем ее крушение было от начала до конца зрелищем публичным, напоминающим театрализованное представление. Основные его акты состояли из досрочно проведенных в феврале-марте 1977 г. парламентских выборов, на которых партия Бхутто одержала уверенную победу. Она оказалась слишком уверенной. Оппозиция обвинила власть в подтасовке, начались кампании массовых протестов и гражданского неповиновения. Бхутто лихорадочно искал выхода из тупика и уже согласился на новые выборы, но вмешались военные. В начале июля они совершили государственный переворот, лишив Бхутто на первых порах власти, затем массовой поддержки, которой он безусловно еще пользовался, и, наконец, жизни, предав его несправедливому суду, который вынес средневековый вердикт (казнь через повешение), приведенный в исполнение в апреле 1979 г.

Генерал-исламист

К тому времени у власти в Пакистане почти два года находился режим, возглавляемый генералом Мохаммадом Зия уль-Хаком. Генерал во многом был полной противоположностью З.А. Бхутто. По исключительно скромному происхождению (родился в панджабской деревне, в весьма небогатой семье *араинов*, потомственных земледельцев-огородников) он отличался и от других людей, стоявших во главе страны. Получив образование в Дели в годы Второй мировой войны, он поступил на службу в армию и участвовал в боевых операциях против японцев. В 1970 г., после достаточно заурыдной карьеры, он оказался командующим частями пакистанской бригады, помогавшей иорданскому королю Хусейну справиться с восстанием палестинцев. Таков был первый опыт участия Зия-уль-Хака в международных делах, в котором он проявил себя исполнительным руководителем. Весной 1976 г. его неожиданно назначили начальником штаба армии.

входили не занимающие никаких постов «носители» корпоративной этики и мировоззрения. См: *Cohen S.P. The Idea of Pakistan. P. 68–73.*

Надо подчеркнуть, что должность главнокомандующего армией (сухопутными силами), как и главнокомандующих ВВС и ВМС, отменил Бхутто в 1972 г., чтобы символически понизить статус военных руководителей. Однако от переименования значение должности не пострадало, а учитывая доминирующую роль сухопутных войск в вооруженных силах Пакистана, начальника штаба армии фактически можно считать главнокомандующим пакистанскими ВС.

Головокружительная жизненная карьера М. Зия-уль-Хака привела к тому, что уже через год с небольшим после назначения на пост начальника штаба армии малоизвестный кадровый военный стал правителем государства. Удивительно не только это, но и то, что он управлял им дольше, чем кто-либо другой.

Главным отличием Зии была изворотливость. К этому его вынуждали обстоятельства прихода и удержания власти. Нарушив клятву совершением переворота, Зия постарался придать этому шагу условный и временный характер. Он обещал провести выборы через 90 дней и, лишь укрепившись путем раскола политической элиты, отложил затем их на неопределенный срок, запретив партии и политическую деятельность. Зия уль-Хак проявил себя хитрым и жестоким правителем. Его персоналистский авторитаризм вызвал осуждение в мире, обвинения в грехах тоталитаризма. Помимо самого Бхутто, он преследовал многие сотни и тысячи его сторонников. Тюрьмы были переполнены, само пребывание в них становилось пыткой. Для большего устрашения были введены показательные порки в публичных местах не только простых активистов Пакистанской народной партии, но и интеллигентов – идеологов оппозиции. За 1978–1985 гг. различного рода наказаниям подверглись около 20 тыс. человек, главным образом сторонники партии Бхутто, а также левых организаций, профсоюзные и студенческие лидеры⁴⁰.

Впрочем, Зия не был бесосновательно жесток. У него были реальные и грозные противники. На первых порах прежде всего сам З.А. Бхутто, который, как Немезида, грозил расправой в случае возвращения во власть. В дальнейшем ему угрожал сын Бхутто – Мир Муртаза, создавший террористическую организацию «Аль-

⁴⁰ См, например: *Bhutto B. Daughter of the East. An Autobiography*. L., 1990; *Iqtidar H. Secularizing Islamists? Jama'at-t Islam and Jama'at-ud-Dawa in Urban Pakistan*. Chicago, 2011. P. 180.

Зульфикар». Совершенный ею в 1981 г. угон пакистанского пассажирского самолета послужил поводом для нового витка репрессий.

Между тем, Зия, когда надо, шел на уступки, а при личных контактах производил впечатление исключительно скромного человека, высоко ставящего мнение собеседника и во всем полагающегося на волю Аллаха. Глубокая вера в Бога, вкупе с другими обстоятельствами, предопределила способ легитимизации его власти.

Исламизация «сверху», со стороны государства, явилась подлинным идеологическим спасением для режима, совпав по времени с исламской революцией в Иране, подъемом исламизма в арабском мире и с общемировой, тогда еще едва обнаружившейся тенденцией к «реваншу бога». Внутри страны почва для исламизации была подготовлена еще режимом Бхутто. Тот был вынужден с середины 1970-х гг. все больше прибегать к исламским лозунгам, идти на уступки требованиям религиозных кругов и вводить новые исламские правила повседневной жизни (пятница стала выходным днем, введен запрет на игорный бизнес, продажу алкоголя и т.п.). Если Бхутто старался опередить клерикалов, то Зия действовал по большей части вместе с ними. Наиболее тесными были его контакты с «Джамаат-и-ислами», партией «нового типа», для которой главным было не число голосующих сторонников, а число действующих активистов. Программа и концептуальные наработки этой партии, созданной ведущим теоретиком исламского фундаментализма А.А. Маудуди помогли Зия уль-Хаку совершить своего рода культурную революцию в стране, исламизировать в той или иной степени почти все стороны общественной жизни страны⁴¹.

Однако создать «исламское государство» Зия не смог, да, видимо, и не хотел. Тесный союз с исламистской партией длился до середины 1980-х гг. и распался, так как имел, как и вся кампания исламизации, не только положительные, но и негативные последствия для режима. Возросли, в частности, напряженность между представителями суннитской и шиитской общин, а также антагонизм между школами-направлениями в рамках суннизма. Улемы из «Джамаат-и ислами» надеялись на то, что военные поделятся с ними реальной властью, а когда этого не произошло, перестали оказывать им безоговорочную поддержку.

⁴¹ Islamic Reassertion in Pakistan / ed. A.Weiss. N.Y., 1986; Kurin R. Islamization in Pakistan. The Sayiid and the Dancer // Russia's Muslim Frontiers. Bloomington, 1993. P. 175-189.

Нельзя забывать и о том, что долговечность режима Зия уль-Хака объяснялась исключительно благоприятной для него международной обстановкой. К осени 1979 г. Зия был парием на мировой арене, он не внял просьбам лидеров ведущих государств о помиловании Бхутто, продолжая также, несмотря на давление США, ядерную военную программу. Экономика страны была на грани банкротства, и Вашингтон пришел на помощь режиму лишь тогда, когда в Афганистан вступили советские части.

Возможно, не случайно удача отвернулась от Зии после начавшейся в СССР перестройки. Разрядка в отношениях великих держав заставила его смягчить свою позицию как по внутренним, так и по внешним вопросам. Впрочем, к маневрам на внутреннем фронте он приступил заблаговременно, обеспечив себе на референдуме в декабре 1984 г. избрание президентом на пятилетний срок и проведя в начале следующего года выборы в парламент на непартийной основе. Новый парламент принял ряд поправок к конституции 1973 г. (до того при военном режиме она временно не действовала), которые превратили ее из «премьерской» в «полупрезидентскую». В соответствии с 8-й поправкой к конституции президент получил право отстранять премьера и распускать парламент. Кабинет министров возглавил выбранный Зия-уль-Хаком синдский политик М.Х.Джунеджо. Премьер к 1988 г. стал проявлять самостоятельность, опираясь по поддержку Вашингтона. Американцы хотели подписать Женевские соглашения по Афганистану, чтобы гарантировать вывод оттуда советской армии, а Зия не хотел такого окончания войны, ибо рассчитывал привести к власти в соседней стране *муджахедов*. 29 мая президент отправил правительство Джунеджо в отставку, распустил парламент и прекратил на время политическую деятельность в стране, пообещав, как водится, провести новые выборы через 90 дней⁴².

17 августа 1988 г. военный самолет С-130 с Зия уль-Хаком на борту взорвался в воздухе, унеся жизнь не только президента, но и, в числе прочих, его главного заместителя по армии, а также посла США в Пакистане. Тайна катастрофы остается нераскрытой, а подозрения падают на разные силы, заинтересованные в устранении Зии или в мести за сотворенные им злодеяния⁴³. Погибший на эша-

⁴² Пакистан. Справочник / отв.ред. Ю.В.Ганковский. М., 1991. С. 78.

⁴³ См: *Chishti F.M.* Betrayals of Another Kind. IIsam, Democracy and the Army in Pakistan. L., 1989; *Arif K.M.* Working with Zia. Karachi, 1995.

фоте Бхутто (сохранились подробные свидетельства последних часов и даже минут его жизни) и неожиданно растворившийся в небе Зия – контраст, отражающий персональные качества их самих и возглавляемых ими режимов: публичность и яркость одного, закрытость и обыденность другого.

Прагматично-либеральный генерал

Окончание третьего военно-бюрократического, а по форме на последнем этапе военно-парламентского режима было непохоже на конец первого – от Айюб Хана власть перешла другому генералу, а после гибели Зия уль-Хака президентом, в соответствии с конституцией, стал председатель сената, верхней палаты парламента Г. Исхак Хан. Более того, генералитет пошел навстречу требованиям демократии и решил до поры не вмешиваться в политический процесс. Осенью 1988 г. состоялись выборы в парламент уже на партийной основе, и к власти пришло правительство ПНП во главе с дочерью З.А. Бхутто Беназир⁴⁴.

С этого момента в течение 11 лет персоналистско-авторитарный тип пакистанской политической системы проявлялся в ослабленной форме. Сама она приобрела сложный характер из-за наличия трех центров силы и влияния – правительства и парламента, генералитета во главе с начальником штаба армии и президента, опирающегося на высшую гражданскую (исполнительную и судебную) бюрократию.

Конфликт внутри треугольника периодически приводил к политическим кризисам. В 1990 г. президент Исхак Хан при поддержке военных распустил правительство Бхутто, а на внеочередных выборах победил (как доказано в суде много позднее, в 2012 г., с помощью подтасовок, осуществленных по инициативе военных) альянс партий во главе с Пакистанской мусульманской лигой. Правительство возглавил протеже Зия уль-Хака панджабский предприниматель Наваз Шариф, представитель пострадавшей при З.А. Бхутто семьи. В 1993 г. Шариф не поделил власть с президентом, и армия заставила их обоих подать в отставку, а на новых досрочных выборах победила партия Беназир Бхутто. Хотя Фарук Легхари стал президентом как представитель этой партии, он через три года выступил против правительства, и конфликт в третий

⁴⁴ О ней см. в частности: Суворова А.А. Беназир Бхутто: портрет в двух ракурсах. М., 2013.

раз завершился досрочными выборами и новой, более чем убедительной победой Наваз Шарифа. Получив квалифицированное большинство в парламенте, премьер-министр добился изменений в конституции, вернув ее к премьерскому образцу. Сосредоточение всей власти в его руках не устроило военных, и острое противостояние между премьером и начальником штаба армии завершилось четвертым военным переворотом в октябре 1999 г.

Хотя и Беназир Бхутто, и Миан Наваз Шариф обладали безусловным личностным колоритом, возглавить очередной персоналистско-авторитарный режим в Пакистане выпало на долю генерала Первеза Мушаррафа. В отличие от абсолютного большинства высших военачальников он по происхождению не принадлежал к панджабцам или пуштунам, а являлся выходцем из семьи переселенцев из Индии (в его случае из Дели, где в 1943 г. он родился). Выбрав по окончании колледжа военную службу, он отличился в боевых столкновениях с Индией в 1965 г. Проявленная личная храбрость способствовала продвижению по службе, а особое (непанджабское) происхождение сыграло роль при назначении на должность начальника штаба армии – Наваз Шариф, вероятно, полагал, что это ослабляет его позиции среди генералитета.

Говоря о личности П. Мушаррафа, нельзя обойти вниманием его роль в мини-войне с Индией в Кашмире в мае-июле 1999 г. К тому времени он уже командовал ею и нес прямую ответственность за действия регулярных частей по поддержке боевиков, перешедших линию контроля в секторе Каргил⁴⁵. Трудно найти исчерпывающий ответ на вопрос о мотивах, побудивших армию, по всей видимости, не согласовав свои действия (вообще или в полной мере) с премьер-министром, начать в конце 1998 г. подготовку к операции. Не исключено, что главный причиной было желание «подставить» премьера, чтобы ослабить его диктаторские поползновения. При этом Мушарраф, надо полагать, разделял общее мнение в армии относительно ситуации в Кашмире, надеялся на поддержку Китая, особенно после произведенных Индией в мае 1998 г. ядерных испытаний, и ставил перед собой несколько целей, из которых удалось вполне добиться только одной – урезонить аппетиты премьера и даже стать на его место. Ибо военный переворот вряд ли тщательно готовился заранее, он был скорее контрпереворотом, спонтанной реакцией на попытку премьера Шарифа отправить

⁴⁵ См: *Mazari S.M. The Kargil Conflict 1999. Islamabad, 2003.*

Мушаррафа в отставку, а затем произвести замены в руководстве армии, поставив ее под свой контроль⁴⁶.

О нежелании армии брать на себя в конце 1990-х гг. всю полноту ответственности за положение в стране говорит многое. И это понятно: уж больно тяжелым оно было к тому времени, и слишком большому риску подвергалась бы в случае неудачи репутация армии. Но положение обязывает. И Мушарраф на посту «главного исполнителя» (новое название для старой должности) действовал достаточно решительно, хотя направление политики выбирал, как думается, на ощупь, иногда оступаясь и отступая.

В экономической области он определился быстро, пригласив на пост своего советника по финансовым вопросам высокопоставленного чиновника из американского «Ситибанка» Шаукат Азиза. С его помощью – Азиз в дальнейшем стал министром финансов, а с 2004 г. премьер-министром – Пакистан встал на путь экономической либерализации, к которой, надо сказать, неоднократно пытались приступить и раньше, но инерция, заложенная при З.А. Бхутто и упроченная при Зия уль-Хаке, а также возникшая с течением времени тесная связь представителей правящих кругов, закулисного «истеблишмента», с интересами государственного сектора активно мешали этому процессу.

Зато в политико-идеологической и внешнеполитической областях у Мушаррафа были колебания. С одной стороны, он не мог не считаться с силой исламистских и происламских настроений в обществе в целом и в кругах, близких к принятию государственных решений. Пакистан в то время был одной из трех стран, поддерживавших дипломатические отношения с режимом талибов в Афганистане, и делал вид, что ничего не знает о направляемой оттуда деятельности «исламистского интернационала» (бен Ладена и его «Аль-Каиды»).

С исламистами к тому же его сближала политика в Кашмире, жесткая риторика в отношении Индии. С другой стороны, Мушарраф был явно не из числа фундаменталистов по убеждениям. В этом он расходился с Зия уль-Хаком и напоминал Айюб Хана. Запретив поначалу политическую деятельность и поумерив страсти, он стал зондировать почву для проведения умеренно происламского курса. В одном из первых публичных заявлений он выразил восхищение

⁴⁶ Москаленко В.Н. Основные черты и особенности политического развития Пакистана // Ближний Восток и современность. М., 2003. Вып. 17. С. 307–309.

деятельностью Атаюрка, которая имела, как известно, отчетливо светский характер⁴⁷.

Колебания продолжались вплоть до 11 сентября 2001 г., хотя еще в августе того года он запретил две наиболее одиозные исламо-экстремистские организации, стремясь приглушить в стране остроту межсектантских конфликтов и кровавых разборок. Однако лишь поддержав США в афганской кампании, Мушарраф стал в целом относительно последователен в своей внутренней и внешней политике. Он, в частности, заменил проталибски настроенную верхушку влиятельной Межвидовой войсковой разведки (Inter-Service Intelligence), а в начале 2002 г. публично объявил войну исламистам как относительно умеренного, так и радикального толка, запретив целый ряд их организаций и на время арестовав почти всех политических лидеров происламского движения. Одновременно с этим он стремился не капитулировать перед давлением Индии и сосредоточил вдоль границы с ней основную часть своей армии в ответ на аналогичные действия Дели, спровоцированные террористическими актами связанных с Пакистаном исламистов.

Опасность войны миновала только в июне, а уже в октябре Мушарраф столкнулся с проблемой политического устройства после организованных им выборов в парламент (восьмых по счету). Пропрезидентская партия получила только четверть голосов, хотя по числу мандатов и вышла на первое место. Успех сопутствовал в то же время и партиям сторонников двух бывших премьер-министров (Б. Бхутто и Н. Шариф), находившихся за рубежом в изгнании. Высокого для себя результата, не без помощи военных, добились религиозные партии, объединившиеся в блок «Муттахида маджлис-е амаль» (ММА, Единый фронт действия). Они получили 20% мест в Национальном собрании, возглавили правительство в СЗПП и вошли в правящую коалицию в Белуджистане. Руководитель происламской фракции впоследствии стал лидером парламентской оппозиции, а в сенате ММА уверенно заняла по числу сторонников второе место вслед за правительственной Пакистанской мусульманской лигой им. Каид-и-азама (М.А. Джинны).

Как стало известно позднее, выборы 2002 г. отличались грубыми подтасовками. По обнародованным в сентябре 2011 г. данным Избирательной комиссии Пакистана, 65% голосов в Белуджистане оказа-

⁴⁷ Cohen S.P. The Idea of Pakistan. P. 275.

лись поддельными, в Синде их число составило 54%, в СЗПП – 43, а в Панджабе – 41%⁴⁸.

В начале 2004 г. режиму удалось кое-как решить проблему легитимности президентской власти Мушаррафа. Федеральные и провинциальные законодательные органы подтвердили законность его избрания президентом на референдуме в апреле 2002 г. на пятилетний срок. Светская оппозиция (условно светская, т.к. в Пакистане основные партии декларируют приверженность исламским ценностям в политике) голосовала против, а представители ММА воздержались, поверив в обещание генерала к концу года выполнить главное их требование – «снять форму», т.е. покинуть пост начальника штаба армии. Под таким демократическим предлогом они, возможно, надеялись ослабить его позиции среди военных и, вызвав там раскол, способствовать приходу к власти более происламски настроенного генерала. Однако Мушарраф нарушил обещание и занимал две высшие должности – гражданскую и военную – вплоть до конца своего правления, который фактически наступил 28 ноября 2007 г., т.е. дня, когда он отказался от занимаемой им высшей военной должности и уступил пост начальника штаба армии генералу А.П.Кияни.

Надо отметить, что кризис военно-парламентского режима быстро развивался с начала того года. Под давлением внутренних и внешних факторов Мушаррафу пришлось согласиться на возвращение из-за границы сначала Б.Бхутто, а затем и Н.Шарифа. Хотя в октябре он был избран президентом на новый пятилетний срок, Верховный суд отказался признавать его избрание. Это-то и подвигло генерала к введению 3 ноября чрезвычайного положения и замене всего состава Верховного суда. Новым составом высшей судебной инстанции он был приведен к присяге как президент на другой день после оставления им высшей военной должности. 15 декабря чрезвычайное положение было отменено, но стать легитимным президентом Мушарраф не смог и в августе 2008 г. ушел в отставку.

Избранный в сентябре президентом Асиф Али Зардари был мужем Беназир Бхутто, погибшей 27 декабря 2007 г. в результате теракта в Равалпинди. На выборах в феврале 2008 г. успеха добилась партия Беназир, которую возглавил ее овдовевший супруг. Коалиционное правительство во главе с ПНП оставалось у власти в течение всех пяти лет, отведенных конституцией, что явилось беспреце-

⁴⁸ Сведения опубликованы в пакистанской газете «Трибюн экспресс» 22.09.2011. Цит. по: *Grare F. Balochistan. The State versus the Nation*. P. 11, 26.

дентным достижением в истории страны. Однако ни А.А. Зардари, ни премьер-министр Ю.Р. Гилани по ряду причин не стали лидерами авторитарического типа. Черты авторитарности были, казалось, присущи начальнику штаба армии, фактическому верховному главнокомандующему вооруженными силами Пакистана генералу Ашфаку Кияни. Но встать во главе нового военного режима ему не довелось.

Заключение

Итак, степень авторитаризма, или личной авторитарности, не была одинаковой на различных этапах существования страны, однако наличие этого компонента как в высшей степени характерного для ее политической культуры и устройства власти представляется бесспорным. Политическую систему и сегодня можно считать пока лишь номинально или формально демократической, поскольку в большинстве парламентских партий, за очень редким исключением, отсутствует внутренняя демократия, нет дискуссий и обсуждений, не налажен контакт между низовыми организациями и руководством, не происходят реальные и регулярные выборы в партийные органы. Между тем, некоторые из этих требований уже заложены в конституции, и их соблюдения (в частности, выборности партийных органов) требует избирательная комиссия. Пока демократизация партийного устройства находится в самом начале. Основным принципом построения партий остается верность лидеру, а зачастую и семейному клану, к которому он принадлежит.

Это в полной мере касается и ныне правящей, после победы на выборах в мае 2013 г., Пакистанской мусульманской лиги, персоналистская суть которой проявляется даже в названии – ПМЛ лидера, Наваза Шарифа. Он в ближайший период, скорее всего и будет олицетворять персоналистское начало в системе политической власти страны. Характерно, что, в третий раз став премьер-министром, Шариф оставил за собой портфели министра обороны и иностранных дел.

В отличие от прежней, сложившейся в 2008–2013 гг, конфигурации сил с наличием четырех важнейших по влиятельности постов – президента, премьера, начштаба армии и главного судьи – нынешняя система будет, по-видимому, проще: основные рычаги управления сосредоточатся у премьер-министра. Впрочем, такая концентрация власти формально соответствует новой редакции конституции, в которую парламент прежнего созыва внес в апреле 2010 г. поправки, существенно укрепившие функции премьера. Конституция в ны-

нешнем виде имеет классический парламентский вид, где президенту отводится лишь церемониальная роль, а парламент контролирует деятельность кабинета министров. Но в условиях однопартийности, т.е. абсолютного преобладания в нижней палате членов партии Шарифа, парламентский контроль будет слабым. Впрочем, в сенате его партия пока (вплоть до новых косвенных, голосами парламентариев, выборов) не имеет большинства. Новым президентом в сентябре 2013 г. корпусом выборщиков, состоящим из депутатов федерального парламента и провинциальных законодательных собраний, избран кандидат от ПМЛ-Н известный бизнесмен из Карачи Мамнун Хусейн.

Станет ли Наваз Шариф автократическим лидером, легитимно исполняя функции премьера? В свое время такое сделал З.А. Бхутто. Отмеченное выше отсутствие внутрипартийной демократии и сменяемости руководства, фактор личной преданности при назначении на высшие партийные и государственные посты, по-видимому, позволят ему сделать это. При этом велико будет значение его собственных представлений и предпочтений относительно существа как внутренней, так и внешней политики страны⁴⁹. Выявление персоналистско-авторитарного стиля руководства займет, однако, некоторое время. Признаками такого стиля станет отказ ПМЛ-Н от начатого ею летом 2013 г. сотрудничества с другими парламентскими партиями, а также представителями влиятельных общественных сил. Кроме того, авторитаристский компонент может проявиться в отношениях политического руководства с армией и ставшей весьма влиятельной за последние годы судебной корпорацией. Наконец, серьезное значение будет иметь характер связи между властью и формирующимся гражданским обществом. Важнейшим обстоятельством, наконец, станет успех или неуспех политики руководства страны, возглавляемого Н. Шарифом. Чем больше будет продолжаться успешное, пусть даже относительно успешное, правление, тем больше, по всей видимости, будет проявляться персонифицированный характер высшей власти.

⁴⁹ Об ожиданиях в отношении некоторых основных направлений политики Н.Шарифа, исходящих из предыдущего опыта управления им страной, см: *Москаленко В., Топычканов П.* Сила и слабость Пакистана. Московский центр Карнеги, 2013. С. 31–32.

Глава 5. Идеологическое государство

Судьба Пакистана вызывает ныне повышенное внимание. Это одно из крупнейших по населению государств с числом жителей более 200 млн. человек. Занимая по демографическому показателю шестое место в мире, страна к 2020 г. должна перейти на пятое, а затем и четвертое место, после Китая, Индии и США. В то же время, быстро растущее население «умещается» на площади всего в 800 тыс. кв. км. В отличие от Индии, где обрабатываемая земля превышает 60% общей территории, в Пакистане горы и пустыни делают непригодными для земледелия около трех четвертей площади. К тому же, все более сказывается нехватка воды для искусственного орошения, от которого зависит 80% урожая. В расчете на душу населения наличие пресноводных ресурсов в годовом исчислении за последние 50 лет сократилось в пять раз, еще в начале века приблизившись к критическому уровню в 1000 кубометров¹.

Понятно, что мировое общественное мнение обеспокоено не только этой тревожной ситуацией, но и тем, что она сложилась в государстве без глубоких исторических традиций, внутренне недостаточно прочном, расположенном на стыке трех современных геополитических регионов – Южной, Центральной и Западной Азии. Пакистан давно уже находится в непосредственном и тесном контакте с одной из главных болевых точек мира – Афганистаном – и сталкивается с серьезным вызовом со стороны крайних исламистских сил. Ассоциируемые с Пакистаном проблемы безопасности осложняются из-за того, что он обладает прошедшим испытания ядерным оружием и ракетными средствами его доставки. Через эту страну пролегают пути транспортировки наркотиков из Афганистана, где производится сегодня свыше 90% мирового героина.

Находясь как государство в эпицентре борьбы с международным терроризмом, Пакистан сам является почвой, на которой про-

¹ Waslekar S. The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations Inside:Fire, Water, Earth. Mimbai, 2005. P. 55.

цветает питающий его религиозный экстремизм. На протяжении 2007–2010 гг. страна пребывала в состоянии острого внутривнутриполитического кризиса. Его осложняла ситуация в экономической области и в сфере безопасности. Особенно тяжелым выглядело положение на северо-западе страны, в горном массиве на границе с Афганистаном. Там государство временами теряло контроль и было вынуждено восстанавливать его с помощью армии.

С 2010 г. наблюдался постепенный выход из острой фазы кризиса, завершением чего явились проведенные в мае 2013 г. парламентские выборы. Вместе с тем, экономическая ситуация и положение в области безопасности продолжают внушать большие опасения.

Отметим, что Пакистан далеко не обделен ни природными ресурсами, ни накопленными богатствами, ни современной научно-технической базой. По уровню душевого дохода он в несколько раз превосходит соседний Афганистан, а также такие государства Южной Азии, как Непал и Бутан, и лишь немного уступает Индии. Достаточно заметен прогресс страны и в политико-культурной области, но противоречия и конфликты раздирают общество, делая его неуверенным в себе, склонным к фатализму и саморефлексии.

Оттого так остро стоит в случае с Пакистаном вопрос о том, считать ли его провальным, несостоявшимся государством (*failed state*) или оно все-таки «состоялось», будет развиваться и впредь, превратившись в одно из крупных не только по населению, но и по агрегатным экономическим показателям и весу в региональной и мировой политике. Другой вариант его эволюции – превращение в оплот джихадизма, в эпицентр его распространения по всему исламскому Востоку.

От постколониального государства к идеологическому

Пакистан поначалу был типичен для новых государств, возникших после окончания Второй мировой войны в результате освобождения от зависимости классического для колониализма заморского (территориально дезинтегрированного) образца. Главными виновниками его появления на «политический свет» можно считать три фактора – социальный, политический и личностной, а именно: обострение коммуналистских антагонизмов в Британской Индии в период между мировыми войнами XX века; усиление взаимной отчужденности политических элит из разных религиозных

общин накануне, во время и по окончании войны; твердость характера и политическая энергия лидера индийских мусульман М. А. Джинны (см. выше)

Хотя страна, как принято утверждать, была образована по конфессиональному признаку, идея Джинны не состояла в создании исламского государства. Секулярист и англофил, только ближе к концу жизни ощутивший значимость принадлежности к общности мусульман, «отец-основатель» нового государства ставил перед собой иную задачу – защитить мусульман Индии, менее сильную часть ее населения, от неминуемого, как он считал, после ухода англичан притеснения со стороны более искушенных и богатых индусов и сикхов.

Пакистанский доминион, образованный в 1947 г. как единство двух территорий, к западу и востоку от Индии, поначалу не отличался от нее по характеру и принципам государственного устройства. Обе страны унаследовали основные черты колониальной политико-юридической системы и приступили к постепенному ее преобразованию.

В принятой Учредительным собранием в 1949 г. (уже после смерти Джинны) «Резолюции о целях», ставшей декларацией об основах конституционного устройства, было зафиксировано особое представление мусульман о характере государства, прописан постулат о зависимости власти от воли Аллаха. Исламские положения остро критиковались членами собрания из числа немусульман, представлявшими главным образом «восточное крыло» государства, и послужили первым шагом на пути создания религиозно-идеологического государства².

Понятие идеологического государства часто ассоциируется с именем французского философа – неомарксиста Л.Альтюссера, В 1960–70-х годах он выдвинул концепцию идеологических государственных аппаратов (инструментов) в их отличии от собственно репрессивных в условиях классового, буржуазного строя³. Выходя за рамки марксистских подходов, стоит отметить особую значимость идеационных ценностей («мягкой власти»), как и влияние «обрученных» с ними социально-профессиональных групп в любом государстве по мере увеличения его институциональных раз-

² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. С. 69–71.

³ См: *Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology / ed. S.Jijek. L. 1994.*

меров. Интересно также, что, оперируя европейским материалом, Альтюссер придает важнейшее значение религии и христианской идеологии.

Постепенному превращению Пакистана в идеологическое государство способствовали отъезд значительной части богатых, влиятельных и образованных индусов из пакистанской Восточной Бенгалии в Индию. В результате этих процессов представленность немусульман в законодательных органах Пакистана заметно сократилась, что облегчило появление в 1953 году в ходе обсуждения проекта Конституции и нового названия страны – Исламская республика⁴.

Принятая в 1956 г. Конституция не только провозглашала создание исламской по названию республики (впервые в мировой истории), но и содержала ряд законодательных установлений, ставивших мусульман в особое, политически привилегированное положение. Только мусульманин, в частности, мог занимать пост президента, важной целью внешней политики провозглашалось содействие единству мусульманских стран, государству вменялось в обязанность способствовать религиозному образованию мусульман и отправлению ими религиозного культа. По мнению Ю.В.Ганковского и В.Н.Москаленко, все это, по сути, превращало ислам в государственную религию, несмотря на провозглашенную в конституции свободу вероисповедания⁵.

Здесь уместно вспомнить общую обстановку в мире. Преодолев травму тяжелейшей мировой войны, сознание людей, особенно в лидирующих государствах мирового сообщества, оказалось подвержено представлениям о неизбежности и благодетельности материального прогресса. На этом фоне популярность религиозных представлений снизилась. В Пакистане это особенно проявилось после военного переворота 1958 г. Прозападный режим во главе с президентом М. Айюб Ханом отличался заметным либерализмом в религиозных вопросах. В 1961 г. президент издает Указ, предоставляющий женщинам более широкие права в делах о наследовании и разводе, в 1962 г. принимается новая конституция Республики Пакистан. Однако и в этой конституции не обходится без прои-сламской преамбулы (текста «Резолюции о целях»).

⁴ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. С. 111.

⁵ Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана. М., 1975. С. 30–31.

Хотя режим Айюб Хана был светским прежде всего в расчете на внешних покровителей⁶, он нуждался в исламских скрепах уже потому, что слишком далеки были друг от друга по самоидентификации жители двух территориальных кусков страны. Велико было к тому же давление религиозных кругов. Не случайно собравшийся на свою первую сессию парламент, избранный в соответствии с Конституцией 1962 г. непрямым путем, незамедлительно принял решение о возвращении государству его прежнего названия Исламская Республика Пакистан⁷.

Произошедшее в конце 1971 г. отделение восточной части страны от западной усилило в Пакистане позиции традиционалистов от ислама. Этому же способствовал начавшийся тогда подъем мирового религиозного самосознания, охвативший в первую очередь исламский ареал. Немалую роль в «реванше бога», сыграло, как известно, резкое увеличение нефтяной ренты, получаемой монархиями Персидского залива, в первую очередь Саудовской Аравией. Ориентация на них стала естественной для Пакистана, чье геополитическое положение после отделения Бангладеш существенно изменилось – из страны, замкнутой на регион Южной Азии, он превратился в геополитически открытый, «стыковой» с выходами на Ближний Восток, в Китай, Центральную и Западную Азию.

Первые шаги к преобразованию Пакистана во вполне идеологическое, исламское государство были сделаны в 1970-х годах при таком, казалось бы, светском правителе, как Зульфикар Али Бхутто. Принятая в 1973 г. и действующая до сего времени конституция открыто провозглашает ислам государственной религией, допускает руководство страной лишь представителями этой религии, обязывает государство помогать верующим мусульманам в отправлении культа и углублении своих религиозных знаний. Среди немалога числа исламских положений значится и международно-политическая задача укрепления «братских» отношений с другими мусульманскими странами⁸.

Важной вехой на пути утверждения исламской идентичности «нового» Пакистана стало проведение в 1974 г. исламского саммита, второго после конференции мусульманских лидеров в Марокко в 1969 г. Он укрепил незадолго до того появившуюся Организацию

⁶ Haqqani H. Pakistan between Mosque and Military. Wash., 2005. P. 16.

⁷ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. С. 218.

⁸ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi, 1973. Article 40.

Исламской конференции (ОИК). Под давлением ортодоксальных кругов в Пакистане начались преобразования происламского толка. Секта ахмадия, основатель которой отказался от принципа конечности цепи пророков (*кхатм ал-анбийя*), по принятому в 1974 г. закону была провозглашена неисламской. В условиях политического кризиса 1977 г. Бхутто ввел ряд других мер – запрет на азартные игры, продажу алкоголя и т.п.

От идеологического государства к расхитительскому

Завершил процесс превращения Пакистана в исламское по господствующей идеологии генерал М. Зия уль-Хака, совершивший в июле 1977 г. государственный переворот. Исламизация стала, как выше уже отмечалось, главным способом легитимизации новой власти. После казни весьма популярного З.А. Бхутто в апреле 1979 г. Зия-уль-Хак осенью того года пошел на демонтаж парламентской системы правления. Он отказался от проведения выборов, запретил партии, ввел ограничения на политическую деятельность. В начале 80-х годов были введены исламские налоги (*закат* и *ушр*), запрещено взимание процента (*риба*), госчиновникам отвели места для обязательных молитв, в университетах и других высших учебных заведениях вводилось изучение «исламских наук». Образованные в рамках судебной системы шариатские суды начали применять исламские наказания (*худуд*), устраивались публичные бичевания, в том числе женщин по обвинению в прелюбодеянии. Права женщин при Зия уль-Хаке систематически игнорировались, и гендерная проблема стала зияющей раной⁹.

Расправа с противниками режима, «брутализация» политики под флагом ислама трансформировало государство не только в идеологическое, но и тотально-репрессивное. Однако тоталитарности власти препятствовала экономическая зависимость от Запада, встроенность в международную систему на правах подчиненного игрока. Поддержав диктатора в интересах борьбы с «мировым коммунизмом» в соседнем Афганистане, Запад в лице США заставил руководство Пакистана смягчить формы подавления политической оппозиции. После значительного срока, проведенного в тюрьме, на свободу была отпущена и выехала за рубеж дочь З.А. Бхутто

⁹ Malik I.H. State and Civil Society in Pakistan. Oxford, 1997. P. 146–150; Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 270–279.

Беназир, фактически возглавившая после смерти отца созданную им в 1967 г. Пакистанскую народную партию (ПНП).

«Исламизация сверху» кардинально изменила культуру и государства, и общества, уничтожив в последнем остатки синкретизма (сочетание традиций, влияние индуизма, часто не вполне осознаваемое, на бытовом уровне). Хотя военные, в конечном счете отказались от опоры на происламские партии (в 1978-79 гг. они предоставляли им места в правительстве), в основе их действий лежала идеологическая программа религиозно-ортодоксальных сил. В результате отсылающая к фундаментальным религиозным принципам теория известного богослова А.А.Маудуди и практика основанного им «Исламского общества» («Джамаат-и ислами») и ряда других организаций, примыкающих к деобандской школе ортодоксального суннизма, потеснила позиции так называемого народного, низового ислама, а также влиятельных суфийских орденов.

Исламские реформы Зия уль-Хака, помимо этого, привели к серьезному обострению противоречий между суннитами и шиитами. По числу шиитов Пакистан уступает лишь Ирану, где тогда же происходил похожий «исламский ренессанс». Вдохновленные примером Ирана, пакистанские шииты выступили против суннитских нововведений военных властей. В стране возникли оппозиционные шиитские партии и организации, прошли массовые манифестации протеста¹⁰.

С середины 1980-х годов участились случаи кровавых столкновений представителей суннитских и шиитских молодежных организаций, которые становились все более «боевыми». Этому в большой степени способствовала война в Афганистане, развернувшаяся по другую сторону от северо-западной пакистанской границы. Она сделала более доступным и дешевым стрелковое оружие, прежде всего автоматы Калашникова советского и китайского производства и их пакистанские имитации¹¹.

Афганская война способствовала превращению исламского идеологического государства в подобие расхитительского или хищнического. Согласно концепции американского историка Ч. Тилли, государства в Европе в начале Нового времени создавались и укреплялись в условиях постоянных войн и насилия, и

¹⁰ Pakistan Founder's Aspirations. P. 244–262.

¹¹ Пахомов Е. Зона племен // Итоги. 5 мая 2000. С. 40–41.

поступали как хищники, пользовавшиеся правами узаконенного насилия для рэкета – деньги в обмен на безопасность¹². Под воздействием афганской войны в 1980-х годах в Пакистан хлынул поток беженцев, главным образом пуштунов из южных и восточных провинций. Лагерь беженцев, образовавшийся в соседних с афганскими районами провинции Белуджистан и Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), а также на Территории племен федерального управления (ТПФУ), обустроивались в основном за счет международной благотворительной помощи, которая в значительной степени расхищалась чиновниками пакистанского госаппарата. Сходное воздействие имели поставки военных грузов¹³.

Оседавшие в карманах чиновников средства пускались в оборот, так или иначе связанный с войной (*джихадом*). Они шли на создание сети религиозных школ и семинарий, строительство новых мечетей, религиозно-благотворительных фондов и т.п. Незаконные средства наращивались за счет наркоторговли, контрабанды оружия и товаров широкого потребления, а также скрытых от налогообложения строительно-подрядных работ. В зоне племен «расцвели» рыночные центры (Бара, Ландикотал и др), где продавались ввозившиеся в Афганистан и тут же пересекавшие границу в обратном направлении товары длительного пользования. Метастазы подпольной, «черной» экономики захватили крупнейший город-порт страны Карачи и главные торгово-транспортные пункты, ведущие от него в Кветту (столицу Белуджистана), Лахор (Панджаба) и Пешавар (СЗПП). Контроль за незаконной торговлей, а заодно и перевозкой обычных грузов, в том числе военных, перешел по большей части в руки пуштунской и афганской мафии¹⁴.

По расчетам ряда исследователей, «черная» (антиобщественная) и «серая» (укрытая от казны) экономическая деятельность разрослась многократно, и ее обороты по стоимости приблизились к половине официального ВВП. Идеологическое государство ока-

¹² См: Tilly C. Coercion, Capital, and European States. Oxford, 1992.

¹³ См: Duncan E. Breaking the Curfew; О «черной», «серой» или параллельной экономике, получившей толчок в 1980-х годах, в частности и из-за войны в Афганистане см: Жмуйда И.В. Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы). М., 1988. С. 120–133.

¹⁴ Жмуйда И.В. Афганские беженцы в Пакистане // Афганистан и Пакистан: современное положение и перспективы развития. М., 2012. С. 86–98.

залось во власти коррупции, та проникла в его поры и разлагающе действовала на качество управления.

Смена военного правления в 1988 г. после гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе, (она, совершенно очевидно, была результатом диверсии) на гражданское, формально демократическое, не затормозила процесс разложения государства и превращения его в хищнически-расхитительское. Участие Пакистана в междоусобной афганской войне продолжалось¹⁵. Изменение общей международной обстановки привело весной 1992 г. к победе муджахедов над «коммунистами». Однако победители не смогли договориться между собой. Пакистанская армия и военная разведка пытались помирить афганские группировки, но тщетно.

С 1991 г. военно-экономическая помощь США Пакистану прекратилась. Президент США не смог подтвердить, что Пакистан не ведет разработок ядерного оружия, т.е. не нарушает поправок Саймингтона-Гленна и Пресслера, принятых Конгрессом в 1976, 1977 и 1985 гг. вызвало ожесточенную борьбу за оставшиеся ресурсы. Острые борьбы под национально-исламистскими лозунгами на время переместилось из Афганистана в индийский Кашмир. Там в начале 1990 г. вспыхнул мятеж, подавленный властями весьма жестко. Острое противостояние в Кашмире, затянулось и привело к десяткам тысяч жертв. При этом Пакистан, по существу, вел там непрямую войну (Proxy War), через агентов, и посредников, вплоть до кризиса в отношениях с Индией 2001 и 2002 гг., окончания активной фазы противостояния в Кашмире весной 2003 г. и начала «комплексного диалога» по всем спорным вопросам между Исламабадом и Дели¹⁶.

Не прекращалась и вовлеченность пакистанских структур в афганские дела. Министерство внутренних дел, имеющее полувоенные формирования, и Межвидовая войсковая разведка (ISI) сыграли активную роль в создании первых отрядов талибов, молодых афганцев, учащихся религиозных школ в лагерях беженцев. В дальнейшем, особенно после того как в 1996 г. бойцы афганского движения Талибан взяли Кабул, произошло охлаждение отноше-

¹⁵ Об участии Пакистана и его военной разведки в афганской войне см. мемуары руководителя афганского бюро Директората межвидовой войсковой разведки бригадного генерала М. Юсуфа: *Yousuf M, Adkin M. Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of a Superpower.* Barnsley, 2001 (first ed. 1992).

¹⁶ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. С. 463–464.

ний между ними и их пакистанскими покровителями. Пакистан не получил каких-либо выгод для себя. Новая власть отказалась, в частности, признать в качестве официальной фактическую границу между двумя государствами, проходящую по так называемой «линии Дюранда». Более того, в лице талибского Афганистана Пакистан получил беспокойного соседа, откуда исходили угрозы для его северо-западных границ¹⁷. Столь же разочарованным был Вашингтон, где надеялись на нормализацию обстановки при власти талибов и осуществление проектов по транспортировке нефти через афганскую территорию¹⁸.

После 1996 г. главное значение для талибов приобрела их тесная связь с арабской по составу экстремистской организацией «Аль-Каида». Перебравшийся в 1996 г. в Афганистан из Судана ее лидер Усама бен Ладен организовал лагеря подготовки бойцов-джихадистов в зоне афгано-пакистанского пограничья (прежде всего в горном массиве Тора-Бора) и там в феврале 1998 г. объявил о создании антизападного фронта подпольной борьбы. Ее результатом стали взрывы у зданий американских посольств в Восточной Африке летом 1998 г., а ответом бомбовые атаки дальней авиации США на лагеря «Аль-Каиды» в Афганистане.

Атаки с воздуха не принесли того результата, на который были рассчитаны – ни бен Ладен, ни другие руководители международной джихадистской организации не пострадали, но некоторое число боевиков, в том числе и пакистанцев, были убиты и ранены. Между тем, опасность, исходившая от «Аль-Каиды» не была мифической. По некоторым сведениям в ее лагерях подготовки диверсантов за 1996–2001 гг. прошло обучение около 30 тыс. человек со всех концов света¹⁹.

Террористические атаки 11 сентября 2001 г. привели к переходу правительства генерала П. Мушаррафа на сторону коалиции из войск США и Англии, которая неожиданно быстро, менее чем за два месяца, разгромила талибов.

¹⁷ Hussain Z. Frontline Pakistan. The Struggle with Militant Islam. N.Y., 2007. P. 30–32.

¹⁸ Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban / ed. W. Maley. Lahore, 1998. P. 90–91, 97–100.

¹⁹ Rashid A. Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan and the Central Asia. N.Y., 2009. P. 16; Sial S. Taliban on the march. Threat assessment and security implications for the region // Conflict and peace studies. Islamabad. vol.2. N.3. P. 27–42.

Между тем, тайная роль пакистанских спецслужб в Кашмире и Афганистане «освящалась» одним джихадистским знаменем и способствовала укоренению в стране исламистской инфраструктуры. Та в свою очередь усиливала этнополитические и религиозно-политические трения и коллизии, служила питательной средой для nepoтизма и коррупции, разбоя, вымогательств и других проявлений криминальной субкультуры.

Крупнейший город Пакистана, Карачи, на долгие годы превратился в арену вооруженной борьбы. Между 1994 и 2001 гг. там было убито около 4 тыс. человек. Крайне неблагоприятной оставалась ситуация и в провинции Панджаб²⁰.

С приходом к власти военных в 1999 г. страсти несколько улеглись. Но летом 2003 г. в Кветте, главном городе провинции Белуджистан, неизвестные расстреляли 12 молодых шиитов-хазарейцев, проходивших подготовку для службы в местной полиции. И это было только началом гражданской смуты, охватившей в дальнейшем Пакистан.

Лишь в короткий период времени, после кризиса в пакистано-индийских отношениях, связанного с нападением террористов на здание парламента в Нью-Дели 13 декабря 2001 г., и его смягчения, благодаря запрету на исламистские партии и организации, введенного вслед за речью главы пакистанского государства 12 января следующего года, складывалось впечатление, что Пакистан всерьез намерен бороться с угрозами религиозного экстремизма. Однако уже к марту-апрелю иллюзии рассеялись – арестованные и посаженные под домашний арест лидеры исламистских организаций были выпущены на свободу, им дали возможность реорганизоваться. Референдум по избранию Мушаррафа президентом, организованный в апреле, показал, что генерал мало отличается от предшественников во власти и идет на повторение их ходов²¹.

Грубая подтасовка результатов референдума, принятие в августе Указа о рамках законности, содержащий 17-ю поправку к конституции, и проведение выборов в парламент в октябре 2002 г. были отмечены печатью цинизма и безразличия к общественному мнению. Более того, армия и военная разведка, как это уже отмечалось, помогли происламскому Единому фронту действия (ММА, *Муттахида маджлис-е амал*) показать высокий результат.

²⁰ The Future of Pakistan. The Jihadi Culture. Mumbai, 2002. P. 54.

²¹ Rashid A. Descent into Chaos. P. 147, 150–151.

В пуштунской Северо-Западной пограничной провинции ММА получил большинство и сформировал правительство. В соседнем Белуджистане представители Фронта фактически возглавили коалиционный кабинет. При «легальных исламистах», находившихся у власти в СЗПП и Белуджистане до 2007 г., экономика запада и северо-запада страны пришла в глубокий упадок, произошло усиление организованной преступности, контрабанды, торговли наркотиками.

На положении в провинциях сказывались не только «заметённое под ковер» неблагополучие в Пакистане, но и ситуация в Афганистане. Большую долю ответственности за «нисхождение в хаос» всего афгано – пакистанского ареала несут американцы. Их действия в Афганистане после победы над талибами многие обозреватели и аналитики рассматривают как цепь крупных просчетов и ошибок. Министерство обороны США и ЦРУ не оказали достаточной помощи центральному правительству в Кабуле, а решили опереться на полевых командиров («военных лордов»). Такие действия, по сути, возродили сложившуюся в период между 1992 и 1996 гг. фрагментацию Афганистана на ряд областей, где всесильными оказались предводители местных вооруженных формирований²².

Кроме того, американцам не удалось предотвратить перемещение талибов в Пакистан, где они расположились на юге пуштунского пояса, в северо-западных округах провинции Белуджистан (Кветте, Пишине, Зхобе и Лоралаи). Одновременно в более высокогорную часть пуштунского пояса бежали из Афганистана «алькаидовцы». Затаившись там, они дожидались момента для новых действий²³.

Такой момент настал после начавшегося в марте 2003 г. вторжения войск США и Англии в Ирак. Не закончив одну войну, западная коалиция вступила в другую. Вскоре стало очевидно, что американских сил не хватает на ведение двух войн одновременно. Погрязнув в Ираке, США передоверили сохранение порядка в Афганистане НАТО, под руководство которого с 2003 г. перешли созданные годом ранее Международные силы содействия безопасности (МССБ).

Для Пакистана все это означало перетекание войны на его территорию и прямое участие в «войне с террором». Экстремисты по-

²² Rashid A. Descent into Chaos. P. 125–144.

²³ Hussain Z. Frontline Pakistan. P. 120–122.

пытались нащупать слабое место в противостоящих им силах и в качестве мишени выбрали главу Пакистана. В декабре 2003 г. их люди в пакистанской армии подготовили и совершили с интервалом в две недели две серьезнейшие попытки убить Мушаррафа²⁴.

Хотя попытки оказались неудачны, определенный эффект они, по-видимому, возымели, ибо в дальнейшем покушения прекратились. Не исключено, что Мушарраф пошел на удовлетворение каких-то требований исламистски настроенных военных кругов. Весной 2004 г. началось, но вскоре закончилось провалом наступление армии на позиции пакистанских талибов в горах ТПФУ (в политических агентствах Южного и Северного Вазиристана). Столь же неудачными были меры, предпринятые военными против талибов и в дальнейшем²⁵.

Наступило шаткое равновесие, которым Исламабад воспользовался для наведения мостов с Индией и США. С Дели он вступил в «комплексный диалог», который вел в наступательном стиле, а от Вашингтона получил выделение значительных средств в счет погашения расходов на ведение войны с террором, т.е. для поддержания разросшихся до непосильного для страны предела вооруженных сил. Чтобы облегчить их выделение в обход Конгресса администрация Буша присвоила Пакистану статус «главного союзника вне НАТО по борьбе с терроризмом». В 2003 г. пакистанские военные заказали себе оружие на 3.8 млрд., а в 2006 г. – на 6 млрд. долл.²⁶.

В октябре 2005 г. контролируемая Пакистаном самопровозглашенная республика Азад (свободный) Кашмир, где располагалась основная масса беженцев-кашмирцев из Индии, оказалась в эпицентре сильнейшего землетрясения. Значительная международная помощь, в том числе от США и других западных стран, была в значительной мере разбазарена, а частично попала в карманы экстремистам. Кроме того, и сами они смогли оперативно отреагировать на чрезвычайную ситуацию, приняли участие в спасательных работах и реабилитации пострадавших и заработали тем самым немало очков в пропагандистско-репутационной войне²⁷.

²⁴ *Rashid A. Descent into Chaos. P. 230-233.*

²⁵ *Hussain Z. Frontline Pakistan. P. 148, 153.*

²⁶ *Rashid A. Descent into Chaos. P. 229, 233.*

²⁷ *Levy A., Scott-Clark C. Deception. Pakistan, the United States, and the Global Nuclear Weapons Conspiracy. New Delhi, 2007. P. 438.*

Трудно рассчитать, какое именно воздействие оказали последствия землетрясения на боеспособность экстремистов, но через полгода, весной 2006 г. афганские талибы, используя Пакистан как свой тыл, перешли в наступление и нанесли ряд серьезных поражений коалиционным силам в южных провинциях Афганистана, главным образом в Кандагаре, Гильменде и Урузгане²⁸.

Хотя дела в Пакистане в 2003-2006 гг. развивались по внешне спокойному сценарию и характеризовались неплохими макроэкономическими показателями, за фасадом благополучия скрывались разложение военно-бюрократических, клерикальных и парламентских структур, усиление коррупции и nepотизма, победа религиозного обскурантизма. Все это сопровождалось подавлением оппозиции, преследованием отдельных ее представителей. В качестве инструмента подавления оппозиционных голосов использовалось Национальное бюро отчетности (National Accountability Board). В тюрьме оказались в этот период видные деятели Пакистанской народной партии, в том числе будущий премьер-министр Юсуф Раза Гилани, а также оппозиционной Пакистанской мусульманской лиги (Н, т.е. Наваз Шарифа). Лидер парламентской фракции этой партии Джавед Хашми был осужден на 17 лет (!) заключения по обвинению в заговоре против военных. Кривая жертв политических репрессий с 2006 г. пошла вверх²⁹.

Уже к началу 2007 г. стало ясно, что наступает кризис. Генерал Мущарраф, обеспокоенный проблемой сохранения власти (летом истекал пятилетний срок его пребывания на посту президента, а в октябре должны были проводиться очередные парламентские выборы) стремился не испортить отношения с исламистами. Видимо, поэтому власти оставили без ответа произошедший в январе захват экстремистами Красной мечети – религиозного-учебного комплекса в самом центре Исламабада³⁰.

Понимая, что вопрос о президенте во многом зависит от позиции Верховного суда генерал-президент решил предпринять упреждающие шаги и в начале марта отправил в отставку Главного судью, председателя Верховного суда Ифтихара М. Чаудхри.

²⁸ Rashid A. Descent into Chaos. P. 359–362.

²⁹ См: Pakistan Assessment 2010. New Delhi (Electronic resource)

³⁰ О захвате и силовой операции по освобождению Красной мечети в Исламабаде см. в частности: Пахомов Е. Пакистан-Афганистан: синдром неразделенных братьев // Pro et Contra. 2009. март-апрель. N 2 (45). С. 65.

Этот шаг военных вызвал гнев и осуждение общественности. В первых рядах протестующих оказались представители судейско-адвокатской корпорации. Судья И. Чаудхри проявил характер и не согласился с решением президента. Отказываясь от выдвижения политических требований, он по существу начал кампанию гражданского неповиновения. Его приезд в Карачи в мае 2007 г. привел к столкновениям между его сторонниками и полицией и привел к гибели 12 человек.

Между тем, засевшие в Красной мечети религиозные экстремисты устроили ряд провокаций и заставили Мушаррафа в июле пойти на штурм мечети. Плохо проведенная военная акция в центре столицы, в результате которой погибли более 100 человек, вызвало брожение в обществе и панику властей. Мушарраф в августе восстановил Чаудхри в правах Главного судьи, затем организовал, используя коррумпированность и оппортунизм парламентской оппозиции, выборы себя в качестве президента.

В предшествующей главе дан беглый обзор последующих событий и нет смысла здесь его повторять. Отметим лишь, что штурм Красной мечети вызвал уже осенью 2007 г. ответные действия исламистов – северо-запад страны подвергся усиливающимся террористическим атакам. Дело не ограничивалось северо-западом. Одну из атак они совершили 18 октября в Карачи во время проезда кортежа с вернувшейся в страну из изгнания Беназир Бхутто. В результате одного из самых кровавых терактов в мировой истории погибло более 160 и были ранены около 500 человек³¹.

Как выше отмечалось, второе покушение на Беназир в конце декабря привело к ее гибели. Она вызвала трехдневный паралич власти, большие материальные разрушения и жертвы среди населения. На выборах 18 февраля 2008 г. победила Пакистанская народная партия Б.Бхутто, но на втором месте с небольшим отрывом оказалась Пакистанская мусульманская лига другого противника Мушаррафа Наваз Шарифа.

После отставки Мушаррафа в августе и избрания сопредседателя ПНП А.А.Зардари президентом (в сентябре) процесс политического примирения, наблюдавшийся между ПНП и ПМЛ в годы их борьбы с военным режимом был прерван. Зардари пошел на обострение отношений с Шарифом, назначив на пост губернатора

³¹ *Bhutto B. Reconciliation. Islam, Democracy, and the West. N.Y., 2008 (posthumous edition). P. 11–12.*

провинции Панджаб, где ПМЛ-Н победила и сформировала правительство, своего выдвиженца. Второй камень преткновения – судьба дважды отставленного судьи Чаудхри – едва не привел к массовым беспорядкам в марте 2009 г. Под угрозой прямых действий против президента со стороны активно поддерживавших судью политических сил и почти всего судебном-адвокатского корпуса Зардари пришлось уступить. Но восстановленный судья не успокоился и в конце года добился отмены Указа о национальном примирении, принятого в сентябре 2007 г. в результате договоренности между Мушаррафом и Б. Бхутто. Тем самым была поставлена под вопрос чистота перед законом президента и многих политиков из его партии.

Борьба в верхах на этом не закончилась, между тем как ситуация для низов общества и средних его слоев, сосредоточенных в немногих крупных городах, ухудшилась. Рост инфляции в 2009 г., по официальным данным, превысил 10%, а по неофициальным был вдвое выше, и это при очень медленном росте экономики (на 2%). Особенное возмущение вызвал резкий подъем цен на сахар, вызванный беззастенчивой спекулятивной деятельностью оптовиков. Продолжались перебои со снабжением городов электроэнергией, росла безработица. Только благоприятные погодные условия и переводы от пакистанцев, работающих за границей, помогли спасти экономику от кризиса, т.е. сокращения ВВП, хотя в подушевом исчислении он наблюдался.

Ситуация в сфере безопасности в 2009 г. еще более накалилась. С мая по июль крупные подразделения пакистанской армии вели бои против талибов в Свате (СЗПП), а с октября по ноябрь – в полосе племен, главным образом в Южном Вазиристане. На обеих участках тяжело вооруженным и хорошо снабжаемым войскам сопутствовал успех. Пакистанские талибы и скрывающиеся на территории Пакистана экстремисты из других стран (члены «Аль-Каиды», Исламского движения Узбекистана и др.) понесли серьезные потери. В ответ они усилили террористические атаки против военнослужащих, полицейских и мирных жителей главным образом в северо-западном регионе. Число жертв терактов только за октябрь-ноябрь 2009 г. превысило 350 человек.

Жизнь на северо-западе страны оказалась во многом парализована, люди боялись покидать свои дома, сотни тысяч уехали из родных мест из-за опасений попасть под перекрестный огонь.

Проблема внутренних перемещенных лиц (по разным оценкам, от 200–300 тысяч человек до миллиона) превратилась в острейшую для пакистанского государства, которую она была вынуждена решать с помощью ООН и других международных организаций.

С начала 2010 г. положение в Пакистане несколько улучшилось. Продолжилось успешное развитие военных операций армии против экстремистов, Отрядам специального назначения, пограничному корпусу и полиции удалось подавить основные очаги сопротивления боевиков-талибов в ТПФУ и оттеснить их в самые труднодоступные горные районы. Действия пакистанского политического и военного руководства получили одобрение официальных лиц и военных кругов США и НАТО, с 2009 г. увеличилось число достаточно эффективных атак ракетами с американских беспилотных летательных аппаратов («дронов») по горным базам афганских и пакистанских талибов и международных джихадистских групп.

Одобрение антитеррористической деятельности Пакистана сопровождалось предоставлением ему значительной военно-экономической помощи. Только США стали выделять на эти цели (с того же 2009 г.) по 1,5 млрд. долл. в год. Международная поддержка способствовала известной стабилизации внутреннего финансово-экономического положения, но перебои со снабжением городов электроэнергией продолжались и вызвали весной 2010 г. массовое негодование и уличные протесты. Ситуация в последующие годы и в экономической области и в сфере безопасности оставалась сложной. Темпы роста экономики несколько выросли – до примерно 3-4 %, но с учетом исключительно высокого демографического прироста (3% в год), они были явно недостаточным для решения острых социальных и экономических проблем.

Отношения с США испортились с начала 2011 г. после убийства нештатным сотрудником ЦРУ Б.Дэвисом двух пакистанцев на улицах Лахора. Оно стало симптомом возросшего недоверия друг к другу служб безопасности и разведки двух государств. Не успел разрешиться этот скандал, как за ним последовала операция морского десанта США по убийству Усамы бен Ладена, Она была совершена в тайне от пакистанского руководства и в буквальном смысле под боком у него. Убежище «террориста № 1» находилось в 100 км от столицы Пакистана в г.Абботабад, где к тому же располагается главная военная академия страны. Тайная операция вызва-

ла нервную реакцию в Пакистане, и отношения между двумя странами вступили в период резкого охлаждения. Оно усугубилось в декабре 2011 г. после атаки боевых самолетов США на высокогорный лагерь пакистанской армии, расположенный близ границы с Афганистаном. Гибель «по случайности» 24 пакистанских военнослужащих послужила причиной замораживания контактов между военными США и Пакистана, но не привела к отмене пакета помощи, о которой шла речь выше. Оказалось, что США, несмотря на то что Пакистан является идеологическим государством с сильной исламистской составляющей, с одной стороны, нуждаются в нем как в партнере по решению афганской проблемы, а с другой, испытывают опасения по поводу превращения его самого в джихадистское государство с большим количеством взрывоопасных внутренних проблем. Кризис в пакистано-американских отношениях, постепенно ослабевая, был в целом преодолен лишь летом 2013 г.

Заключение

Итак, пакистанское государство постепенно приобрело черты идеологического, исламистского, с экономической точки зрения недостаточно эффективного, а по ряду параметров, и расхитительского, паразитирующего на общественных нуждах. Между тем как общество оказалось глубоко расколото по нескольким линиям – идеологической, конфессиональной, этнорегиональной и корпоративной.

В идеологическом плане раскол пролегал по уже отмеченным линиям сторонников светского (условно светского, с учетом специфики исламских обществ), умеренно прозападного пути, и приверженцев исламистского, консервативного, жестко антизападного направления. Это противостояние разрывает страну и по вертикали (социально) и по горизонтали, т.е. пространственно. Сторонников радикально-консервативного пути существенно больше на западе и северо-западе страны, ближе к Афганистану и Ирану. Но и там, особенно в пуштунской по преимуществу провинции Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. – Северо-Западной пограничной), достаточно сильны сторонники светской идеологии, выросшей из симбиоза левого радикализма и пуштунского национализма и представленной Народной (*авами*) национальной партией (ННП). Она уверенно победила на выборах 2008 г., но полностью проиграла на последних выборах 2013 г., хотя не исключено, что в этом случае

сыграл крупную роль фактор открытого и настойчивого запугивания сторонников ННП угрозами проведения против них диверсий и терактов.

Сложный синтез современного и традиционного проявляется в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Наиболее существенными представляются ныне накопившиеся претензии и текущие противоречия между такими региональными общностями, как панджабская и синдская, и такими конфессиональными, как суннитская и шиитская. В первом случае речь идет как об этнической самоидентификации, так и о региональной, связанной с осознанием общности интересов по принадлежности к двум крупнейшим провинциям – Панджабу и Синду. В последней численно преобладают синдхи и переселенцы из Индии после раздела 1947 г. (о них см. во Введении к данной книге). Острые когда-то трения между ними в последнее время притупились, хотя и не преодолены в полной мере. В то же время в провинции Панджаб усилилось разграничение между центрально-восточным и южным регионами. На юге провинции большинство использует в быту язык сирайки, который лингвисты обычно относят к диалектам панджаби.

Весьма важен для современного Пакистана раскол на военную и гражданскую, политическую и судебную, институционально-профессиональные корпорации. Армейскую элиту отличает строгая корпоративность, которая, как правило, не зависит от происхождения, но опирается на заслуги и межличностные связи и контакты. Военные имеют не только профессиональные, но и экономические интересы. За последние десятилетия военная корпорация обзавелась инвестиционными фондами, банками и страховыми компаниями. Армейская экономика охватывает многие сферы хозяйства, представляя собой одну из мощнейших финансово-промышленных групп в монопольно-олигархической рыночной политико-экономической системе³².

Адвокатско-судебная корпорация в целом слабее армейской, но на ее стороне связи с публичными политиками, с сообществом политико-партийных сил, гражданским обществом, представителями влиятельной в Пакистане прессы и телевидения. Судьи и адвокаты заинтересованы в соблюдении духа и буквы закона, с их деятельностью связывают обычно надежды на эффективно функ-

³² См: *Siddiq A. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, 2007.*

ционирующую демократическую систему. Хотя слой юристов, понятно, не идеален и не свободен от разлагающего влияния угроз и подачек, он в большей мере, чем военные, выражает, судя по всему, интересы среднего класса, более нетерпим к коррупции и разложению верхов³³.

Противостояние военной и гражданской институциональных корпораций может в определенной мере отражать борьбу государства против общества, бюрократии против интеллигенции. При этом она сопрягается с идеологической борьбой вокруг вопросов войны и мира с Индией, отношения к Западу, трактовки ценностей ислама, симпатий к традициям и реформам.

Результат противостояния по всем выше отмеченным линиям при сложном их сочетании и переплетении определит, сможет ли пакистанское государство эволюционировать в сторону «нормального» для современной эпохи, функционального института, полезного для общества и широких масс.

В случае неудачи, Пакистан ждет превращение в эпицентр религиозного экстремизма, в «Исламский эмират», который вновь охотно предоставит возможность выйти из укрытия наследникам бен Ладена и его организации. В распоряжении экстремистов при этом может оказаться пакистанское ракетно-ядерное оружие. Зная бесстрашие и безрассудство исламистских террористов, вряд ли есть сомнения, что для соседей Пакистана и всего достаточно большого региона вокруг него война с джихадистами станет подлинной катастрофой³⁴.

³³ Об особенностях отношений между гражданскими и военными институтами в Пакистане см, например: *Grare F. Reforming the Intelligence Agencies in Pskistan's Transitional Democracy. Wash., 2009.*

³⁴ О катастрофическом сценарии см: *Riedel B. Armageddon in Islamabad // The National Interest. 2009. July/Aug. N.102. P. 9–18.*

Глава 6. Политика исламизации и кризис власти

Историю Пакистана с точки зрения исламизации общества логично разделить на пять периодов. Первый из них – начальный, либерально-секуляристский, охватывал четверть века существования страны, возникшей в 1947 г., на обломках англо-индийской империи в форме двух удаленных друг от друга территорий в западной и восточной частях Индостана. Второй этап можно назвать переходным, продолжавшимся с момента образования в конце 1971 г. Пакистана в его нынешних границах до военного переворота в июле 1977 г. На этом этапе администрация З.А. Бхутто заменила свой первоначально левый популизм на правый, происламский. Третий период охватывает время исламизации общества, осуществленной военными во главе с генералом-узурпатором М. Зия уль-Хаком. Вопрос о сроке его завершения остается открытым. Некоторые авторы считают, что он не закончился до сих пор, несмотря на гибель в результате теракта самого инициатора исламизации в августе 1988 г. Больше оснований считать, что после смерти генерала наметились новые этапы, связанные не только с внутренней политической ситуацией, но и с вовлеченностью в конфликт с Индией в 1989–2002 г. из-за волнений в индийском штате Джамму и Кашмир и в противостояние в Афганистане. Втягивание Пакистана в афганский конфликт, начавшееся еще на рубеже 1970–80-х годов, заметно усилилось после военного вмешательства США и их союзников в конце 2001 г. Таким образом, выделяются еще два периода, совпадающие в основном с последним десятилетием XX и первой, а также началом второй декады лет XXI века.

Секулярная протоисламизация

Пакистанское государство возникло без исторического прецедента и единой этнической основы. Сначала появилась идея нового политического образования, казавшегося многим искусствен-

ным и нежизнеспособным, а затем уже ее реальное воплощение. Важно отметить, что пакистанский национализм сложился как идеология, опирающаяся на религиозный и территориальный, на этнический компоненты¹.

В планы «отца-основателя» Пакистана М.А.Джинна (1876–1948) входило создание страны с относительным мусульманским большинством. Джинна не предвидел появления государства, где мусульмане имели бы абсолютное превосходство и пользовались особыми правами. Недаром, накануне раздела колониальной Индии, 11 августа 1947 г., он произнес перед членами Учредительного собрания нового доминиона Пакистан часто цитируемые слова о том, что «...с течением времени, вы обнаружите, что индусы перестанут быть индусами, а мусульмане перестанут быть мусульманами, не в религиозном смысле, потому что это вопрос личной веры, но в политическом, как граждане государства»².

Предвидение Джинны оправдалось лишь отчасти. Гражданская общность получила формальное закрепление, но граждане, принадлежащие к разным конфессиям, оказались не вполне равноправными. Первое ущемление прав религиозных меньшинств связано с принятием конституции в 1956 г. В основном законе, разработанном, как выше отмечалось, после долгих дебатов и закулисной борьбы мнений, провозглашалось создание Исламской Республики (впервые, надо отметить, появилось такое название государства). В конституции было записано дискриминационное положение о том, что президентом страны может быть только мусульманин.

Вместе с тем, Пакистан на протяжении первого периода сохранял характер вполне светского государства, где существовала свобода вероисповедания. Ее обеспечивала как первая, так и вторая конституция, принятая в 1962 г. после военного переворота 1958 г. В конце 1950–начале 1960-х годов власти инициировали проведение ряда социально-экономических преобразований либерально-прогрессивного толка (см. выше). Помимо аграрной реформы, принятия нового законодательства по труду, реформирования сферы

¹ О теории вопросов нации, национализма, этнических групп см: Национализм в мировой истории. Под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана. М., 2007. С. 5–13; Тишков В.А., Шабанов Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2011. С. 52–74.

² *Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948.* Karachi, 1949. P. 9; *Wolpert S. Jinnah of Pakistan.* P. 340.

образования и административной системы, определенные изменения были внесены в такую чувствительную с точки зрения ислама область, как семейное право. В 1961 г. президентом был подписан указ, запрещающий полигамию и вступление в брак девушкам моложе 16 лет. Обязательной была объявлена регистрация браков в местных органах власти. Реформа семейного права, как замечает В.Н. Москаленко, не была ломкой традиционных мусульманских норм, т.к. она опиралась на принципы и дух Корана и старалась не выходить за рамки обычного права³.

Либеральная интерпретация исламских принципов была характерной особенностью всей политики властей в области религии и идеологии на первом этапе существования страны. Нужно при этом иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, общую обстановку в мире в первые послевоенные десятилетия – восстановление экономики, почти повсеместное повышение уровня жизни, наглядные проявления научно-технического прогресса, распространение секуляристских и атеистических идей. Э.Хобсбаум назвал эти годы «золотыми»⁴. Во-вторых, наличие в Восточном Пакистане довольно значительного немусульманского меньшинства (порядка 20%). Представители индусского населения на первых порах принимали активное участие в работе выборных органов Пакистана, а также правительства как центрального, так и восточнобенгальского. С их голосом и влиянием нельзя было не считаться⁵.

Между тем, значение второго фактора с течением времени уменьшилось. Доля немусульманского населения, главным образом индусов высших и низших каст, сократилась с 22 до 18% за десятилетие между 1951 и 1961 г.⁶ Исход немусульман, начавшись в 1946–1947 гг., продолжался, то усиливаясь, то ослабевая, на всем протяжении четвертьвекового существования страны в «двукрылом» виде. Из восточной провинции в Индию эмигрировали представители политической и экономической элиты индусов – богатые купцы и банкиры, увозили с собой (буквально «на себе») деньги и драгоценности.

³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. С. 192–194.

⁴ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004. С. 278–309.

⁵ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана. С. 198–203.

⁶ Пакистан. Справочник / отв.ред. Ю.В.Ганковский. М., 1966. С. 42–43.

Одновременно шел процесс переезда в страну из Индии мусульман, в том числе людей глубоко верующих, представителей сословия богословов, религиозных политических деятелей. Долго не принимавший идею раскола Индии по конфессиональному признаку, видный теоретик исламского фундаментализма и автор концепции «теодемократии» А.А. Маудуди в 1948 г. переехал в Пакистан. Тогда же туда переехали некоторые крупные богословы из Деобанда, города в Северной Индии, известного как центр консервативной, пуритской школы суннитского (ханифитского) ислама. С 1948 г. ведут отсчет своего существования в Пакистане основные религиозные партии – Джамаат-е ислами (ДИ, Общество ислама, во главе с Маудуди), Джамиат-е-улама-е ислам (ДУИ, Общество исламских богословов-деобанди) и Джамиат-е-улама Пакистан (ДУП, Пакистанское общество богословов, принадлежащих к менее ортодоксальной, более народной, «для низов», школе барелви)⁷.

Звонком, возвестившим о приходе воинствующего ислама на авансцену страны, стали события 1953 г. Выше о них уже шла речь. Две силы – ДИ и Маджлис-е-ахрар (Собрание борцов за свободу, возникшее в 1931 г. в самоуправляемом княжестве Джамму и Кашмир на волне выступлений против правления индусского махараджи) организовали погромы ахмадийцев, представителей секты, обвиненной ими в отступлении от ислама. Первые беспорядки на религиозной почве были подавлены с помощью армии и завершились громким судебным процессом, привлечшим внимание к фигуре Маудуди. Он был сначала приговорен к смертной казне, затем помилован, но провел несколько лет в тюрьме⁸.

Политику военного режима Айюб Хана можно назвать секулярным протоисламизмом. С одной стороны, военные оттеснили исламистов, как, впрочем, и других представителей политических сил, на обочину политической жизни, но с другой, активно использовали ислам в целях консолидации полиэтничного общества, распадавшегося, на большинство восточнобенгальцев (55% населения) и меньшинство жителей Западного Пакистан. Ислам, как синтез религии и идеологии, поддерживался военными как стержневой элемент пакистанского национализма особенно на первом

⁷ Энциклопедия Пакистана / отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., 1998. С. 102, 103.

⁸ Подр. см: Пleshов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. С. 73–75; Jamal A. A History of Islamist Militancy in Pakistani Punjab. Wash., 2011. P. 15–16.

этапе после прихода к власти⁹. Причем пропаганду ислама среди военных, первые поколения которых были воспитаны в западных традициях, взял на себя сам Айюб Хан, написавший в 1959 г. специально для распространения среди офицерства памфлет «Исламская идеология Пакистана»¹⁰.

В течение первого периода в истории страны мусульманские религиозные партии рассчитывали добиться успеха через демократические процедуры. Религиозные деятели приняли участие в работе Учредительного собрания по выработке основ конституции, и именно под их влиянием она приобрела отмеченную выше исламскую окраску. Срединное место в исламском идеологическом поле с середины 1950-х годов заняла Мусульманская лига Пакистана (МЛП), наследница Всеиндийской мусульманской лиги М.А.Джинны. В 50-е годы она постепенно приобрела менее светский характер, блокируясь с исламистскими партиями. С 1956 г. МЛП уступила роль правящей партии в центре и в обеих провинциях партиям подчеркнута светского типа – Республиканской, Национальной народной и др. Тогда же в условиях обостряющегося политического кризиса впервые создается блок исламских партий – «Ислам махаз» (Исламский фронт) – ведущую роль в котором играла партия Маудуди и идеологически близкие к ней организации¹¹.

Запрет после военного переворота в 1958 г. и возобновление вслед за принятием конституции в 1962 г. деятельности партий пошел в целом на пользу происламским силам. Они сумели провести достаточно большое количество своих сторонников в парламент и законодательные собрания провинций, которые были сформированы путем не прямых многоступенчатых выборов. Характерно, что первой поправкой к конституции 1962 г., парламент возвратил стране название Исламской Республики (согласно разработанному администрацией Айюб Хана основному закону Пакистан провозглашался Республикой). Отражением постепенно усиливающихся позиций коммуналистских сил стали и результаты не прямых (голосами избранных членов местных органов самоуправления, так называемых «базовых демократов») президентских выборов

⁹ *Haqqani H. Pakistan between Mosque and Military. Ch.3; Cohen S.P. The Idea of Pakistan. P. 169; Talbot I. Pakistan. A New History. Karachi, 2012. P. 83–84.*

¹⁰ *Gauhar A. Ayub Khan. Pakistan's First Military Ruler. P. 93.*

¹¹ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. С. 131-134.*

в январе 1965 г. По инициативе Маудуди исламисты поддержали альтернативного кандидата на выборах, хотя им была женщина, сестра «отца-основателя» государства Фатима Джинна, и добились поддержки более трети избирателей¹².

Не слишком убедительная победа Айюб Хана на выборах продемонстрировала, помимо прочего, углубляющийся разрыв между военно-гражданской бюрократией и партийно-политическими структурами, опиравшимися в то время на этнолингвистический регионализм и коммуналистские лозунги. Популярность последних усиливались в Пакистане известиями об индусско-мусульманских столкновениях в Индии, достигших в 1963 и 1964 гг. пиковых значений для периода после раздела¹³.

В пакистанском партийно-политическом спектре 1962–69 гг. центральное положение занимали две конкурирующие партии, претендовавшие на наследство МЛП – проправительственная, имевшая английскую приставку *Convention* (создана на конференции в 1962 г.), и оппозиционная – *Council* (появилась по решению Совета лиги в 1963 г.), Первая из партий была более светской по программе, вторая – более религиозной, тяготевшей к правым профессиональным партиям.

В период массовых оппозиционных выступлений в 1968 – начале 1969 г. правое крыло оппозиции в целом, можно считать, уступало левому, усилившемуся благодаря созданию в 1967 г. З.А. Бхутто, бывшим министром иностранных дел в правительстве Айюб Хана, Пакистанской народной партии (ПНП, *Pakistan People's Party*). Боязнь победы левоцентристских и левых сил, видимо, сыграла роль в решении Айюб Хана отменить собственную конституцию и передать власть в марте 1969 г. в руки военных. Сняв напряжение временным запретом на политическую деятельность, военным пришлось согласиться на проведение давно откладывавшихся всеобщих выборов. Кроме того, как уже упоминалось, они расформировали единую провинцию Западный Пакистан и воссоздали четыре этнорегиональные – Панджаб, Синд, Северо-Западную пограничную и Белуджистан. Решение о роспуске единой провинции, ослабило леводемократические силы вследствие их раскола по этнонациональному признаку и усилило правые, опиравшиеся на ислам и местные традиционалистские элиты.

¹² *Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 160.*

¹³ *Brass P.R. The Politics of India since Independence. Cambridge, 1994. P. 240.*

Религиозно-политические партии приняли активное участие в первых всеобщих выборах, состоявшихся в декабре 1970 г. Однако большого успеха не добились: ДУИ и ДУП получили по 7 мест из 300 в Национальном собрании единого Пакистана, а ДИ завоевала всего 4 места¹⁴. Особенно чувствительным было поражение прои-сламских партий в Восточном Пакистане. В 1971 г. в условиях гражданской войны, охватившей провинцию в связи с провозглашением ее независимости от центра, там были созданы первые боевые организации ДИ («Аль-Бадр» и «Аль-Шамс»). Истоки воинствующего исламизма, таким образом, оказались связаны с фактором, который из внутреннего для Пакистана превратился во внешний. И в дальнейшем внешние, прежде всего кроссграницные, явления будут оказывать стимулирующее воздействие на радикально-исламистские течения.

Неудача «легальных исламистов» на выборах 1970 г. в масштабах единого Пакистана представляется относительной. Если брать результаты только по западной части страны, которая спустя год с небольшим преобразовалась в новое государство, то полученные тремя религиозными партиями 18 мест (12%) долгое время будут недостижимым для них результатом. Только в 2002 г. доля мандатов, полученных ими, превысило эту цифру. Понимая ограниченность своей электоральной базы, исламские организации, в первую очередь ДИ во главе с Маудуди, прибегли к «уличным» формам политической мобилизации. В 1974 г. они воспользовались удобным случаем для обострения ситуации в отношении секты ахмадийя и взяли реванш за поражение, которое потерпели за 20 лет до того, в 1953 г. Решением парламента секта была объявлена не-исламской, а ее члены законодательно причислены к религиозным меньшинствам¹⁵.

Действующая до сих пор конституция 1973 г. провозглашала существование Исламской Республики Пакистан как демократического государства с парламентской формой правления. Исламским положениям в третьей конституции было отведено более значительное место, чем в предыдущих двух. Ислам объявлялся

¹⁴ Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983. С. 148.

¹⁵ The Oxford Companion to Pakistan History / ed. A.Jalal. Oxford., 2012. P. 13.

государственной религией при свободе вероисповедания для всех граждан¹⁶.

Под воздействием внешних факторов, связанных с арабо-израильской войной 1973 г. и превращением государств Аравийского полуострова в обладателей огромных запасов не только нефти, но и долларов от ее продажи, правительство З.А. Бхутто усилило внешнеполитическую ориентацию на исламский мир. В феврале 1974 г. в Лахоре, столице крупнейшей провинции Панджаб, состоялся второй саммит Организации Исламской конференции (ныне – Организация исламского сотрудничества). Среди собственно исламских мероприятий нужно отметить проведение в 1976 г. первого международного конгресса, посвященного жизни и учению пророка Мухаммада (*сират*) и аналогичную национальную конференцию, состоявшуюся в феврале следующего года¹⁷.

Последние годы правления З.А. Бхутто можно считать началом процесса исламизации. Проведенные в марте 1977 г. вторые всеобщие выборы спровоцировали острый внутривнутриполитический кризис. Оппозиционные партии объединились в избирательный блок Пакистанский национальный альянс, где главную идеологическую функцию выполняли исламские организации. После оглашения результатов выборов, ПНА обвинила правительство в их подставке и призвала массы к сопротивлению. Объявленная ПНА национальная забастовка парализовала жизнь в стране. З.А. Бхутто в стремлении лишить исламистов популярных лозунгов объявил о введении ряда новых законов – о полном запрете на потребление алкоголя, игорного бизнеса, ночных клубов, баров и кинотеатров. В течение шести месяцев он обещал привести все законы в «полное соответствие с Кораном и Сунной»¹⁸.

Исламизация общества и брутализация политики

Однако судорожные усилия З.А. Бхутто спасти положение, опираясь на меры по исламизации, не помогли. Затянувшимся политическим кризисом воспользовались военные. Совершив государственный переворот 5 июля 1977 г., они использовали рас-

¹⁶ Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана. С. 112.

¹⁷ Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan. P. 264, 282.

¹⁸ Ibid. P. 280.

тущую популярность исламских идей для легитимизации своей власти (см. выше).

В проведении генералами во главе с начальником штаба армии (сухопутных сил) М. Зия уль-Хаком политики исламизации выделяются несколько этапов – первый из них, предварительный, относится ко времени судебных процессов над З. А. Бхутто, обещаний военного руководства провести парламентские выборы и опоры на непосредственную поддержку религиозных партий, в первую очередь ДИ и ДУИ. Наиболее активный этап начался в конце 1979 г. после решения Зия уль-Хака о временной (как оказалось, на долгий период) приостановке действия конституции и запрете на политическую деятельность. Используя теоретические наработки и лозунги исламистов, военные провели насаждение «сверху» исламских норм и порядков. Главные из них состояли в следующем:

- в политической области – учреждение консультативного совета, *маджлис-е шура*, при правителе-президенте, табу на партийно-политическую систему;
- в юридической сфере – применение исламских процессуальных норм – (*кисас*, *дийят*, *шахадат*). наказаний (*худуд*), учреждение шариатских судов,
- в экономике – взимание государством исламских налогов (*закат* и *ушр*), запрет ростовщического процента (*риба*), создание исламских беспроцентных банков,
- в образовании и культуре – обязательный курс по исламу в школах и высших учебных заведениях, отведение мест для молитвы (*намаза*) в госучреждениях и общественных местах, запрет на неисламские развлечения и праздники¹⁹.

Как указывалось выше, ДИ и другие религиозно-политические организации первоначально целиком поддерживали военный режим, но после запрета на политическую деятельность отстранились от него, чтобы не потерять поддержку в обществе (заметим, что в 1979 г. в США после продолжительной болезни скончался А.А. Маудуди). К 1984 г. отношения между бывшими партнерами (военными и клириками) серьезно ухудшились, о чем, в частности,

¹⁹ Подробнее см.: Жмуйда И.В. Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы). М., 1988. С. 171–186; Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. С. 116–119; Novossyolov D.B. The Islamization of Welfare in Pakistan // Russia's Muslim Frontier. P. 160–174; Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 275–279.

свидетельствовал введенный правительством запрет на деятельность студенческих союзов, сильнейшим из которых была тогда молодежная структура ДИ – Ислами джамиат-е тулаба (ИДТ, Исламское общество студентов). Впрочем, запрет Зия уль-Хака был направлен в первую очередь против левых студенческих организаций²⁰.

Основная часть шагов по исламизации предпринималась между 1979 и 1986 гг. Одной из последних мер было ужесточение существующего с колониальных времен Закона о богохульстве, по которому оскорбление Аллаха и веры в него карается смертной казнью или пожизненным заключением²¹.

Нужно подчеркнуть, что большинство нововведений военных властей пережили гибель Зия и связанную с ней замену военно-парламентской формы правления на президентско-парламентскую. В целом они оказали глубокое воздействие на общественную и политическую жизнь и существенно преобразили культуру и быт страны. Причем сначала многим наблюдателям казалось, что навязанные меры по исламизации не укоренятся и не изменят уклад жизни и массовую психологию. Однако позднее стало понятно, что исламские преобразования нашли благодатную почву и серьезным образом изменили общество²².

Важными следствиями исламизации стала «брутализация» (огрубление и ужесточение форм и методов борьбы за власть и влияние) и усиление общественно-политических расколов и трений. Политические преследования, развернутые режимом Зия уль-Хака, были нацелены в основном на подавление левых и левоцентристских сил. Главным объектом атаки была партия осужденного и казненного в апреле 1979 г. З.А. Бхутто. Преследованиям и тяжелым испытаниям подверглись его жена и дочь, тысячи функционеров партии оказались за решеткой, многие были подвергнуты публичным наказаниям. Помимо ПНП пострадали активисты других левых сил – коммунисты, социалисты, активисты профсоюзного и студенческого движения. Из списка, составленного на основании газетных сообщений, а также официальных сводок и данных правозащитных организаций, следует, что с 1978 по 1985 гг. наказания

²⁰ The Oxford Companion to Pakistan History. P. 500.

²¹ Talbot I. Pakistan. A Modern History. P. 282

²² См., в частности: Qadeer M.A. Pakistan. Social and Political Transformation in a Muslim Nation. N.Y., 2006. Ch.7 (Electronic resource).

понесли 19 804 человека. Они прошли через тюрьмы, пытки или «исчезли», т.е. были тайно убиты²³.

Можно сказать, что весь левый фланг пакистанской гражданской активности и политики был «зачищен», причем самым безжалостным и кровавым способом. На правом фланге тоже испытывали определенный страх, ибо от преследований и гонений со стороны военных властей не были застрахованы и отдельные его представители. В то же время, чтобы обезопасить себя и утвердить свою идентичность и оппозиционность к правящему центру, правые религиозные силы выступали обычно с крайних, радикальных позиций.

Характерным примером расправы по религиозным мотивам представляется дальнейшая судьба ахмадийцев, на которую Зия уль-Хак пошел под прямым давлением религиозно-ортодоксальных сил. В 1985 г. генерал обнародовал указ, касавшийся секты ахмадия. Согласно ему, членам секты запрещалось называть себя мусульманами, свои моленные дома – мечетями, пользоваться исламской терминологией. Нарушения указа сурово карались²⁴. После издания указа основная часть ахмадийцев покинула Пакистан, центр общины переместился из панджабского местечка Рабвах в Лондон.

Исламизация по Зия уль-Хаку проводилась с опорой на каноны суннизма и ханифитского (ханафитского) мазхаба (юридической школы). Это естественно вызвало возражения со стороны шиитского меньшинства (15-20% пакистанских мусульман). В 1980 г. сотни тысяч шиитов вышли на митинг в столичном Исламабаде в знак протеста против проводимой властями политики исламизации. Тогда же появилась первая влиятельная шиитская партия «*Техрик-е-нифаз-е-фикх-е-джафария*» (Движение за установление джафаритского фикха, т.е. основного шиитского мазхаба, позднее переименованная в *Техрик-е-джафарийя Пакистан*, ТДП)²⁵. Осуществляемая военными исламизация, наряду с известиями о шиитской революции в соседнем Иране, способствовали политизации и радикализации шиитов, появлению острых трений между

²³ *Iqtedar H. Secularizing Islamists? Jama'at-e-Islam and Jama'at ud Dawa in Urban Pakistan. Chicago, 2011. P. 180.*

²⁴ *Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане, с. 181-183; Talbot I. Pakiatan. A Modern History. P. 282–283.*

²⁵ *Hussain H. Pakistan between Mosque and Military. P. 92.*

радикалами-шиитами (главная их организация «Сипах-е Мухаммад» (Воины Мухаммада) и суннитскими экстремистами. Глубокая трещина в отношениях между общинами пролегла из-за убийства в 1988 г. духовного лидера пакистанских шиитов Х. аль-Хусейни, ученика и последователя имама Хомейни²⁶. Шииты заподозрили в убийстве суннитскую радикальную организацию «*Sipah-e sahaba Pakistan*» (ССП, Пакистанские воины сподвижников Пророка) и убили в 1990 г. его руководителя Х.Н. Джангви. Отколовшаяся от основной организации боевая группировка «*Лашкар-е Джангви*» (ЛД, Армия им. Джангви) провела серию антишиитских терактов, главным образом в Панджабе.

Бурные вспышки суннито-шиитской борьбы совпадали с обострением партийно-политической схватки между двумя основными партиями постзияульхаковского периода – Пакистанской народной во главе с дочерью З.А. Бхутто Беназир и Пакистанской мусульманской лигой Н.Шарифа. Наиболее драматическим эпизодом стало нападение на шиитское кладбище в Лахоре в январе 1998 г. В результате расстрела собравшихся там людей на месте погибли 22 человека и более 50 (в том числе женщины и дети) серьезно пострадали. После этого, на несколько дней, центральные улицы второго по величине города страны перешли под контроль протестующей, разгневанной беспомощностью властей толпы. В ряде мест в Панджабе шииты в ответ совершили акты возмездия, и сами стали жертвами новых нападений и погромов. В 1990–1998 гг. в суннито-шиитских разборках погибло 623 человека, 411 – шиитов и 212 суннитов²⁷.

Политика насаждаемой сверху исламизации обострила противоречия и между суннитами, приверженцами двух основных богословских школ, деобанди и барелви. Рост антагонизма между богословами (улемами) двух школ был связан с борьбой за контроль над мечетями и учебными заведениями (медресе). Наиболее острые формы конфликт принял в 2000-е годы и охватил, прежде всего, Карачи. В октябре 2003 г. там был убит глава организации суннитов-барелви «*Сунни техрик*» С. Кадри, а в мае 2004 г. деобандский духовный лидер, *шейх уль-хадис* (знаток священного

²⁶ *Iqtedar H. Secularizing Iskamists. P. 21; Talbot I. Paistan. A New history. P. 129.*

²⁷ Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2008. С. 342; *Jamil A. A History of Islamist Militancy in Pakistani Punjab. P. 23–24.*

предания) мечети Джамиа-бинория М. Шамзаи. За месяц до этого убийства на крупнейший деобандский центр обучения в Карачи, расположенный в районе Бинори-таун, было совершено вооруженное нападение, в результате которого погибло 10 и были ранены 40 человек. Последовавшие вслед за тем беспорядки в городе привели к многочисленным жертвам²⁸.

Большую роль в брутализации внутривнутриполитической борьбы в Пакистане сыграли связанные с политикой исламизации внешние факторы. В 1980-е годы главным среди них был афганский. Как известно, военные власти страны всеми доступными им средствами поддерживали борьбу исламистских сил против прокоммунистической власти в Кабуле. Особенно значительными стали их возможности после ввода советских войск в конце 1979 г., поскольку западный альянс во главе с США, мусульманское сообщество, в первую очередь Саудовская Аравия и Египет, и даже коммунистический постмаоистский Китай увеличили военно-экономическую помощь Исламабаду и афганским *муджахедам* (воинам *джихада*).

С возрастающим влиянием Саудовской Аравии связано усиление нового полюса пакистанского радикального исламизма – организации «*Маркази джамаат дават-валь-иршад*» (Центральное общество призыва к очищению и наставлению, с начала 2000-х годов оно известна под названием «*Джамаат-уд-Дава*») (ДД). Направление, которое оно представляет, восходит к индийским неоваххабитам (салафитам), традиционное самоназвание которых – «люди предания» (*ахл-е хадис*)²⁹. Имеются сведения об обучении в Саудовской Аравии лидера организации Х.М.Саеда, а также его участия в афганской войне 1979–1989 гг. в составе спонсируемой Эр-Риядом группировки А.Р. Сайяфа³⁰. ДД служит «фасадом» для террористической группировки «*Лашкар-и тоиба*» (ЛТ, Армия чистых), превратившейся в 2000–2010-х гг. в одну из главных по активности и дерзости атак боевых групп. К «подвигам» ЛТ относится, в частности, нападение на крупнейший индийский город Мумбаи (Бомбей) в конце ноября 2008 г., жертвами которого стали свыше 160 человек.

²⁸ Белокреницкий В.Я. Этнические, религиозные и сектантские конфликты в Пакистане // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 427.

²⁹ Милославский Г.В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран//Ислам и политика. М., 2001. С. 79–80; The Oxford Companion to Pakistan History. P. 7–8.

³⁰ Iqtedar H. Secularizing Islamists. P. 122–123.

Индия заняла место Афганистана в 1990-х годов. Сменявшие друг друга партийно-политические администрации Пакистана поддерживали мятежные выступления в индийском штате Джамму и Кашмир, способствуя тому, что они приняли характер еще одного джихада, против «индусов», «незаконно оккупировавших» исконно мусульманские земли.

Не углубляясь в достаточно хорошо известные особенности международных конфликтов, связанных с ситуацией в Афганистане и Кашмире, подчеркнем еще раз, что процессы исламизации, продолжавшиеся в Пакистане и после активного этапа навязывания ее сверху военными, сопровождались ужесточением норм и правил ведения политической борьбы, разгулом террора и насилия.

Диффузия властного контроля

Параллельно с исламизацией общества в Пакистане на всем протяжении его существования происходило распространение и рассеивание контроля в сфере обеспечения общественной и личной безопасности. Этот процесс можно назвать диффузией власти, происходившей одновременно с попытками ее консолидации.

Усиление институтов и эффективности государственного контроля шло по нарастающей вплоть до 1970-х годов. Государство становилось сильнее общества, активно вмешиваясь в его более или менее автономное существование в рамках сельских и традиционно-городских сообществ.

Аккумуляция госконтроля началась с первых лет существования Пакистана, когда центральные власти решительно подчинили окраинные территории запада и крайнего северо-запада страны – Белуджистан и горную полосу пуштунских племен. Существенным шагом в этом отношении стала проведенная в 1955 г. административная реформа, объединившая четыре провинции западной части страны и почти все самоуправляемые княжества (четыре белуджских во главе с Калатом, синдское – Хайрпур и пенджабское – Бахавалпур) в единую провинцию Западный Пакистан. Попытки отколоться от центра предпринимались на окраинных территориях и в дальнейшем (в 1959, 1961, 1973–77 гг.), однако центр каждый раз жестко и решительно подавлял сепаратистские поползновения.

С 1970-х годов на смену преобладавшим до того тенденциям к укреплению государства как органа, имеющего законные права и

полномочия на наведение порядка, приходит иной тренд, заключающийся в ослаблении государственной монополии на власть в ее функции контроля и силового господства. Едва ли не в первую очередь он связан с политикой исламизации. Выше уже отмечались примеры усиления как официозного, так и протестного ислама на политическом уровне. Не менее глубокое воздействие исламизация оказала на средние и нижние этажи социальной пирамиды. На общественно-гражданском уровне в Пакистане стали активно действовать, начиная с 1970–80-х годов, разнообразные благотворительные и просветительские организации.

Среди религиозных сообществ необходимо выделить самую крупную деобандскую религиозно-просветительскую организацию «*Таблиг-и джамаат*» (ТД, Общество призыва). С течением времени она приобрела громадную популярность в Пакистане и в окружающем его суннитском ареале. Ежегодные конгрегации ТД в местечке Муридке под Лахором регулярно собирали и собирают от одного до двух-трех миллионов человек, и считаются вторыми по массовости в исламском мире после хаджа. Деятельность ТД, ведущей активную прозелитскую деятельность, вызывает подозрение властей в государствах Центральной Азии, так же, как и активность аналогичной ей, арабо-палестинской по корням, «*Хизб ут-тахрир аль-ислами*» (Партии исламского возрождения)³¹.

Соединение просветительского и политического начала характерно и для других происламских организаций. Как бы ни относиться к их активности, они представляют собой отдельные, формально или реально независимые от государства, центры силы и влияния.

Диффузии власти в ее функции организатора социального действия способствуют тоже организации исламизированного гражданского общества (ГО) – независимые по источникам финансирования, хотя и зарегистрированные государством *дин-и-мадарис* (учебные заведения – школы и семинарии), фонды отдельных религиозных общин, такие как Фонд Ага Хана (общины исмаили-

³¹ См: Наумкин В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М., 2011. С. 258–260; Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia. New Haven, 2002. P. 115–136.

тов-ходжа), благотворительные организации (подр. см. ниже, главу 7)³².

Помимо того, диффузия власти нашла яркое отражение в росте коррупции и nepотизма, распространении практики дачи взяток и культуры «связей». Как отмечает канадский профессор пакистанского происхождения М.А. Кадир, получить элементарные документы и совершить законные сделки редко кому удастся без взятки или использования блага. С помощью денег и знакомств, по убеждению пакистанцев, можно добиться всего. Если кому-то не удастся задуманное, неудача объясняется недостатком задействованных «ресурсов». Коррупционность и кумовство охватили, по его наблюдениям, все звенья и ступени государственной системы³³.

Неудивительно при этом, что Пакистан занимает одно из самых высоких мест в мировой таблице коррупции³⁴. Теневая экономика страны давно стала «притчей во языцех». Еще в конце 1980-х годов считалось, что она равна половине или более чем половине официального ВВП. Массовое уклонение от уплаты налогов стало нормой для большого числа состоятельных лиц и ведущих компаний. Считается, что прямые налоги (на прибыль и сверхприбыль, недвижимость, наследство, дарения и пр.) уплачивает приблизительно треть юридических и физических получателей подлежащих обложению доходов. Низкая собираемость налогов – одна из хронических слабостей пакистанской экономики. Однако среди представителей среднего класса отношение к этой проблеме далеко не однозначно. Автору этих строк во время пребывания в Карачи удалось недавно услышать мнение, что повышение собираемости прямых налогов стало бы еще большим бедствием для страны, так как государственные средства были бы неминуемо расхищены и растрочены чиновниками.

Такие суждения свидетельствуют о недостатке доверия к государству и диффузии, распылении экономического контроля. Нет сомнения, что ей способствовали меры по исламизации экономики, принятые в начале 1980-х годов. Увеличив на первых порах пе-

³² Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006. С. 116–127; *Iqtedar H Secularizing Islamists*. P. 117–132.

³³ Qadeer M.A. Pakistan. Social and Cultural Transformations in a Muslim Nation. Ch.7.

³⁴ Каменев С.Н. Природные катастрофы в Пакистане и перспективы экономического развития // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 60.

пераспределяемую с помощью государства через исламские налоги долю частных доходов, они по прошествии некоторого времени «вытолкнули» прибыли и доходы в серую, невидимую зону экономики. Беспроцентная банковская система способствовала распространению практики сокрытия прибылей с помощью различного рода уловок и договоренностей, а наиболее надежной и распространенной формой кредитования стала веками существовавшая практика доверительного займа «хавала»³⁵.

Одновременно с созданием институтов по расширению контроля над территорией и проживающим на нем населением, правящие режимы Пакистана укрепляли институты наблюдения за выполнением норм законности и расширяли пенитенциарную (исправительную) систему. Сеть государственных тюрем была унаследована Пакистаном от колониального режима. Наряду с нею существовали частные тюрьмы – их имели наследственные правители полунезависимых княжеств, предводители крупных племен в пустынных районах Белуджистана, традиционная земельная знать в заповедных районах Синда и южного Панджаба. С течением времени, по-видимому, происходило уменьшение числа частных тюрем и заключенных в них, хотя полного исчезновения вековой практики не произошло. Известно, например, что у предводителей крупных белуджских племен тюрьмы сохранились до начала нынешнего века³⁶.

Благодаря получившему широкую огласку делу о крупном лендлорде Синда Г.Кхокаре (округ Сангхар) стало известно о содержании им более десятка тюрем. Из них с помощью армейских подразделений в 1991 г. удалось освободить 295 рабов-работников. Пакистанская комиссия по правам человека в своих ежегодных докладах вплоть до последнего времени неизменно сообщает о множестве случаев использования закабаленного труда в сельском хозяйстве и вне его. Причем бесправные работники подвергаются не только нещадной эксплуатации, но и избиениям и другим формам насилия³⁷.

В то же время расходы на государственные тюрьмы, находящиеся в ведении провинциальных властей, хронически отставали от потребностей. По отрывочным данным, появляющимся в прессе,

³⁵ Ballard R. Hawala // IAS Newsletter. Autumn 2006. 42. P. 8–9.

³⁶ Плешов О.В. Ислам и политическая культура в Пакистане. М., 2005. С. 46–48.

³⁷ Rahman T. The Class Structure of Pakistan. Karachi, 2012. P. 147.

ситуация с местами заключений в Пакистане в целом удручающая и мало отличается от провинции к провинции. В 26 тюрьмах Синда в конце 2012 г. содержались 14 тыс. заключенных при числе мест равном 12 тыс. Причем такое относительно благополучное положение сложилось после специально принятых мер. Однако тюремный персонал по-прежнему получал низкую зарплату, а помещения нуждались в капитальном ремонте³⁸.

Нередки в Пакистане случаи побега из тюрем, которые плохо охраняются. Порядки внутри тюрем регулируются, как правило, самими заключенными, которые прибегают к расправам и насилиям над сокамерниками. Только редкие случаи такого рода становятся достоянием гласности.

Особенно заметным кризис исправительной системы стал с 1970–80-х годов, когда произошел связанный во многом с последствиями исламизации взрыв насилия в обществе. По подсчетам М.А. Кадира, число инцидентов с насилием в 1950-е годы было относительно небольшим и росло лишь медленно, на протяжении следующего десятилетия оно снижалось, затем возросло в 1970-е годы и круто пошло вверх в период с 1985 до 1996 г. Пики насилия пришлось на 1986, 1988, 1990 и 1995 г. Среднее число убийств в Пакистане в 1948–1970 гг., равнялось 2848 в год, в 1971–1977 гг. этот показатель вырос на 63% до 4 633 в год, в 1978–1983 гг. упал (вследствие, очевидно, запуганности расправами военного режима и неполной информации в СМИ) до 4 381, но затем вновь резко возрос – до 7 321 в 1984–1996 гг. Если принимать во внимание рост численности населения, то в первый из выделенных периодов одно убийство приходилось на 16 700 чел, во втором уже на 13 007 чел, в третьем сократилось (17 970 чел.) а в четвертом увеличилось – одно убийство на 13 235 чел.³⁹

Хотя сопоставимых данных за более поздний период нет, по ряду признаков можно считать, что уровень насилия в дальнейшем существенно вырос. Это связано в значительной мере с участием Пакистана в глобальной войне с терроризмом, проще говоря, с его вовлеченностью в афганский конфликт на его последнем этапе борьбы коалиционных сил США и НАТО с талибами. Пакистан оказался главной жертвой затяжного кризиса, связанного с подь-

³⁸ Sind Jails Overcrowded//<http://pakistan/onepakistan.com.pk/news/city/karachi/15/429>

³⁹ Qadeer M.A. Pakistan. Social and Cultural Transformations. P. 243–244.

емом воинствующего радикального исламизма в Афганистане и пограничных с ним пакистанских территориях. По данным секретных пакистанских служб, представленным Верховному суду в марте 2013 г. в результате террористических операций за 2001–2013 г. погибло 49 тыс. человек, из них жертвами в период до 2008 г. стали 24 тыс., а позднее – еще 25. В боевых действиях против отрядов исламских радикалов, прежде всего из пакистанского движения талибов (Техрик-е талибан Пакистан, ТТП) в 2009–2013 гг. погибло почти 16 тыс. военнослужащих, потери среди их противников оказались на порядок ниже – лишь более 3 тыс. убитыми. Почти 6 тысяч гражданских лиц лишились жизни за последние четыре года в результате взрывов бомб и атак террористов-самоубийц. Пик потерь пришелся на 2009 г., когда пакистанской армии удалось сломить сопротивление талибов и их союзников, лишив их контроля за высокогорными политическими агентствами полосы племен (прежде всего Северным и Южным Вазиристаном) и прилегающими к ним округами тогдашней Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан⁴⁰.

По приводимым ведущей пакистанской газетой «Доон» сведениям авторитетного индийского портала, посвященного терроризму в Южной Азии, в Пакистане между маем 2010 и апрелем 2011 г. в результате терактов погибли 2178 гражданских лиц и 493 служащих контртеррористических сил. Потери среди боевиков-террористов оценены в 4200 человек. За последующий период вплоть до апреля 2013 г. жертвами стали почти 6 тыс. мирных жителей, около 2 тыс. служащих армии и военизированных подразделений, включая полицию, и 5,5 тыс. боевиков. Общее число жертв за три года превысило 20 тыс. человек⁴¹.

Только за первые четыре месяца 2013 г. погибли 3 тыс. человек – сохранение такой тенденции привело бы к потерям за год вдвое превышающим уровень трех последних лет. По этим, собранным Пакистанским центром анализа безопасности данным, продолжалось увеличение случаев насилия со смертельным исходом в крупнейшем, почти 20-миллионном городе Карачи, в Белуджистане и пуштунском ареале (ТПФУ и провинции Хайбер-Пахтунхва). Главными жертвами насилия являлись мирные жители,

⁴⁰ *Rafique D.* Crime rate surged in 5 years of PPP//www.dailytimes.com.pk/2013/03/17

⁴¹ *Haider M.* Osama bin Laden: More fatal in death//<http://dawn.com/2013/05/01>

на втором месте – потери контртеррористических сил и лишь на третьем – боевиков и террористов⁴².

Карачи в последние годы превратился в самый беспокойный и небезопасный район страны. Число убитых в городе увеличилось с 1083 в 2010 до 2192 в 2012 г. Каждый день в результате преступлений на этнической, политической и мафиозной почве в среднем погибает 6 человек, в отдельные дни – до 15. Резко выросло и количество других преступлений – разбойных нападений, краж, похищения людей⁴³.

Преступления, связанные с борьбой за городскую недвижимость, получение отступных за похищенных, продажей в рабство, проституцией среди малолетних увеличились в Пакистане скачкообразно в начале нынешнего столетия. За 2000–2008 гг. общее число зарегистрированных преступлений возросло округленно с 400 до 600 тыс., случаи похищения выросли более чем вдвое, а нападения бандитских групп (свыше 5 чел.) – в три с половиной раза⁴⁴. Тенденция к росту организованной преступности сохранялась вплоть до середины 2013 г., ставя под вопрос способность государства обеспечить законность и порядок. Профессия полицейского и других правоохранителей превратилась в одну из самых опасных. «Плату за страх» в условиях дефицита бюджетных средств обеспечивают разного рода коррупционные схемы. После всеобщих парламентских выборов мая 2013 г. и приведения к присяге нового кабинета министров во главе с Н.Шарифом власти предприняли различные меры по наведению порядка и законности. В Карачи, по решению Всепартийной конференции, были проведены показательные облавы и задержания. Волну беззакония удалось на время обуздать, но новые теракты на северо-западе страны в сентябре-октябре 2013 г. ставят под вопрос успех попыток улучшить ситуацию в сфере безопасности.

Заключение

Выявляя наиболее существенные с точки зрения целей главы исторические тренды, можно утверждать, что консолидация влас-

⁴² Wasim A. 2670 people killed in Pakistan in four months//www.dawn.com/2013/05/05

⁴³ Rafique D. Crime rate surged in 5 years of PPP

⁴⁴ Waheed M.N. Victims of Crime in Pakistan//www.unafei.or.jp.../No81_14PA_Waheed.pdf

ти, естественно происходящая вслед за появлением нового государственного организма, достигла максимума в 1970-е годы. Тогда, после распада «первого Пакистана» вследствие отделения Бангладеш, возник усеченный, но территориально компактный и достаточно гомогенный в этнокультурном отношении «второй Пакистан». Центральная власть, опираясь на армию и внешнюю поддержку (со стороны шахского Ирана и США) решительно подавила попытки мятежа на окраинах, прежде всего в Белуджистане, проводя исламо-модернистскую, социально-ориентированную внутреннюю политику. С конца десятилетия исламская модернизация под социальными лозунгами уступила место фундаменталистской исламизации и начался процесс распыления, диффузии власти за счет фрагментации социально-политической среды, усиления негосударственных институтов и агентов влияния и контроля.

Исламизация суннитского образца способствовала обособлению шиитов и ухудшению их положения, вытеснению и маргинализации религиозных меньшинств – ахмадийцев, христиан, индусов, а также привела к узаконенной дискриминации женщин. Ответная реакция в виде активного и пассивного сопротивления (бегства за рубеж представителей меньшинств, протестов женских и правозащитных организаций) ослабили государство и его социально-экономический фундамент. Иначе говоря, введенный военными при Зия уль-Хаке порядок, став исключительно жестким, дал течь, углубил трещины и расколы, вызвал диффузию как принуждения (твердой силы), так и убеждения (силы мягкой).

На примере Пакистана хорошо видно, как исламизация мусульманского общества, т.е. укрепление базирующейся на исламе идеологии, обращение массы людей к более строгому и ревностному исполнению норм и требований религии, расширение сети исламских центров просвещения и образования и т.п., меняет прежний культурный облик людей и населенных ими исторических областей, сказывается на быте и мировоззрении.

Происламские черты приобретает, в частности, гражданское общество, состоящее из неправительственных и некоммерческих организаций, а также ассоциаций единомышленников и волонтеров. Исламизированное ГО в Пакистане появляется одновременно с подобными гибридными (исламо-гражданскими) феноменами в других ареалах мусульманского Востока. Их укоренение обусловлено, по-видимому, кризисом либеральной модели модернизации

и поисками путей для более адекватного оформления рецептов общественного прогресса (об этом см. также ниже, главу 7).

Исламизацию Пакистана, поэтому, ни в коей мере нельзя считать исключением – подобные явления давно охватили Турцию, а в последнее время и многие арабские государства. Весьма далеко продвинулся на этом пути Иран, где в результате революции 1978–79 гг. установилась исламское правление, окутавшее плотным религиозным покрывалом всю политическую и общественную жизнь. При власти талибов по самой крайней траектории исламизации двигался Афганистан, отдельные попытки развернуть ось эволюции в этом направлении предпринимались также в республиках Центральной Азии, Малайзии и Индонезии.

Исламизация во всех этих случаях предстает по-преимуществу как средство защиты, поиск новой и в то же время старой идентификации. Возрождение религии в мусульманском мире (и не только в нем) укрепляет особую национальную (местную) самодостаточность. В сложных полиэтнических обществах центра и юга Азии оно подводит базу под национализм надэтнической территориальной общности, типа пакистанской. Хотя исламизация сопровождается диффузией власти, раскалывая мусульманскую общину и обостряя конфликты внутри нее, она одновременно способствует укреплению общественных (горизонтальных) связей и формирует во многом новую, весьма противоречивую и сложную социальную ткань.

Глава 7. Становление и роль гражданского общества

Гражданское общество – достаточно старое понятие, переживающее с последних десятилетий прошлого века второе рождение. Его истоки находят у античных мыслителей (Сократа, Платона, Аристотеля) и в произведениях крупнейших представителей философии и науки эпохи возрождения и просвещения, прежде всего у Э. де Ваттеля и И.Канта. В литературе того времени встречаются как позитивные, так и негативные оценки обозначаемого им феномена (последние, например, у Г.Гегеля). Считается, что гражданское общество – продукт эпохи европейского абсолютизма и просвещения XVIII в. В XIX в. термин имел довольно широкое хождение, но на протяжении большей части прошлого столетия употреблялся редко.

Новую популярность он получил в западной науке в конце 80-х–начале 90-х годов XX в., на последнем этапе холодной войны и после ее окончания. К известным работам того периода относится книга А. Селигмена «Идея гражданского общества». В предисловии к ней гражданское общество определяется как «общественное пространство», в котором «свободные самостоятельные индивидуумы выдвигают права на удовлетворение своих потребностей и личной автономии»¹. Использование гегелевской терминологии не помешало автору высоко оценить само явление, укреплявшееся на выходе из холодной войны в Западной и особенно Восточной (Восточно-Центральной) Европе. В дальнейшем о гражданском обществе писали многие другие авторы, причем применительно как к экономически развитым и переходным (бывшим социалистическим), так и менее развитым, незападным, в том числе восточным, азиатско-африканским странам. Между тем, акцент, сделанный в

¹ Seligman A.B. The Idea of Civil Society. N.Y.: The Free Press. 1992. Introduction (Electronic resource).

вышеприведенном определении на личных правах, весьма мало соответствует традициям не западных обществ. Преодолевая этот ограничитель, представители либеральной (и в то же время релятивистской) политической мысли пытались найти общие для разных культур, цивилизаций, укладов жизни и систем ценностей основания для универсального, «глобального» гражданского общества². Главным таким основанием ряд влиятельных авторов посчитали отказ от насилия, терпимость, толерантность. Эти качества позволили им отделить «гражданские» институты от «негражданских». Естественно, что террористические и преступные группы и организации зачислялись в число последних. Некоторые авторы (Г. Анхайер и его коллеги) не делали различий между «хорошим» и «плохим» гражданским обществом, выдвигая в качестве главного критерия добровольность, которая, очевидно, не может быть присуща «негражданским», т.е. использующим методы принуждения для включения в свой состав новых членов, организациям и группировкам.

Водоразделы насилия и добровольности позволяют наметить общие этические принципы, на которых может базироваться глобальное гражданское общество или конгломерат национальных гражданских обществ. Эти критерии относятся к средствам действия и принципам формирования групп действия, а что касается целей, то они определяются уже более широкими и отчасти размытыми категориями социальных изменений, защитой прав человека, борьбой против коррупции, за искоренение бедности и т.п. Принципиально, что в рамки гражданского общества, когда речь идет о мировой периферии, обычно включают как западные по происхождению, «привнесенные» практики и структуры, так и местные, укорененные в собственной почве элементы – локальные, родственно-земляческие, этнические сообщества, религиозные и парарелигиозные институты и организации и т.п.

Не касаясь здесь уже достаточно обширной отечественной литературы по вопросу о гражданском обществе применительно к российскому опыту, обратимся к дефинициям авторов, пишущих об этом феномене в Пакистане. Насколько можно судить по до-

² Keane J. Global Civil Society? P. 198–209.

ступным материалам, гражданское общество в узком смысле понимается ими, как правило, в вышеприведенном смысле как множество любых негосударственных и некоммерческих (не связанных с бизнесом) структур и организаций, имеющих добровольный характер³.

Дискуссионным остается вопрос о политических партиях Пакистана. Участие в борьбе за власть превращает их в часть государственно-политической системы. В то же время далеко не все политические партии страны реально претендуют на доступ к рычагам управления, лишь малая их часть представлена в центральном (федеральном) парламенте, или законодательном собрании провинций. Непарламентские партии представляют собой, скорее, общественные организации и движения, принадлежащие гражданскому обществу.

В похожем положении оказываются средства массовой информации. Они используются борющимися за власть силами и нередко стремятся к получению прибыли. Вместе с тем, мотивы деятельности СМИ не детерминируются во многих случаях по преимуществу этими мотивами. То же самое касается и каналов массовой коммуникации, развивающихся благодаря Интернету. Отсюда наличие пограничной полосы между политизированным и неполитизированным, коммерческим и некоммерческим секторами в сфере обмена информацией.

Расхождения по поводу «пограничных» структур выявляют наличие в литературе по Пакистану двух точек зрения на вопрос о сути и составе гражданского общества. Ряд авторов, особенно те из них, кто писал о ГО в 1990-х годах, трактуют это понятие расширительно, включая в него по существу все общественно-политические организации, и акцентируя внимание на их противостоянии государству как репрессивному режиму власти⁴. Вторая позиция была отмечена выше и более соответствует традиции использова-

³ См.: *Qadeer M., Adnan S., Baig R. Civil Society in Pakistan*. Karachi, NGO Resource Centre. 2011 (Electronic resource); *Khan A., Khan R. Civil Society And Social Change In Pakistan*, Sussex-Karachi, 2004 (Electronic resource); *Bajoria J. Pakistan's Institutions and Civil Society*. Background, 2008 (Electronic resource)

⁴ *Malik I. State and Civil Society in Pakistan*. L., 1997; *Qadeer M. The Evolving Structure of Civil Society and the State in Pakistan // The Pakistan Development Review*. Islamabad, Winter 1997. 36:4. P. 743-762.

ния термина, утвердившейся в начале нынешнего столетия в мировой исследовательской и аналитической литературе и международно-общественной практике⁵.

Мы будем различать два подхода к понятию гражданского общества в Пакистане, расширительный и узкий, отдавая предпочтение первому из них как более тесно связанному с историей Пакистана и его перспективами. В то же время в главе будет охарактеризовано и гражданское общество в узком понимании, при котором оно рассматривается как третий (или третичный) сектор экономической и политической активности, находящийся за рамками государства и рынка, иначе говоря, набор неправительственных и некоммерческих организаций добровольного, ассоциативного типа. Совмещая оба подхода, попробуем рассмотреть в первом приближении становление гражданского общества Пакистана в общем и специальном смысле, внутреннюю структуру, роль и взаимодействие с государством и обществом в целом⁶.

Этапы становления и юридическая основа существования

Можно выделить несколько крупных периодов в истории пакистанского гражданского общества. Первый из них – эмбриональный, подготовительный. Речь идет о колониальном времени, когда на территории будущего Пакистана, в крупнейших ее городах, Карачи и Лахоре, появлялись первые капиталистические фирмы и компании, формировались отдельные ассоциации буржуазного общества. Время таких перемен для пакистанских областей колониальной Индии последовало вскоре после их завоевания англичанами в середине XIX в. Заметную часть тогдашнего «среднего класса» составляли выходцы из метрополии, часто лишь на время приезжавшие в колонию. В немалой степени в расчете на них коло-

⁵ Этому, в частности, способствовал выполненный в 1999–2001 гг. проект по разработке индекса CIVICUS, призванный создать инструментарий для сопоставления гражданских обществ различных стран.

⁶ Об особенностях государственно-политических систем Азии и Африки см., в частности: Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократий на Востоке. М.: Аспект пресс, 2007; Восток и политика / под ред. А.Д.Воскресенского. М.: Аспект пресс, 2011. Проблематика гражданского общества, трактуемого в узком значении термина, в этих работах почти не затронута, что свидетельствует об относительной новизне как самого явления, так и внимания к нему с стороны отечественных политологов-востоковедов.

ниальные власти приняли первые законы, регулирующие деятельность гражданских, негосударственных организаций. В 1860 г был принят закон о регистрации обществ (Societies Registration Act), в 1863 г. – закон о религиозных фондах (Religious Endowment Act), а в 1882 г. – закон о трестах (Trust Act)⁷. В 1890 г. к трем первым добавился закон о благотворительных фондах (Charitable Endowments Act), а существенно позднее, в 1925 г., был принят закон о кооперативах (Co-operative Act)⁸.

Эти законоположения регулировали в течение всего последующего колониального периода деятельность гражданских, в том числе общинных организаций. И до сих пор они являются основными регуляторами деятельности большинства неправительственных структур в Пакистане.

Число неправительственных и некоммерческих организаций, созданных в колониальное время на территории Пакистана не было большим. Формирующие ее области отставали от ряда других регионов колониальной Индии по уровню торгово-промышленного развития. Сильные позиции на «пакистанской» территории имел немусульманский капитал⁹.

К концу колониальной эры в Индии усилились массовые протестные движения, что можно считать проявлением активности гражданского общества в широком смысле. Пакистанские районы опять же не были среди наиболее заметных в этом процессе (все их население составляло по переписи 1941 г. 28 млн. человек при общей численности жителей колонии в 400 млн.)¹⁰. Тем не менее, Лахор выдвинулся в число видных центров общеиндийской социально-политической активности, а города Пешавар и Карачи превратились в региональные ее центры. Подспудно шел также процесс

⁷ *Rashid T.* Radicalisation of Civil Society: A Case Study of Pakistan – in: S.S.Pathanaik ed. South Asia: Envisioning a Regional Future. New Delhi, Pentagon Press. 2011. P. 155 (Electronic resource)

⁸ *Sattar A., Baig R.* Civil Society in Pakistan. NGO Resource Centre, Karachi. August 2001 P. 7 (Electronic resource).

⁹ Подр. см.: *Белокреницкий В.Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. С. 50–57; *Белокреницкий В.Я.* Капитализм в Пакистане. Особенности социально-экономического развития с середины XIX в. до 80-х годов XX в. С. 118–119.

¹⁰ Это, кстати, означает, что тогда на ныне пакистанские районы приходилось примерно 7% общего числа жителей в Южной Азии, а теперь – около 14%. (приблизительно 200 из 1 450 млн. человек).

консолидации религиозных общин и их гражданских, добровольных организаций, но вплоть до 1946 и 1947 гг. в этой части Индии не было крупных межобщинных столкновений.

Второй период в истории гражданского общества Пакистана совпадает с эпохой холодной войны. Внешние факторы оказывали немалое, хотя и в основном косвенное, воздействие на формы существования и эволюцию гражданских институтов. Оно проявлялось в том, что массовые движения и объединения, особенно на начальном этапе существования страны, в 1947–1958 гг., строились во многом на классовой идеологической основе. Правящие круги Пакистана без колебаний выбрали господствующую в тогдашнем постколониальном мире прозападную ориентацию. Оппозиционные силы пытались найти альтернативу. В результате окрепли возникшие еще до Второй мировой войны группы левых интеллектуалов, была образована Компартия с помощью переехавших в страну из Индии мусульман-членов КПИ.

В 1951 г. левым силам был нанесен удар разоблачением антиправительственного «заговора в Равалпинди». В заговоре военных оппозиционеров оказались замешаны видные «прогрессивные» литераторы, представители интеллигенции. Суровые приговоры, вынесенные участникам заговора, были вскоре смягчены, но в 1954 г. Компартию запретили, чтобы расчистить путь для тесного военно-оборонительного союза с США. Еще через четыре года после прихода к власти военных во главе с М.Айюб Ханом под запретом оказались и все другие политические партии. При возобновлении их деятельности в 1962 г. запрет с Компартии снят не был. Легализация КПП произошла лишь в 1972 г., после того как промосковские силы растеряли большую часть массовой поддержки. Одной из причин этого было содействие, которое СССР оказал Индии в войне с Пакистаном в 1971 г., приведшей к расколу страны (об этом см. выше).

Левые группы после 1960 г. имели в Пакистане не только московскую, но и пекинскую «прописку». Однако сближение Исламабада с Пекином, нараставшее с 1963 г., ослабило, а затем и ликвидировало полностью, возможности оппозиции использовать китайскую поддержку. И СССР к 1970-м годам отказался от курса

на затратную помощь всем рабочим и коммунистическим партиям и движениям, предпочитая более осторожный, избирательный подход. Пакистанские коммунисты, в отличие, например, от афганских, не могли рассчитывать на заметные успехи. Дозированная поддержка КПП Москвой находилась в 1960–70-х годах «под колпаком» пакистанской контрразведки и не внушала той серьезных опасений. Тем не менее, левая альтернатива существовала, и именно ее наличие во многом определяло и структурировало гражданское общество в Пакистане на втором этапе, особенно до середины 1970-х годов. Помимо КПП, будь она в подполье или на легальном положении, действовали левые профсоюзные и студенческие организации и объединения, гильдии и союзы левых литераторов, журналистов и адвокатов.

С начала 70-х годов количество центров внешнего воздействия на Пакистан и его гражданское общество увеличилось с трех (США, СССР и КНР) до пяти. Китай обладал большим весом при правительстве поставленного военными у власти после поражения в войне с Индией харизматического политика З.А.Бхутто. Но китайское влияние сократилось после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и последовавшей за тем смены международного курса Пекина. Зато сложились и усилились два исламских центра – саудовский (суннитский) и иранский (шиитский). Саудовцы, по общему мнению, сыграли существенную роль в событиях, приведших летом 1977 г. к острому внутривнутриполитическому кризису и перевороту, совершенному военными во главе с генералом М. Зия уль-Хаком.

С того момента наметившийся еще при Бхутто правый (традиционалистский, исламо – консервативный) уклон стал преобладающим не только для государственной политики, но и гражданского общества. Развернутая генералом-президентом с опорой на исламские политические партии кампания по исламизации общества в целом и его гражданского сегмента в частности имела результатом существенные изменения¹¹.

Хотя левая тенденция в общественно-политической жизни еще давала о себе знать, подпитываемая с 1978 г. «коммунистическим» переворотом в соседнем Афганистане, опиравшемуся на нее

¹¹ См. обсуждение этих процессов, в частности: Пакистанское общество: экономическое развитие и политическая структура / отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: 1986. Гл. 2 и 3.

этнонационализму окраин – пуштунскому и белуджскому – был нанесен удар уже при Бхутто¹². Остаточный левый тренд еще сохранялся в профсоюзах и крестьянских организациях, но характер и структура гражданского общества активно правели и «исламизировались». При этом элементы прежнего гражданского общества оказались в значительной степени вытеснены из страны и нашли убежище в организациях мигрантов, возникших в диаспоре, неуклонно разраставшейся в США, Великобритании и ряде других стран. Политизированное гражданское общество, таким образом, как бы перетекло через государственные границы, оказалось шире внутреннего, помогая существованию оппозиции при авторитарных и непопулярных режимах.

Возвращаясь к началу второго периода в истории пакистанского гражданского общества, следует заметить, что после образования страны в 1947 г. располагавшиеся на ныне пакистанской территории различные неполитические организации граждан в основном прекратили свое существование из-за выезда за рубеж (в Индию и Англию) их активных членов и руководителей. На их месте образовались новые структуры, главным образом мусульманские и целевые по характеру своей деятельности.

В больших городах появились кооперативы (товарищества) по освоению и застройке новых участков земли. В столичном на первых порах Карачи возник, например, Жилищный кооператив пакистанских служащих (Pakistan Employees Cooperative Housing Society, PECHS), Колония военных (Defense Colony) и т.п. На их примере видно взаимодействие гражданских (поскольку участниками кооперативов выступали частные лица) и государственных структур (правительство и вооруженные силы оказывали содействие своим служащим). На стыке и в переплетении государственных и общественных (личных, гражданских) интересов возникали неправительственные организации, занимавшиеся разрешением спорных вопросов, возникших в связи с переселением более 6 млн. мусульман из Индии в Пакистан¹³. К этому надо добавить органи-

¹² В 1975 г. он отдал левонационалистических деятелей под суд военного трибунала, который продолжался до прихода к власти военных.

¹³ По последним данным, в западную часть страны (теперешний Пакистан) в 1947–1948 г. прибыло 6,5 млн. мусульман, а покинуло – 4,7 млн. немусульман, главным обра-

зации мигрантов земляческого типа, по урегулированию прав собственности, возмещению убытка и т.п. Они тесно сотрудничали с правительственными ведомствами, вступавшими в контакт с соответствующими структурами в Индии.

Таким образом, гражданское общество распалось на три основных потока: политизированные как левые, так и правые (религиозные) по идеологии организации и движения; неполитизированные, целевого и вспомогательного, поддерживающего назначения; традиционные, религиозно-общинные, соседско-родственные и клано-племенные.

Постколониальный период ознаменовался принятием еще двух законоположений о гражданских институтах. Оба они были приняты при военных режимах и носили форму президентских указов. В 1961 г. был обнародован Указ о добровольных агентствах социального благосостояния (*Voluntary Social Welfare Agencies*), а в 1984 г. – Указ о компаниях, где в разделе 42 регулировалась регистрация некоммерческих организаций (*Companies Ordinance (Section 42)*)¹⁴.

Третий период существования гражданского общества охватывает время кризиса биполярной системы международного устройства и современную эпоху постбиполярного мира. На этом этапе серьезно расширился спектр целевых, правозащитных и гуманитарных, по защите прав женщин и меньшинств, просветительских и благотворительных неправительственных организаций в значительной мере под влиянием либерально-интернационалистских (космополитических) тенденций в мире. Космополитизм с начала 1990-х годов активно поощрялся ведущими межправительственными организациями – ООН, Всемирным банком, Международным валютным фондом, Всемирной торговой организацией (с 1995 г.), ЮНЕСКО и др.¹⁵

зом индусов и сикхов. *Hasan A. Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan.* Karachi: Oxford University Press, 2009. P. xxxii. О проблеме обустройства мигрантов см, например: *Белокрыцкий В.Я. Жилищная проблема в Пакистане // Пакистан. История и экономика. М., 1980. С. 235–237.*

¹⁴ *Rashid T. Radicalisation of Civil Society.* P. 155.

¹⁵ Число неправительственных организаций в этот период заметно выросло не только в Пакистане, но и в большинстве других стран мира и одновременно существенно уве-

В 1995 г. пакистанское правительство внесло на рассмотрение парламента законопроект с поправками к указу 1961 г. о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies Regulation and Control (Amendment) Act). Поправки устанавливали, что неправительственные благотворительные организации должны проходить обязательную государственную регистрацию и могли быть запрещены и распущены. Это вызвало протесты со стороны гражданских организаций и подстегнуло процесс создания гражданских сетей и форумов, а также координацию совместных действий¹⁶. В результате протестов закон не был принят.

На рубеже 1990-х и 2000-х годов в Пакистане в основном сложилась нынешняя структура гражданского общества в узком понимании его смысла и назначения. Оно стало вполне сопоставимо с аналогичными явлениями в других странах. К этому моменту относится и формирование инструментария такого рода сравнений.

«Ромб» гражданского общества

Исследование особенностей функционирования узко понимаемого гражданского общества в различных странах мира связано с возникновением в начале 1990-х годов международной организации CIVICUS – Мирового альянса за гражданское участие. В 1999 г. началось осуществление совместного с Лондонской школой экономики проекта по сопоставительному изучению гражданских обществ в различных странах. Сотруднику школы Г.Анхайеру принадлежала идея использования ромба для презентации итогов комплексного количественного сопоставления данных о деятельности организаций гражданского общества. Для построения ромба выделяются четыре оси – структура, ценности, пространство и влияние. Первая из осей отражает число организаций, их распределение по секторам и регионам страны, ресурсы, членство и т.п., вторая оценивает цели и задачи, нормы и подходы, которые разделяют и пропагандируют неправительственные и некоммерческие

личилась количество международных неправительственных организаций (свыше 27 тыс. в 2001 г.) – Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 87.

¹⁶ Mufti I. Struggle of civil society organizations in Pakistan for pro-people legislation. PLA Notes 43. 2002. P. 23–25, (Electronic resource)

добровольные ассоциации, третья дает представление о легальной, политической и социокультурной среде, в которой существует ГО, в частности, отношение общества в целом к духу добровольности и социальной активности, а четвертая измеряет вклад гражданских организаций в разрешение различных социальных, экономических и политических вопросов, определение повестки дня общественных интересов, принятие решений государством и бизнесом и их реализацию¹⁷.

Первичные сведения для проекта собирались в основном путем анкетирования руководителей и участников организаций и групп гражданского общества. Пакистан оказался в числе десяти первых стран, где обследования проводились в 2000–2001 гг. Причем среди них (в большинстве восточноевропейских) он был единственной азиатской и мусульманской страной. В 2003–2006 гг. сходный проект по созданию индекса гражданского общества охватил более 50 развитых и развивающихся стран Европы, Южной Америки, Африки и Океании. В число обследованных из мусульманских государств попали только Египет и Турция, а из азиатских – лишь Индия. Южная Корея и Вьетнам¹⁸.

Показатели по Пакистану, позволившие «нарисовать» ромб его гражданского общества оказались довольно неплохими даже при сравнении с такой развитой и явно «гражданской» страной, как Голландия. Вместе с тем, пакистанские показатели уступали голландским по всем сторонам ромба (пакистанский ромб находился как бы внутри голландского). Особенно сильно почти на 40 процентных пункта, был меньше третий индекс (среда) на 20 пунктов меньше голландского были у пакистанского ГО первый и второй показатели и на 16 пунктов (влияние) четвертый индекс. Кроме того, пакистанские организации в целом были не вполне сопоставимы с голландскими, т.к. отличались значительно большей типологической и генетической гетерогенностью, наличием современного и традиционного (не вполне, по существу, гражданского) сектора.

¹⁷ Anheier H.K. Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy. L., 2004. Ch. 2, 6 (Electronic resource)

¹⁸ CIVICUS Civil Society Index Report for the Netherlands. Final Draft, September 2006, P.10 (Electronic resource).

Оценивая масштабы и другие характеристики гражданского сегмента в Пакистане, авторы доклада о подготовке упомянутого выше индекса CIVICUS отмечали также нехватку достоверных и представительных данных. Так, число зарегистрированных и активно действующих неправительственных организаций оценивалось ими в 10–12 тысяч. Но при добавлении к ним зарегистрированных, но не проявляющих какой-либо активности организаций количество гражданских структур возрастало до 60 тысяч¹⁹.

В качестве принадлежащих гражданскому сектору авторами учитывались профессиональные союзы. Их количество оценивалось округленно в 8 тыс. с числом членов около 1 млн. человек. Это составляло лишь 5% рабочей силы страны. Последняя оценивалась в 20 млн. человек и не включала неоплачиваемых работающих членов семьи, особенно многочисленных в сельском хозяйстве и в неформальном секторе (незарегистрированный малый бизнес). Причисление профсоюзов к гражданскому сегменту демонстрирует расплывчатость его границ, хотя, на наш взгляд, полностью соответствует его критериям – добровольности и общественной активности. Факты, свидетельствующие о крайне ограниченных масштабах профдвижения существенны для понимания степени организованности труда, а также свободы в обществе, т.к. одна из основных причин слабости тред-юнионизма – ограничения, налагаемые государством в соответствии с «пожеланиями» хозяев предприятий. Авторы доклада отмечают, что численность и роль профсоюзов в Пакистане с 1970-х годов неуклонно сокращались. Это касалось как союзов на предприятиях, так и профобъединений. Только 2 тыс. тред-юнионов, по данным на 2000 г., имели право на заключение коллективных договоров²⁰.

Среди неправительственных организаций преобладали образовательные, далее располагались организации по охране здоровья и правам женщин. Связанными тематически с ними были детские и спортивные организации и ассоциации, а также по развитию общин, соседских и религиозных. Так называемые промежуточные, посреднические и поддерживающие структуры ориентировались

¹⁹ Sattar A., Baig R. Civil Society in Pakistan, P. 5.

²⁰ Ibid. P. 5–6.

в основном на те же цели, оказывая финансовую, техническую и организационную помощь.

Особо следует сказать о женском движении и организациях женщин. Возникнув первоначально как элитные клубы для женщин из богатых семей, движение за права женщин вышло на передний край общественной и политической борьбы под воздействием политики исламизации, проводимой режимом Зия-уль-Хака в 1980-х годах. Именно тогда образовались влиятельные женские организации (прежде всего, Хаватин-е-махаз-е-амаль, Женский форум действия), вступившие в борьбу против вводимых властями мер (исламские законы *зина* и *худуд*), ущемляющих права женщин в суде, при разбирательстве дел об обвинении в супружеской измене и прелюбодеянии, а также других дел, где свидетельство одного мужчины приравнивалось к двум женским. Острота проблемы дискриминации и притеснения женщин не была снята и в дальнейшем, что отразилось на активности и решительной позиции относительно немногочисленных, но весьма влиятельных женских правозащитных организаций²¹.

Трудно оценить масштабы средств, которые проходили через каналы гражданских организаций. Вопреки распространенному мнению, в основном это были внутренние, пакистанские средства. Сказались, в частности, традиции благотворительности, оказавшиеся весьма характерными для Пакистана. С 1960-х годов известен своей благотворительной деятельностью Саттар Идхи, создавший в Карачи и других городах страны организации по помощи бедным, больным, сиротам (головной организацией является «Трест Идхи») Широкую известность приобрела деятельность Хамид Хана, инициировавшего пилотный проект комплексного развития одного из трущобных районов Карачи – Оранги. Благотворительность нередко фокусируется на оказании медицинских услуг: фонд Шаукат Ханум оказывает помощь больным раком, а трест Лейтон-Рахматулла – нуждающимся в лечении глазных болез-

²¹ *Shaheed F.* The Women's Movement in Pakistan: Challenges and Achievements. Paper for edited book: Rethinking Global Women's Movement, ed. Amrita Basu, New Delhi (Electronic resource). Проблема женского протестного и правозащитного движения в Пакистане заслуживает специального рассмотрения. Отдельные ее стороны, а также вопрос об угнетении женщин рассмотрены в работах таких отечественных авторов, как А.А.Суворова, С.Махкамова, О.В.Плешов, И.Н.Серенко и др.

ней²². Видное место в оказании услуг в области здравоохранения давно занимают исмаилитский Фонд Ага Хана (о нем подробнее ниже) и некоторые христианские миссии.

Как явствует из приведенных примеров, благотворительность носила нередко религиозный, общинный характер, но чаще всего не была связана с радикальными идеологическими установками и, как правило, не ограничивала свою деятельность строгими рамками конфессиональной принадлежности.

Внешние, иностранные источники имели значение лишь для наиболее крупных и широко известных организаций, осуществляющих проекты социальной и экономической модернизации, по защите прав граждан и адвокатуры (оказание помощи в уголовно-судебных процессах). Впрочем, и некоторые религиозно-общинные организации, имея корни внутри страны, являлись по существу интернациональными.

Число членов в пакистанских НПО не было значительным. Систематическое представление о распределении организаций с точки зрения их численности дало лишь обследование 1991 г. осуществленное Организацией ООН по развитию. На тот момент треть организаций имела менее 50 членов, 17% – 50–99, еще 20% – от 100 до 149 и лишь у 5% количество членов превышало 450. Обследование показало, что около 90% работавших в НПО и НКО были волонтерами; таким образом, только 10% получали вознаграждение за свою работу. С опорой на эти данные число занятых в гражданском секторе на начало 2000-х годов оценивалось примерно в 250 тыс., что составляло от 0,5 до 1,6 % рабочей силы, в зависимости от ее оценки: 16–25 млн. человек²³.

Проведенное в 2002 г. обследование некоммерческих (non-profit) организаций дало несколько иные данные о специализированных гражданских организациях. (см. табл. 1)²⁴.

²² Khan A., Khan R. Civil Society and Social Change in Pakistan. P. 8–9.

²³ Sattar A., Rabia B. Civil Society in Pakistan. P. 9.

²⁴ Khan A., Khan R. Civil Society and Social Change in Pakistan. P. 3

Табл.1. Состав некоммерческого сектора

Основные некоммерческие организации	Число организаций	Процент
Образование и исследования	20699	46,4
Гражданские права и адвокатура	7815	17,5
Социальные услуги	3704	8,3
Развитие и жилищное строительство	3264	7,3
Здравоохранение	2700	6,1
Культура и досуг	2452	5,5
Религия	2184	4,9
Бизнес и профессиональные организации	1705	3,8
Окружающая среда	103	0,2
Итого	44625	100,0

Почти половина некоммерческих организаций относилась к сфере образования и исследований. Но, как отмечают авторы доклада, пакистанки А. Хан и Р. Хан, комментирующие эти цифры, огромная часть из них принадлежала религиозным, главным образом исламским организациям. Именно медресе (*дин-и-мадарис*) и семинарии (*дар-ул-улум*) составляли основу негосударственного и некоммерческого сектора образования. Обучение в религиозных школах для мусульман имеет в Южной Азии глубокие исторические корни. Распространенность такого образования усиливается в Пакистане тем обстоятельством, что далеко не все дети школьного возраста имеют возможность посещать государственные и общественные (частные привилегированные) школы. По оценкам на соответствующий период, примерно треть (более 1,5 млн.) посещавших школу детей получали образование в медресе, число которых превышало 10–12 тыс.²⁵ Именно распространением религиозного начального образования для детей из бедных семей можно объяснить явное превосходство НКО образовательного профиля над другими.

Чисто религиозные организации, главным образом, хотя и не исключительно, мусульманские, составляли немалый процент от

²⁵ Ibid. P. 6–7.

общего количества и должны быть присоединены к организациям и попечительским советам, курирующим сеть медресе и семинарий. В результате соотношение между НКО либерального и консервативного толка оказалось, как отмечают упомянутые выше авторы доклада, далеко не в пользу первых. Между тем, потенциал либерального сегмента ГО, состоящего из правозащитных организаций, по борьбе с коррупцией, за охрану окружающей среды и т.п., далеко не исчерпан. Его возможности кроются в совершенствовании форм работы, ориентации на нужды и потребности и конкретных групп населения²⁶.

Исламизация гражданского общества

Оценки состояния гражданского общества, которые давали авторы в начале 2000-х годов через десятилетие отражали тот же тренд. По мнению Т. Рашид, австралийского ученого – пакистанки по происхождению, за это время усилилась прослойка организаций ГО, которые заняли промежуточную нишу между современным и традиционным полюсами. Члены таких организаций, как правило, имеют современное нерелигиозное образование, принадлежат к лицам квалифицированных профессий, но по своему мировоззрению тяготеют к исламистам. Их отличает вера в «воображаемое славное прошлое» мусульман и эксплуатацию исламского мира Западом. В отличие от мусульман-традиционалистов они полагают, что их корни – не в родной земле (т.е. в исторической Индии), а в Саудовской Аравии, на родине ислама. Фундаменталистские и радикальные группы потеснили в первую очередь либеральные организации, наиболее сильные в крупных городах, оставив консервативным их традиционные сферы – деревенское общество и население малых, «сельских» городов. Впрочем, и мировоззрение многих членов светского (неисламистского) общества, как отмечает австралийская исследовательница пакистанского происхождения, отличает зачастую опора на конспирологические теории, уверенность в мировом заговоре, направленном против ислама и Пакистана.

²⁶ Ibid. P. 34–35.

Такие процессы, отмечает Т.Рашид, имели место в существенной мере вследствие политики государства как при военном режиме генерала П.Мушаррафа (1999–2008), так и после него, главным образом опять же вследствие влияния армии. Пакистанское государство поощряло радикализм посредством своей внешнеполитической деятельности – по вопросу об Афганистане и талибах, в отношении Индии и происходящих там терактах, а также политики в сфере внутренней безопасности с возложением вины за ее нарушения на внешние враждебные силы²⁷.

Тенденция увеличения роли мусульманских общественных организаций отразилась в расширении сети религиозного образования. К началу 2010-х годов число только зарегистрированных (т.е. учтенных правительством) медресе достигло 16 тыс. Обучение там находилось под слабым контролем государства. Только 250 зарегистрированных религиозных школ согласилось участвовать в разработанной правительством программе модернизации обучения²⁸. Преподавание истории и ряда других дисциплин велось в большинстве медресе по учебникам, нарочито искажавшим канву и смысл событий прошлого и грубо очернявшим внешнюю политику Индии и Запада. Произошедшее за последние два десятилетия сближение Индии и США облегчили возможность подогревать чувства антагонизма, ненависти к двум этим государствам (а также Израилю), – их изображают виновниками всех бед и несчастий, постигших страну.

В последнее время отмечено большое внимание, уделяемое исламистскими организациями целенаправленному воспитанию и образованию детей, прежде всего мальчиков. Особенно активно проявляет себя на этом поприще «Джамаат-е ислами». Оно одновременно является и партией, поскольку принимает участие в парламентской борьбе, и закрытой для посторонних структурой с жесткой внутренней дисциплиной. Помимо образования, ДИ широко занимается благотворительностью, помогает нуждающимся семьям. Определенные средства исламские общественные и политические организации вкладывают также в экономическое раз-

²⁷ Rashid T. Radicalisation of Civil Society. P. 162.

²⁸ Ibid. P. 162.

витие, поощряя малый бизнес, торговлю, но выступая, например, против схем по микрокредитованию, потому как они предполагают получение процента, запрещенного в исламе.

Характерно, что активность немусульманских религиозных организаций на современном этапе снижается, что в немалой степени связано с государственной политикой стимулирования в первую очередь исламской идеологии, образования и культуры²⁹.

Как уже отмечалось, благотворительность и помощь в решении проблемы бедности традиционно были заметной стороной деятельности многих религиозных сообществ. Характерна она и для организаций, представляющих богатые общины мусульманского меньшинства. Первое место среди них занимает Фонд исмаилитов Ага Хана. Это всемирная организация с центром в Лондоне активно действует не только в Пакистане, но и в Индии, в Таджикистане (на Памире) и других районах распространения исмаилитской шиитской секты. Наиболее успешным пакистанским проектом Фонда Ага Хана была поддержка сельского развития в ряде северных, населенных в значительной мере исмаилитами районах страны. Достаточно эффективная помощь крестьянам-исмаилитам послужила образцом для подражания и правительству, и другим общественным фондам. Пакистанское отделение фонда, кроме того, выступило в начале 2000-х годов в качестве инициатора и организатора Форума НПО – объединения гражданских обществ, соединяя в себе религиозную и светскую часть ГО.

В то же время успешная деятельность исмаилитских и других шиитских общественных организаций в последние годы косвенно вызывала усиление трений между общинами. Радикальные суннитские группировки использовали растущий разрыв между благосостоянием шиитов и суннитов для натравливания общин друг на друга. Кровавые столкновения на этой почве имели место между исмаилитами и суннитами в Гилгите на севере страны, а между шиитами и суннитами – в округе Джанг провинции Панджаб³⁰.

²⁹ Подробнее об этом см: Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006. С. 116–127. Kirmani N. Interactions between Religion, the State and Civil Society in Pakistan. Some Implications for Development. Lahore, 2011. P. 5. (Electronic resource)

³⁰ Ibid. P. 5–6.

Можно утверждать, что исламизация и радикализация части гражданского общества была следствием его «зажатости» между весьма слабым по сути, но при этом авторитарным, несмотря на внешнюю демократичность, государством и усиливающимися в широком политическом поле исламо-националистическими силами. Большую роль в образовании этих «клещей» играют вооруженные силы и состоящие при них силовые структуры, которые «подпирают» и во многом контролируют демократически избранную гражданскую власть, функционирующую на основе конституции парламентского типа. Именно недостаток подлинной демократии, влияние военно-религиозных кругов, по мнению И.Муфти, одного из лидеров либеральной части оппозиционного движения граждан, толкает пакистанское ГО вправо, на путь подчинения обскурантистским и экстремистским политическим течениям³¹.

Заключение

Итак, в Пакистане за годы его самостоятельного существования сложилось достаточно представительное и влиятельное гражданское общество, как в узком, так и в широком понимании этого термина. Формирование ГО шло параллельно с развитием государства и общества в целом. Исторически сложившийся в обществе дуализм, сосуществование современного, капиталистического уклада жизни и до некоторой степени преобразенных взаимодействием с ним традиционных порядков, отразилось и на неоднородном составе гражданского общества, наличии внутри него двух соответствующих такому дуализму секторов. Различия между секторами со временем уменьшились, что отражало своеобразную эволюцию дуалистической системы экономики и быта – расширение промежуточной, гибридной зоны сочетания современных и традиционных форм хозяйствования и укладов жизни.

Образование неправительственных и некоммерческих организаций ускорилось в конце прошлого и начале нынешнего столетия. И происходило это как под воздействием извне, в первую очередь, со стороны Запада, так и под влиянием усложняющейся внутренней обстановки, связанной с тесной вовлеченностью Пакистана в

³¹ An overview of Civil Society in Pakistan by Irfan Mufti//Civil Society Watch Monthly Bulletin. August 2009. No 44 (Electronic resource).

нескончаемый военный конфликт в Афганистане и другие остро протекающие региональные процессы.

Разнообразные внешние и внутренние факторы способствовали радикализации общественной обстановки в нынешнем Пакистане. Политизированная часть гражданского общества сдвинулась по преимуществу в сторону исламских и опирающихся на них националистических ценностей. Армия как важнейший в пакистанских условиях институт власти остановилась в опасной близости от пропасти исламистской радикализации. В гражданском обществе представлены обе тенденции – исламистская и либеральная, однако позиции последней в целом слабее. В 2011 г. ей были нанесены два удара – были убиты последовательный противник обскурантизма, губернатор Пенджаба С.Тасир министр по делам религий в центральном правительстве единственный представитель христианской общины в нем Ш.Бхатти.

Либеральная часть пакистанского гражданского общества надеется на изменение ситуации после проведенных в стране в мае 2013 г. очередных парламентских выборов. Само по себе проведение выборов после пяти лет, прошедших со времени избрания парламента в 2008 г., явилось первым таким событием в истории страны. Выборы прошли достаточно демократично, без нарушений регламента и грубых подтасовок. Вместе с тем, боевики из исламистских группировок, прежде всего пакистанские талибы, смогли, при слабости или попустительстве властей, запугать левоцентристские, так называемые светские партии, такие как ПНП, Национальная народная партия и др. сорвав проведение ими активной выборной кампании.

Выборы привели к смене правящей партии – вместо Пакистанской народной партии ею стала Пакистанская мусульманская лига. Произошел заметный сдвиг вправо политико-идеологической оси, в сторону исламистских и происламских сил и партий. Однако наиболее радикальные из них не имеют электоральной базы.

Умеренный исламизм отличается двуликостью и в Пакистане, и в других странах³². Центральное правительство во главе с новым премьер-министром Наваз Шарифом, а также правительство пар-

³² См. об этом: *Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И.* Двуликий Янус умеренного исламизма. Послереволюционная политическая борьба в Тунисе и Египте. М., 2013.

тии «Техрик-е-инсаф» (Движение за справедливость), победившей в северо-западной провинции «Хайбер-Пахтунхва», летом-осенью 2013 г. предприняли попытку наладить мирный диалог с экстремистами. Часть воинствующих исламистов заявила о согласии на него, но другая их часть усилила диверсионно-террористическую активность.

Произошедший поворот вправо легальных политических сил подготовлен отмеченной в главе тенденцией к исламизации гражданского общества в Пакистане. Последствия, которые может иметь дальнейшее развитие этой тенденции, пока трудно предсказать. Они могут быть как позитивными, так и негативными, способствуя в первом случае переходу радикалов-исламистов на более конструктивные позиции, а во втором – расширению очага влияния и господства непримиримого воинствующего исламизма.

Contents

Introduction (<i>V.Y.Belokrenitsky</i>).....	5
Section I. Afghanistan. Autocracy and Constitutionalism (<i>R.R.Sikoev</i>)	22
Chapter 1. The Authoritarian Rule of Abdur Rahman Khan.	22
Chapter 2. The Constitutional Authoritarianism of Amanullah and its Failure.....	42
Chapter 3. The Rule of Nadir Shah and of the Last King Zahir Shah. The Constitution of 1964	63
Section II. Pakistan. The Specific Features of the Authoritarian Democracy (<i>V. Y.Belokrenitsky</i>)	79
Chapter 4. The Personalistic Authoritarianism	79
Chapter 5. The Ideological State	111
Chapter 6. The Politics of Islamization and the Crisis of Power....	131
Chapter 7. The Formation and Role of the Civil Society	152
Contents	174

Для заметок

Научное издание

**Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Руслан Романович Сикоев**

**Авторитаризм и демократия в условиях
Афганистана и Пакистана**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Компьютерная верстка О.Н. Морозовой

Подписано в печать 13.11.2013. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 гм². Формат 60х90^{1/16}
Усл. печ. л. 11. Тираж 300 экз. Заказ № 666.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А.В. Сарасьев
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46
Тел.: (495) 726-31-69; (495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо